

ДРАКОН ПРОСНУЛСЯ?

АЛЕКСАНДР ХРАМЧИХИН

ДРАКОН ПРОСНУЛСЯ?

ВНУТРЕННИЕ ПРОБЛЕМЫ КИТАЯ КАК ИСТОЧНИК
КИТАЙСКОЙ УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ

Москва
Издательский дом «Ключ-С»
2013

УДК 323/324(510):323/327(470+571)

ББК 66.3(5Кит)+66.3(2Рос)

X89

Исследование осуществлено в рамках целевой научной программы Центра комплексных исследований Кавказа и Востока РГТЭУ «Стратегическая безопасность России: история и современность». Научный руководитель программы — доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСО-Алания Н.Н. Лысенко.

Рецензенты: доктор исторических наук, почетный работник высшего профессионального образования России И.О. Князький; доктор исторических наук Е.С. Галкина.

Храмчихин, Александр Анатольевич.

X89

Дракон проснулся? : внутренние проблемы Китая как источник китайской угрозы для России / Александр Храмчихин . – Москва : Ключ-С, 2013. — 192 с. : ил.

ISBN 978-5-93136-200-7

В книге рассмотрены основные тенденции социально-экономического развития современной Китайской Народной Республики. Показано, что в обозримом будущем Китай окажется перед выбором: внутренний коллапс из-за неразрешимых проблем и противоречий социально-экономического развития или внешняя экспансия с целью получения новых территорий и ресурсов. Оптимальными направлениями такой экспансии являются азиатская часть России и Казахстан, причем под этот военно-политический и экономический натиск в Китае давно подведена развитая идеологическая база.

Фактическая табуированность и целенаправленная маргинализация темы китайской угрозы в российских научных и общественно-политических изданиях становится дополнительным фактором прогнозируемого стратегического успеха Китая в деле этнического захвата и экономического освоения дальневосточных и сибирских территорий постсоветской России.

УДК 323/324(510):323/327(470+571)

ББК 66.3(5Кит)+66.3(2Рос)

ISBN 978-5-93136-200-7

© Храмчихин А.А., 2013

© Оформление. ИД «Ключ-С», 2013

АЛЕКСАНДР ХРАМЧИХИН ПРОТИВ «ПАРАДОКСА ГЕГЕЛЯ»

(предисловие редактора)

Великий немецкий мыслитель Гегель как-то сказал: «История учит человека тому, что человек ничему не учится из истории». Согласитесь, любопытная мысль, и настолько, что вот уже не одну сотню лет после Гегеля ученые-философы яростно обсуждают между собой этот парадокс (он имеет даже собственное название в классической философии — «Парадокс Гегеля»). Ученые мужи напряженно пытаются найти некие «точки опоры выводов» или же «принципы понимания», которые должны встать в свою очередь, научить нас, сырых, извлекать из исторических событий правильные выводы.

Для властей в России этот интеллектуальный штурм ученых-философов — разрешить к всеобщей пользе человечества «Парадокс Гегеля», по-видимому, не просто актуален, а, я бы сказал, сверхактуален, если только можно так выразиться в этом случае. Почему? Да потому что, как показывает все та же история, российская власть изначально, онтологически, уже на клеточной структуре своего генома постоянно доказывает, что учиться на своей собственной истории не только не любит и не стремится, но, к сожалению, зачастую просто не в состоянии.

Примеры воздействия «Парадокса Гегеля» на актуальную власть в России общеизвестны, не побоюсь сказать даже, что их столько, что дух захватывает. Наши вершители судеб настолько не желают учитывать события и факты предшествующей истории и настолько поступают вразрез с ними, что кажется порой, что ее полномочные представители наивно мнят себя наместниками Бога на земле, для которых, понятное дело, доводы системного анализа просто излишни. Возможно, правда, что это происходит от всем известной широты русской души. То ли по иной причине — детально описанной Салтыковым-Щедриным, — это когда полный идиот ложку с кашей не в разверстый рот, а прямиком в ухо несет!

В этой связи русский историк Сергей Михайлович Соловьев еще в XIX веке предостерегал: «Историю нельзя изменить, у нее можно только учиться». Ведь последующие поколения непременно предъявят свой счет, который нечем будет оплатить. Но, к сожалению, российских чиновников в ожидании указаний сверху очень часто устраивает традиционная «поза страуса». Вместе с тем важно вовремя оценивать складывающуюся ситуацию, принимать оперативные и адекватные меры. Иначе быть беде!

Как родовой казак и как гражданин России, не за страх, а за совесть болеющий за восстановление былого военно-социального потенциала народа казаков, никак не могу взять в толк: отчего уже долгие годы, более 20 лет, актуальная политическая власть в Российском государстве никак не удосужится заметить огромного потенциала возможной политики «нового оказачивания» Сибири и Дальнего Востока. Ведь очевиден факт, что известное нам по дореволюционным, советским, а ныне российским учебникам истории «русское освоение Сибири и Дальнего Востока» без участия казаков было бы принципиально невозможным. Только казаки — уникальное этническое сообщество, для которого идеалы человеческого достоинства, духовной свободы, национальной и социальной взаимоподдержки были не чем-то отвлеченным и далеким, а фактом их повседневной реальности, — могли совершить этот подвиг: всего за столетие не только завоевать, но и привести в полную покорность (как писали в летописях — «замирить») почти половину географической территории евразийского материка.

В период перестройки и последующего «безвременья Ельцина» структурные социально-экономические перекосы в целом по стране достигли такого уровня напряженности, что вызвали массовый исход населения из районов Крайнего Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока. В меньшей степени процесс демографического коллапса затронул Западную Сибирь, однако и здесь в целом по региону наблюдается постепенная убыль населения, особенно сельского, сопровождающаяся деградацией сельскохозяйственной среды. Сочиняются лукавые программы переселения людей из Северных районов Сибири. Полноте господя – свято место пусто не бывает. Не переселять нужно, а заселять, при этом создавать соответствующие социальные условия проживания и трудоустройства. Арктический шельф, Северный морской путь ждёт. А это новый экономический потенциал для всей России.

Если участие современного российского государства в деле возрождения казачества на Дону и Кубани еще можно как-то оценить, то это участие к востоку от Урала в большей степени мнимое либо командно-

бюрократическое. Дефицит идеологической и интеллектуальной составляющих по существу оставляет за бортом реальной государственной политики такой мощный пропагандистский императив, каковым могла бы стать идея возвращения казачества на Русский Азиатский Восток. Идею *Казацкого Присуда* — священных земель казачества, обнимающих полосу лесостепи, степи и гор, протянувшуюся в широтном направлении от бассейна реки Днепра до бассейна реки Урал, — логично и идеологически легко дополнить землями Алтая, Саянских гор, Забайкалья и бассейна Амура. Исторически бесспорен факт, что эти земли были присоединены к России казаками, а значительное число населенных пунктов в этих регионах были основаны их атаманами. Бесспорно и то, что главным препятствием на сегодняшний день в деле возрождения казачества является отсутствие государственной функции этого возрождения.

Лозунг «Возрождение России — на Востоке!», подкрепленный соответствующими государственными гарантиями и льготами, беспроцентным кредитованием, долгосрочным лизингом сельскохозяйственной техники, безвозмездной передачей в собственность крупных наделов земель сельскохозяйственного назначения, мог бы вызвать действительно высокую волну русского возвратного движения на Азиатский Восток. Обретенная казачеством реальная государственная функция придала бы всему движению казаков и эффективный экономический стимул, и подлинное социально-политическое значение.

К сожалению, российская актуальная власть думать, проявлять инициативу, хотя бы как-то пытаться извлечь уроки из относительно недавнего прошлого России никак не хочет или не может. А жаль! Вот только один, хотя и весьма яркий пример из нашей истории, имеющий прямое отношение, как мне кажется, к идее и смыслу монографии Александра Анатольевича Храмчихина «Дракон проснулся?».

За девять (!) лет до войны с Японией 1904–1905 гг. контр-адмирал Степан Осипович Макаров, побывав с военной эскадрой в Тихом океане, писал:

«Обстоятельства так сложились, что японцы в настоящее время считают Россию врагом для естественного, по их мнению, развития страны. Война с Россией будет чрезвычайно популярна в Японии и вызовет с первой же минуты полное напряжение ее сил...»

Вернувшись из дальнего морского похода к японским берегам, трудоголик С.О. Макаров не стал болтаться по Санкт-Петербургу в поисках офицерских пирушек и будuarов балерин, как это активно делали в это же самое время власть имущие и приближенные к ним особы.

Нет, адмирал Макаров засел за теоретическое обобщение практических результатов своего рейда и буквально в течение года написал и издал (1897 г.) фундаментальный труд «Рассуждения по вопросам морской тактики». В числе прочих здравых и своевременных мыслей в этом труде есть и такая, как теперь уже совершенно ясно, пророческая:

«Никто не может быть провидцем в политике, но было бы неосторожно думать, что великое переселение народов более не повторится, а если начнется движение желтой расы с востока на запад, то мы первые должны будем своей грудью остановить этот поток. Благоразумие требует готовиться к таким событиям, и эти приготовления не могут принести никакого вреда; они лишь внесут в массу русского народа то, чего так много было у римлян во времена их владычества и отсутствие чего привело к падению этой всемирной империи».

Что уж и говорить, Степан Осипович изложил в своей книге мысли и выводы, нужные и ко времени! Боюсь только, что никто из тех, от кого зависела судьба тогдашней Российской империи, так и не удосужился их прочесть. И, главное, осмыслить. Некогда было: смотры, театрализованные маневры, высочайшие приемы и так далее — светская жизнь занимала основное время, да и разум. Короче, его труд не выстрелил... А жаль! Искренне жаль! Поскольку в «Рассуждениях по вопросам морской тактики» были не только и не столько рассуждения, но прежде всего — программа конкретных и своевременных мер, которая — будь она реализована! — помогла бы России быстро и без лишних потерь взять верх в надвигающейся войне с Японией. Книга вышла в 1897 г. Война с японцами началась в 1904 г. Было почти восемь лет на подготовку, но ничего не было сделано!

Неугомонный Макаров на теоретических трудах не остановился. Став в начале 1900 г. членом Комиссии по вооружению крепостей, он незамедлительно стал стучаться во все властные двери империи с требованием подготовки крепости Порт-Артур к длительной круговой обороне. 8 марта 1900 г. в поданной им управляющему Морским министерством адмиралу П.П. Тыртову и начальнику Главного Морского штаба вице-адмиралу Ф.К. Авелану докладной записке С.О. Макаров пишет:

«Падение Порт-Артура будет страшным ударом для нашего положения на Дальнем Востоке... Чтобы этого не случилось, Порт-Артур должен быть сделан неприступным и снабжен провизией, порохом и углем в таком количестве, чтобы выдержать очень длительную осаду, пока не прибудет подкрепление».

Рвение С.О. Макарова показалось в Морском министерстве и прочих высоких кабинетах чрезмерным и неуместным. Морской министр

Тыртов с явным раздражением начертал на докладе Степана Осиповича, что, по его мнению, Макаров считает русскую морскую эскадру на Дальнем Востоке «за нуль», коль скоро допускает, что русские моряки позволят японцам подвезти тяжелые осадные орудия к стенам крепости Порт-Артур морем. Тыртов считал, что он лучше Макарова знает военные возможности русских и японцев. Увы, морской министр ошибался. Через четыре года русский Порт-Артур был взят именно с суши. Мощнейшие, на тот период, осадные орудия были доставлены из Японии морем и совершенно беспрепятственно, буквально на глазах у обескровленной русской эскадры, выгружены в порту Дальний. Уже через два дня они устроили защитникам Порт-Артура огненный армагеддон.

С.О. Макаров не стал бы национальным героем русского народа, если бы смирился с «толстокожестью» Тыртовых и Авеланов. 11 ноября 1902 г. Макаров подает в Главный Морской штаб свою новую аналитическую записку, в которой, минуя всякие дипломатические околичности, прямо заявляет:

«Хочу поставить в известность, что, по моему глубокому убеждению, разрыв отношений последует со стороны Японии, а не с нашей. И весь японский народ, как один, поднимется, чтобы достичь успеха».

Вы думаете, что столь грозное и прямое предупреждение морского офицера, имевшего абсолютную компетентность в вопросе мобилизационных возможностей японского флота, встревожило, наконец, высшее военно-политическое руководство Российской империи?

Ничуть! Ответом на бесконечные побудительные «инъекции» Макарова стала командировка в Порт-Артур его военного оппонента — генерала А.И. Куропаткина (того самого, что в конечном итоге бездарно проиграл сухопутную кампанию японцам) — с целью инспекции состояния Тихоокеанской эскадры и крепости. Александр Иванович был истинно светским человеком — он не любил попусту волноваться. По возвращению в Петербург Куропаткин доложил именно то, что хотели слышать царь и его окружение. В докладе Куропаткин писал: «Мы имеем силы отстоять Порт-Артур, даже борясь один против 5–10 врагов. Дальнейшие работы [имеется в виду фортификационное строительство в Порт-Артуре. — В.С.] дадут возможность найти безопасное убежище всей нашей Тихоокеанской эскадре. Уже ныне эта эскадра может смело мерить свои силы со всем флотом Японии с надеждой на полный успех. Таким образом, Порт-Артур, обеспеченный с моря и с суши, снабженный сильным гарнизоном и поддержанный могущественным флотом, представляет вполне самостоятельную силу... Теперь можно не тревожиться».

И политическая элита обветшало́й империи не тревожилась. В Зимнем дворце с наслаждением били поклоны и танцевали на балах, неистово грызлись и злословили в придворных интригах, — не замечая, как на юго-восточные берега России неотвратимо накатывал тяжкий «девятый вал».

Поздней осенью 1903 г., уже после окончания «прекраснодушной» миссии генерала Куропаткина, Степан Осипович Макаров с досадой писал своему другу, барону Ф.Ф. Врангелю: *«Меня не пошлют туда — пока не случится там [в Порт-Артуре. — В.С.] несчастье; а наше положение там крайне невыгодно».*

Русский адмирал и здесь оказался прав. Его действительно послали в Порт-Артур только тогда, когда японцы отправили на дно или привели в негодность лучшие корабли Тихоокеанской русской эскадры, когда они перебросили под Порт-Артур осадные пушки и элитные военные формирования. Россия привычно направила Степана Осиповича, равно как и тысячи других верных солдат и офицеров, — не за победой, а героически умирать...

После бездарно проигранной войны, посыпая голову пеплом, так называемая политическая элита Петербургской империи привычно стала искать ответы на сакраментальные русские вопросы «Кто виноват? Что делать?».

Мнений на этот счет высказывалось много и разных. Правда, все они были уже ни к чему: в Порт-Артуре маршировала японская гвардия, кости русских солдат дотлевали на равнинах Маньчжурии, а славные русские броненосцы и крейсера двух эскадр либо ходили под японским флагом, либо ржавели на морском дне.

Глубже всех суть произошедшего осознал молодой капитан 1 ранга, князь Александр Александрович Ливен. В своей книге «Дух и дисциплина в нашем флоте» (1908 г.) светлейший князь с горечью написал:

«...Но как это могло случиться? К чему мы готовились? К чему угодно — только не к бою. Накануне объявления войны в Порт-Артуре запрещалось говорить о разрыве с Японией. Считалось, что такие переговоры произведут панику в личном составе. Мысль о войне всегда отодвигалась на задний план как неприятная, а все стремления были направлены к ее избежанию. Пропаганда идей всеобщего мира находила особенно благосклонное ухо в России. Мы строили броненосцы и одновременно проповедовали мир, радовались возрождению флота и одновременно надеялись этим флотом не разбить неприятеля, а сохранить с ним дружеские отношения. Кому же было неизвестно, что у нас нет унтер-офицеров, что команда кораблей плохо обучена, что весь личный состав без практики

и без сплоченности? Но и с этим мирились, рассчитывая, что воевать не придется. Кто же не видел, что у нас стрелы и маневры бутафорские, что стрельба производилась слишком уж редко, что офицерство скучало в вооруженном резерве и прочее. Но все это терпелось, все откладывалось, то за неимением денег, то по другим причинам...»

Боже правый, как все это соответствует нашим дням! Князь Ливен писал эти строки в 1908 г., а кажется, что все это сказано буквально сегодня. Повествование о скорбных буднях армии и флота Российской империи, а живое ощущение, что все это говорится о вооруженных силах Российской Федерации!

Так что же все-таки происходит с нами, с русскими? Почему же так страшен и так непреодолим для нас пресловутый «Парадокс Гегеля»?

Будучи как-то в командировке в Москве, я случайно приобрел одну малотиражную подмосковную газету: нужно было хоть за каким-то чтением скоротать время. Просматривая ее, я, в прошлом авиатор, заинтересовался обстоятельным интервью прославленного летчика-штурмовика Василия Павловича Завьялова, посвященным так называемому «внезапному» нападению фашистской Германии на Советский Союз («Томилинская Новь», № 13 (179), 27.06.2008). Это интервью я бы с охотой привел здесь полностью (вырезку из газеты храню до сих пор), но нельзя же превращать редакторское предисловие в бесконечный список. Поэтому изложу только суть: полковник Завьялов как-то исчерпывающе полно объяснил мне причину нашего столь пагубного пристрастия к «Парадоксу Гегеля». Эта причина — в хронической, бездоказательной и безответственной болтовне о мире. Впрочем, слово летчику-штурмовику:

«Главным фактором, обеспечившим гитлеровцам внезапность нападения, стала, на мой взгляд, наша застарелая общенациональная болезнь — говорильня о мире. Вы думаете, это только сейчас началось, или только при Леониде Брежневе мы неистово боролись “за мир во всем мире”? Перед войной, невзирая на бравурные песни и марши, мы тоже “боролись за мир” — в основном языками. Мир, будет мир, нам нужен мир — такие речи буквально лились со всех сторон. Наша официальная советская агитпропаганда словно бы пыталась заклясть или, как сейчас модно говорить, — закодировать фашистов на мир. Можно только представить, как смеялись над всем этим “миролюбивым” балаганом в немецких штабах! Лжепропаганда о “мире во всем мире” оказала страшное расслабляющее воздействие на Красную армию и на все советское общество в целом. “Кукушкиными слезами” о мире мы закодировали только самих себя!»

Поскольку я как редактор не мог, конечно, не прочитать новую, совершенно необходимую для прочтения «в штабах, в казармах и на ко-

раблях» книгу известного военного эксперта Александра Анатольевича Храмчихина, я точно могу сказать сейчас важнейшее: Храмчихин против существования «Парадокса Гегеля» применительно к России и русскому народу. Храмчихин — убежденный, последовательный, высокоэрудированный, а потому очень опасный враг этого пресловутого «Парадокса». Он абсолютно безоговорочно за то, чтобы русский народ, а с ним вместе и вся Россия, последовательно, постоянно и продуктивно учились на собственных ошибках. На ошибках прошедшей истории. В том числе и на ошибках внешнеполитических, коих, увы, и за древнюю, и за новейшую историю накопилось чрезмерно много. За которые сторицей, с избытком страна расплачивалась русской кровью! Современная действительность сурова и не позволяет расслабляться в надежде на мир во всем мире, ведь мир, как океан, не может быть везде тихим. Нужно помнить мудрость наших предков, которые говорили: «С соседом дружись, а тын городи!»

Книга Александра Храмчихина написана на публичных материалах, в ее основе — бескомпромиссный анализ состояния экономики, социальной и военной сфер современного Китая. Поэтому полагаю, что эта книга будет весьма полезна всем читателям и прежде всего историкам, политикам, практикам — тем, от кого во многом зависит будущее нашей страны, имеющей колоссальную по протяженности сухопутную границу с Китайским Гигантом.

Я искренне советую всем мыслящим людям Российской державы с карандашом в руках ознакомиться с этой новой книгой блестящего военного аналитика. Прочитать ее стоит хотя бы для того, чтобы, говоря словами полковника Завьялова, не заливать в дальнейшем нашу многострадальную Родину очередными «кукушкиными слезами о мире». За которыми всегда — со страшной неизбежностью — проливаются в России потоки самых настоящих кровавых слез!..

В.И. Степанченко

Руководитель фракции
партии **СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ**
в Законодательном Собрании
Ямало-Ненецкого автономного округа,
атаман Обско-Полярной казачьей линии
Сибирского казачьего войска,
кубанский казак по рождению,
кандидат юридических наук

ВВЕДЕНИЕ

Определение внешних угроз для России является исключительно важной задачей. Именно исходя из существующих внешних угроз ведется военное строительство, они также должны учитываться в большинстве других сфер государственной политики. Исходя из геополитической ситуации вполне очевидно, что фактор китайской угрозы для России заслуживает самого серьезного изучения. К сожалению, этому мешают обстоятельства явно субъективного характера.

Благодаря усилиям мощного прокитайского лобби (возможно, правильнее будет назвать его «пятой колонной») тема китайской угрозы для России в нашей стране либо последовательно замалчивается, либо столь же последовательно маргинализируется. Члены данного лобби объявляют сторонников теории китайской угрозы либо людьми заведомо некомпетентными, либо «агентами американского империализма». При этом применяется откровенное передергивание фактов, а общественные дискуссии ведутся только с людьми действительно некомпетентными.

В то же время, множество совершенно объективных фактов стремительного усиления китайской военно-политической мощи в России целенаправленно игнорируется. В частности, существует своеобразный «запрет на выводы» из факта перенаселенности Китая и крайней сложности и запутанности проблем, порождаемых ею. Еще более табуирована тема военного строительства в Китае. В частности, российскому общественному мнению навязываются мифы о производстве боевой техники в Китае «небольшими партиями», причем эта техника априорно считается, как и до начала китайских реформ, крайне низкокачественной. Между тем в КНР боевой техники всех основных классов сегодня производится больше, чем во всех 28 странах НАТО вместе взятых, некоторые ее образцы уже сегодня несут серьезнейшую угрозу российским ВС в приграничных районах. Опыт последних локальных войн также свидетельствует о том, что многие типы китайской техники выигрывают в бою у российской техники, состоящей на вооружении отечественных ВС.

Наиболее же принципиальным моментом, обсуждать который китайское лобби в России категорически запрещает, является то, что китайская угроза — **объективная реальность, являющаяся прямым следствием внутренних проблем Китая и особенностей его развития**, а не чьяй-то пропагандой и не следствием каких-либо субъективных факторов. Соответственно, игнорирование факта угрозы либо попытка рассматривать ее в контексте отношений России с любыми третьими странами как раз и является признаком или некомпетентности, или прямой работы на китайские, а не на российские национальные интересы.

Данная работа построена на основе, в первую очередь, российских источников, в основном — на работах сотрудников Института Дальнего Востока РАН, чья политика в отношении главного объекта исследований — современного Китая — будет рассмотрена отдельно. Второй основой данной работы являются статьи китайских авторов, представляющих ведущие научные круги современной КНР. Не рассмотрены (за редким исключением) западные источники и работы китайских диссидентов. Это позволяет продемонстрировать, насколько сильно выводы российских ученых расходятся с пропагандой прокитайского лобби, в т.ч., как это ни парадоксально, тех же самых ученых. Кроме того, российскому читателю будет легче проверить основные выводы автора через русскоязычные источники, ссылки на которые здесь приведены.

ГЛАВА I.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ, ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

За период с 1980 по 2011 г. ВВП Китая вырос почти в 50 раз и достиг 7,3 трлн долларов (47 156,4 млрд юаней), в 2010 г. Китай официально вышел на второе место в мире по объему ВВП [1; 2]. При сохранении существующих тенденций в области экономики Китай в ближайшие 20 лет имеет возможность по абсолютному объему ВВП выйти на первое место в мире, обойдя по данному показателю США [3], причем всемирный экономический кризис лишь приблизит этот момент. Дело в том, что в период кризиса, когда все крупнейшие экономики мира испытывали либо спад, либо рост, близкий к нулю, экономика КНР продолжала расти почти прежними темпами (примерно 10% в год), т.е. доля ВВП Китая в мировом ВВП еще больше выросла. Вообще, всемирный кризис и развал сложившихся международных механизмов ускорил выход Китая в мировые лидеры, поскольку новые механизмы уже невозможно построить без участия Китая [4]. Внешнеторговый оборот Китая с 1978 по 2010 г. вырос в 140 раз (с 20,6 до 2 972,8 млрд долларов). В апреле 2011 г. золотовалютные резервы превысили 3 трлн. долларов [5]. Доля Китая в мировом экспорте в 2010 г. составила 10,4%, в импорте — 9,1% (США — 8,4% и 12,8% соответственно) [6], доля продукции машиностроения в его экспорте достигла в 2010 г. 59,2% [7].

При этом Китай испытывает целый ряд серьезных экономических и социальных проблем, которые в обозримом будущем могут поставить под угрозу внутреннюю стабильность в стране, если не само ее существование, и которые достаточно сложно решить без ведения внешней экспансии.

Так, за 40 лет (с 1970 г.) потребление нефти в Китае выросло более чем в 25 раз [8]. Если еще в начале 90-х гг. XX в. Китай полностью удовлетворял свои потребности в нефти за счет собственных месторождений (а в 70–80-е гг. даже экспортировал нефть), то в 1993 г. он стал им-

портером нефти, причем доля импорта в потреблении нефти Китаем очень быстро растет. Ситуация в этой области прогрессивно ухудшается, а реальность опережает самые плохие прогнозы.

Наиболее известными прогнозами потребления Китаем нефти считаются три сценария развития до 2020 г., разработанные проблемной Группой по изучению стратегии комплексного развития энергетики в Китае осенью 2003 г. с прогнозом потребления энергоресурсов по каждому сценарию. По наименее благоприятному сценарию **А** — потребление нефти с 2000 по 2020 г. возрастет с 230 до 610 млн т. По «промежуточному» сценарию **В** потребности в 2020 г. составят 560 млн т нефти. При реализации оптимального сценария **С** потребности в 2020 г. составят 450 млн т нефти [9, с. 166–173].

Приведенные в этих сценариях значения потребности Китая в нефти (от 450 до 610 млн т) в 2020 г. фигурируют во множестве научных работ и материалов СМИ. Между тем следует отметить, что в указанных сценариях потребление нефти в 2005 г. должно было составить по сценарию **С** — 270 млн т, по сценариям **А** и **В** — 290 млн т, в 2010 г. — 320, 370 и 380 млн соответственно [9, с. 170]. В реальности уже в 2004 г. оно превысило 300 млн т [10, с. 140; 11, с. 110]), в 2007 г. потребление нефти составило 346 млн т, импорт — 159,28 млн т [12], в 2010 — 442 и 239,3 млн т соответственно.

Таким образом, можно констатировать, что текущие тенденции обещают потребности Китая в нефти, почти на 20% более высокие, чем даже по наименее благоприятному сценарию **А**. Если они сохранятся, то к 2020 г. потребление подойдет к 700 млн т, а возможно, даже превысит его.

То, что реальность оказывается хуже худших сценариев, подтверждает такой факт: в середине 90-х предполагалось, что к 2010 г. будет импортироваться 38% потребляемой Китаем нефти [13]. Как показано выше, уже в 2005 г. этот показатель превысил 42%, в 2010 г. он достиг 54,1%. В прогнозе, сделанном китайскими экономистами в конце 90-х гг., предполагалось, что в 2010 г. потребление нефти составит 284 млн т, в т.ч. импорт — 84 млн т. В 2020 г. эти показатели должны были составить 355 и 135 млн т соответственно [14]. Таким образом, реальные показатели 2010 г. значительно превзошли прогнозные параметры на 2020 г. Как отмечают китайские эксперты, для Китая при его наибольшей в мире населенности энергетика имеет фундаментальное, первостепенное значение, с точек зрения экономического прогресса, социальной стабильности и национальной безопасности. Непрерыв-

ное углубление зависимости от зарубежных энергоресурсов самым непосредственным образом связано с национальной безопасностью [15].

Имеет место дефицит и других ресурсов. Производя 4% мирового ВВП, Китай потреблял 7,4% нефти, 31% угля, 30% железной руды, 37% стали, 25% алюминиевого сырья и 40% цемента [16, с. 328–329, 331]. Когда в 2009 г. ВВП Китая стал составлять 8,5% от общемирового, то потребление нефти — 10,4%, стали — 46,4%, а каменного угля — 46,9% [17]. Общий отрицательный баланс производства и потребления энергоносителей вырос с 19,14 млн т условного топлива в 1992 г. (до этого баланс был положительным) до 320,29 млн т в 2009 г. [18].

Если Китай к 2031 г. по доходу на душу населения догонит США, то он будет съедать 2/3 мирового урожая зерна, потребление им нефти поднимется на 500% по сравнению с 2006 г., что приведет к нехватке 800 млн т в год мировой добычи, спрос на бумагу вдвое превзойдет мировое ее производство [11]. Как пишет в своей работе ведущий научный сотрудник ИДВ А. Давыдов, «доказано, что та расточительная модель, на которой базируется модернизация Китая, может не только обрушить его экономику, но и истощить мировые запасы ресурсов. То, что было достаточным еще недавно для удовлетворения потребностей “золотого миллиарда”, окажется в крайнем дефиците, если к “клубу потребителей” полноправно присоединится 1,3-миллиардный Китай» [19, с. 35–36]. Китайский политолог Цзинь Цаньчжун задает риторический вопрос: *«Начиная индустриализацию, Англия имела население 10 млн чел., но создала “империю незаходящего солнца”. США, располагая 100-миллионным населением, создали миф о единственной сверхдержаве. Что же будет означать для мира индустриализация, которую осуществляет Китай с населением 1,3 млрд человек?»* [20, с. 23].

Формально Китай хорошо обеспечен природными ресурсами. Он занимает первое место в мире по запасам гидроресурсов, третье — по запасам каменного угля, шестое — по запасам нефти. Однако в расчете на душу населения Китай существенно отстает от среднемировых показателей (например, по нефти — 6,3% от среднемирового уровня, по газу — 6,7%). За исключением угля Китай испытывает серьезный недостаток практически всех видов полезных ископаемых, а примерно половина из них близка к исчерпанию. Низкая обеспеченность природными ресурсами усугубляется крайней расточительностью действующей модели экономического роста с точки зрения расходования ресурсов на единицу произведенного ВВП. В 2007 г. Китай вышел на первое место в мире по использованию воспроизводимых энергоресурсов (сол-

нечная, ветровая, гидротермальная энергия и т.д.), однако они едва превышают 1% от общего производства энергоресурсов, этим путем решить проблему энергобезопасности огромной страны не представляется возможным [18].

Заменителем нефти в энергетике мог бы стать уголь — единственный природный энергоноситель, с коим Китай пока не испытывает серьезных проблем. С 1978 по 2008 г. добыча угля в КНР выросла в 4,51 раза [18, с. 59], хотя в последние годы потребности страны в энергии оказались настолько велики, что и уголь Китай начал импортировать. При этом руководство страны пытается снижать размеры угольной энергетики, поскольку сталкивается с еще одной проблемой, пожалуй, более серьезной, чем даже проблема ресурсов, — экологической.

По мнению многих экспертов, если рост китайского ВВП считать с учетом ущерба, нанесенного окружающей среде, то он будет составлять не 8–14%, а 1–3% в год, а в отдельные годы имел место не рост, а падение ВВП [21; 22, с. 101]. К зонам экологического бедствия относятся 80% территории Китая [23]. **Особенно серьезна ситуация с питьевой водой.** На единицу ВВП китайская промышленность тратит в 4 раза больше воды, чем в среднем в мире. Считается, что 5 из 7 основных водных систем Китая настолько загрязнены, что опасны для здоровья человека при любом контакте. Вокруг Пекина вода непригодна для употребления на глубине до 1 км. В целом в городах Китая не хватает около 6 млрд кубометров пресной воды, общий дефицит воды составляет 40 млрд кубометров в год. Из 660 городов более 400 страдают от нехватки воды, причем в 136 городах эта нехватка является очень острой. Более 360 млн чел. потребляют воду, не отвечающую санитарным нормам, официально зарегистрировано 120 млн случаев заболевания гепатитом В. Ежегодно от заболеваний, связанных с водой, умирает более 500 тыс. детей. Отравлено 80% всех водоемов страны. Бассейны трех рек, где проживает более половины населения страны, утратили способность к естественной регенерации. В Хуанхэ из-за загрязнения вымерла треть видов рыб, объем вылова сократился на 40%. Общий объем жидких стоков превысил 50 млрд т. До 30 млн человек в Китае являются «экологическими беженцами». Треть территории страны страдает от кислотных дождей, о чем в августе 2006 г. официально заявил заместитель председателя постоянного комитета Государственного совета (правительства) КНР Шен Хуарень. Главная причина — продукты сгорания угля. По сравнению с 2000 г., в 2006 г. в Китае выброс диоксида серы, вызывающего образование кислотных дождей, вырос на 27%. Выбросы CO₂ в Китае также самые большие в мире, на 85%

они обусловлены сжиганием угля промышленностью и населением [16, с. 350; 18; 23; 24, с. 173–190; 25; 26; 27; 28; 29; 30]. Выбросы двуокиси серы вдвое больше, чем возможности природной среды по ее нейтрализации. Аналогичная ситуация сложилась с загрязнением воды. Несмотря на жесткие директивные указания руководства страны по снижению вредных выбросов, в лучшем случае, удастся добиться стабилизации ситуации, либо продолжается рост [31, с. 26]. В частности, предусматривалось снизить выбросы двуокиси серы с 19,95 млн т в 2000 г. до 17,96 млн т в 2005 г., на самом деле в 2005 г. они достигли 25,49 млн т. Только в 2007 г. достигнуто снижение до 24,7 млн т. Объем жидких стоков продолжает неуклонно расти: в 2000 г. — 41,5 млрд т, в 2005 — 52,5, в 2008 — 57,2 млрд т [32; 33]. Хотя в 2008–2010 гг. произошло некоторое снижение выбросов, в докладе премьера Госсовета (правительства) КНР Вэнь Цзябао было прямо заявлено: *«Усугубляются такие сдерживающие факторы, как ресурсы и экология. Общие затраты энергоресурсов оказались слишком огромными, а их рост — слишком быстрым, валовой выброс основных видов загрязняющих веществ велик»* [34, с. 35].

Если Китай не сможет в ближайшие 20 лет существенно сократить загрязнение атмосферы, только на лечение болезней, вызываемых продуктами сгорания угля, будет тратиться до 400 млрд долларов в год [10, с. 143]. Снижение темпов роста ВВП ниже 7% может подорвать социальную стабильность, а дальнейший рост загрязнения ведет именно к этому [11].

Урбанизация может еще больше обострить проблемы из-за автомобилизации (которая, к тому же, ведет к дальнейшему росту потребления нефти). Автомобили загрязняют атмосферу гораздо сильнее, чем в развитых странах, поскольку качество топлива гораздо ниже мирового уровня. 2/3 китайских городов по качеству воздуха не отвечают экологическим стандартам, при этом половину выбросов дает транспорт. Из 20 самых загрязненных городов мира 16 находятся в Китае [9, с. 189–195; 22]. Уже в 2009 г. Китай вышел на первое место в мире по производству автомобилей [18, с. 15], в 2010 г. их было продано 18,1 млн [34].

Кроме загрязнения водоемов происходит их высыхание. Крупнейшее в стране пресное озеро Поянху (провинция Цзянси) практически высохло, его площадь сократилась с 4350 до 50 кв. км, глубина — с 20 до 7,37 м, объем воды сократился в тысячу раз [35]. Ситуация с водоснабжением — «тяжелейшая социальная проблема современного Китая, которая десяткам миллионов граждан грозит падением уровня жизни до уровня физического выживания, если не ниже» [36, с. 44]. Пустыни в Китае занимают 810 тыс. кв. км и, по данным ООН, каждый год отво-

евывают от 2,5 до 3,7 тыс. кв. км, несмотря на проводимые китайскими властями программы рекультивации и восстановления лесов (они были уничтожены в период «культурной революции» в качестве топлива для домен) [29; 37]. Эрозии подвергается 3,6 млн кв. км территории страны [32]. За последние полтора десятилетия процесс усилился из-за глобальных климатических изменений, благодаря которым в Китай стали чаще вторгаться ураганные ветры. С 1995 г. на севере и востоке Китая были покинуты из-за наступления пустынь 24 тыс. деревень. Разрушение почвы происходит также из-за хозяйственной деятельности людей. В некоторых районах автономного района Внутренняя Монголия поголовье скота за 15 лет увеличилось почти в два раза — до 1,2 головы на гектар. При такой нагрузке растительность не успевает восстанавливаться. Если в начале 80-х гг. XX в. на одного жителя Китая приходилось 0,1 га пахотной земли, то сейчас — менее 0,07 га. Скрытая безработица на селе достигает, по западным оценкам, 200 млн человек [3; 22; 38, с. 5; 39], по китайским — не менее 150 млн [40; 41]. Специфика исторических и экономических условий в китайской деревне известна как «основная обстановка»: «людей много, земли мало». Она определяет мелко-парцеллярный характер сельскохозяйственного производства, ограничивает возможности роста производительности труда в сельском хозяйстве, тормозит становление рынка земли в деревне [42, с. 27]. Если средний размер земельного участка не превышает 0,2 га на одного работника, то никакая технология не в состоянии обеспечить на столь малом участке получение такого количества сельхозпродукции, которое позволяло бы получить экономически приемлемый доход [43, с. 56]. Сейчас этот размер в 3 раза меньше указанной критической величины. Площадь пашни в КНР в 2006 г. составляла 121,8 млн га при допустимом минимуме 120 млн га [31, с. 26].

Обезвоживание и опустынивание заставляют крестьян бежать в города. Для обеспечения их работой требуется развитие промышленности, которая требует все больше воды. Это, в свою очередь, ведет к дальнейшему обезвоживанию и опустыниванию. Кроме того, урбанизация ведет к ухудшению состояния атмосферы, а также к сокращению сельскохозяйственных площадей, что усиливает бегство крестьян в города. Таким образом, здесь имеет место самоподдерживающийся процесс. Попытки восстановления лесных насаждений также ведут к дальнейшему сокращению пашни. Таким образом, решение одних проблем усугубляет другие [44].

Из-за этого весьма серьезной является проблема продовольственного обеспечения. Импорт Китая сельхозпродукции растет более чем на

60% в год [45]. По расчетам китайских специалистов в начале 90-х для удовлетворения минимальных потребностей необходимо производить 480 кг зерна на душу населения, т.е. не менее 500 млн т в год. Причем для изменения баланса питания в пользу продуктов животноводства зерна (в качестве корма для животных) надо производить даже больше [46]. Импорт зерна вырос с 10 млн т в 2001 г. до 25,35 млн в 2006 г. [31, с. 17]. При нынешней численности населения при производстве на душу населения 480 кг зерновых необходимо собрать 646,7 млн т зерна в год, при этом урожай 2011 г. — 571,21 млн т — стал абсолютным рекордом в истории КНР [2]. Соответственно, дефицит зерна достигает 75,5 млн т.

Пытаясь решить проблему интенсификации производства, правительство КНР поощряет внедрение новых технологий, в том числе таких, которые в других странах считаются рискованными (например, генномодифицированные растения). Это, с одной стороны, не решает проблему насыщения даже внутреннего рынка, не говоря уже об экспорте, с другой, приводит к дальнейшему увеличению безработицы на селе. Уровень механизации сельхозпроизводства близок к нулю, но изменение ситуации еще больше увеличит безработицу [47; 48].

Вообще, проблема села носит для Китая критический характер. Располагаемый доход населения в городах составляет 23,98 тыс. юаней (3,7 тыс. долларов) в год, т.е. немногим более 300 долларов в месяц. При этом в городах проживает лишь половина населения КНР. В деревнях, где, соответственно, проживает другая половина населения, этот доход составляет 6,98 тыс. юаней (около 1,1 тыс. долларов) в год (90 долларов в месяц) [2]. При этом внутри самого сельского населения дифференциация доходов еще выше и достигает 13–15 раз [27].

Что касается социального обеспечения, то в этом плане за годы реформ отчасти произошел даже откат по сравнению с периодом до 1978 г. Социальное страхование и пенсионное обеспечение распространяется почти исключительно на городских жителей и возложено на предприятия. В итоге социальное обеспечение не снижает, а усиливает расслоение: на успешных предприятиях персонал получает высокую зарплату и социальные льготы, на множестве мелких предприятий — низкие доходы и никаких льгот и пособий [22; 49; 50].

Медицинское обслуживание остается очень дорогим, причем если горожане оплачивают 60% общей стоимости медицинских услуг, то крестьяне — 90%. При этом уровень медицинского обслуживания в деревнях остается крайне низким [24, с. 171; 51]. До 80% инфраструктуры общественного здравоохранения находится в городах. На селе

50% медицинских работников не имеют никакого специального образования [52].

Схожая ситуация складывается и в сфере образования. Формально, в Китае 9-летнее среднее образование является обязательным и бесплатным. Фактически в деревнях лишь с 2005 г. в центральных и западных провинциях отменена плата за обучение [24, с. 155]. В некоторых западных регионах ситуация хуже, чем была в 1953 г. На деревню приходится лишь четверть расходов на образование, хотя в ней проживает более 50% населения и еще более высокая доля учащихся [53]. Число людей, имеющих высшее образование, в городе в 44 раза больше, чем в деревне [54]. Более того, доля неграмотных среди лиц старше 15 лет выросла с 6,72% в 2000 г. до 11,04% в 2005 г. (в первую очередь — за счет деревенской молодежи) [55].

Пенсионная система на селе практически отсутствует. Вообще, разница в доходах горожан и крестьян в Китае самая большая в мире: по официальным данным — более чем трехкратная, по альтернативным (с учетом разного рода льгот и регионального фактора) — до 60–80 раз [56; 57; 58; 59]. По сути, в стране проводятся две различные социальные политики — для города и для деревни [60]. Поэтому и вся экономическая статистика в КНР приводится отдельно для города и для деревни.

Общий разрыв между городом и деревней настолько велик, что по отношению к нему некоторые китайские ученые стали применять известную формулу «одна страна — две системы» (традиционно она использовалась для обозначения принципа объединения Китая с Гонконгом и Макао, а в будущем, возможно, с Тайванем). Если город по уровню жизни и развитию экономики стремится выйти на уровень Европы, то деревня в значительной степени остается на уровне Тропической Африки [9, с. 45; 61, с. 539; 62].

В последние годы руководство КНР прилагает большие усилия по изменению ситуации. Отменен сельскохозяйственный налог, на селе начали осуществляться социальные программы, сняты институциональные преграды, ставившие деревню в неравные отношения с городом в экономической, социальной и других сферах. В 2007 г. удалось перейти к системе бесплатного среднего образования в сельских школах. Начато создание на селе системы социального страхования. При этом быстрый темп урбанизации привел к обезземеливанию не менее 90 млн крестьян, а уход 200 млн крестьян в город несколько не повысил производительность труда в деревне [31, с. 15–16].

Естественным следствием данной ситуации является массовая трудовая миграция: крестьяне отправляются на поиски работы в города,

жители слабо развитых (западных) провинций — в высокоразвитые (приморские) регионы. В итоге внутренняя миграция (количество людей, проживающих не по месту прописки) превышает 252,78 млн, из них за пределами своих регионов — 158,64 млн, т.е. более 10% населения страны [2]. Внутренние мигранты в Китае являются, по сути, аналогом «гастарбайтеров» из стран СНГ в крупных российских городах. Эти люди зарабатывают гораздо больше, чем у себя на малой родине, но гораздо меньше, чем коренные горожане. Именно они обеспечивают «строительный бум» и рост розничной торговли. При этом мигранты не имеют практически никаких прав. Учет смертности, рождаемости, заболеваемости (в т.ч. ВИЧ), безработицы, преступности в этой среде чрезвычайно затруднен, если вообще возможен.

Кроме того, промышленная, торговая и транспортная инфраструктура, городское жилье занимают все больше площадей, что ведет к изъятию сельскохозяйственных земель, прилегающих к городам. Изъятие это в подавляющем большинстве случаев бывает либо вообще безвозмездным, либо за чисто символическую плату. В результате крестьяне лишаются единственного источника дохода — земельного участка, пополняя ряды безработных на городских окраинах.

Ситуация в социальной сфере создает в стране значительные психологические проблемы. Китайцы воспитаны на конфуцианской скромности и добродетели и на маоистской всеобщей уравниловке, причем последнюю значительная часть граждан КНР застала «живьем». Более того, коммунистическая идеология до сих пор остается в Китае официальной, декларируя «власть рабочих и крестьян». Однако и конфуцианство, и коммунизм находятся в разительном противоречии с сегодняшней действительностью. Дело усугубляется сильнейшей, причем продолжающей расти коррупцией. Еще 10 лет назад партийное руководство обратило внимание на эту проблему, однако до сего дня ситуация лишь ухудшается. Все более массовыми становятся социальные протесты. Так, по официальным данным Министерства общественной безопасности КНР, в 1994 г. в Китае было 10 тыс. акций протеста, в 2003 — 58 тыс., в 2004 — 74 тыс., в 2005 — 87 тыс., после чего данные перестали публиковаться. Число участников выступлений приблизилось к 5 млн чел. [49, с. 300–303; 59; 63]. В китайском бюджете 2011 г. на внутреннюю безопасность впервые выделено больше средств, чем на оборону (624,4 и 601,1 млрд юаней) [64]. При этом нельзя не учитывать того факта, что в китайской истории есть богатые традиции крупномасштабных крестьянских восстаний, продолжавшихся годами (или

даже десятилетиями), охватывавших всю страну, а иногда и свергавших императоров.

В связи с этим необходимо отметить следующий принципиальный момент: быстрый экономический рост Китая необходим не только для того, чтобы укрепить свои позиции в мире, но и для того, чтобы избежать катастрофического ухудшения социальной ситуации. Политика сокращения роста населения дает ограниченный эффект (об этом речь пойдет ниже), поэтому на рынок труда продолжает выходить все больше людей, которые должны быть обеспечены работой. Сегодня 1% прироста ВВП дает менее 0,2% прироста занятости. По оценкам китайских экономистов, нынешний рост ВВП (8-9% в год) создает до 10 млн рабочих мест в год, что как минимум вдвое ниже потребности. При этом если рост ВВП становится ниже 8%, считается, что рост безработицы может принять неконтролируемый и катастрофический характер. С другой стороны, для того, чтобы избежать перегрева экономики и катастрофического обострения ресурсной и экологической проблем, темпы роста ВВП не должны превышать 10% [65; 66; 67].

Безработица в КНР имеет существенный положительный экономический эффект: высокая конкуренция на рынке труда обеспечивает Китаю одно из важнейших его преимуществ — низкие цены на китайские товары из-за крайней дешевизны рабочей силы. Но очевиден и отрицательный эффект — постепенное нарастание социального недовольства. Ситуация усугубляется тем, что в стране назрела необходимость реформы госпредприятий с целью повышения их эффективности. Это неизбежно приведет к высвобождению очень значительного количества рабочей силы. Кроме того, низкий уровень доходов населения очень ограничивает внутренний спрос и повышает зависимость экономики от внешней конъюнктуры.

В целом, партийно-политическое руководство Китая в последние годы признало порочность прежней концепции, в соответствии с которой фактически единственным критерием развития страны был процент роста ВВП. Более того, признано, что «рост» и «развитие» отнюдь не обязательно являются синонимами. В настоящее время ставятся задачи строительства гармоничного общества под лозунгом «человек — основа всего», преодоления основных противоречий и диспропорций (между городом и деревней, между приморскими и внутренними регионами, между промышленным развитием и экологической обстановкой). Для этого предполагается больше внимания уделять социальной защите населения, природоохранным мероприятиям. Производство должно стать более наукоемким, должна быть на основе на-

учных достижений существенно повышена производительность труда. Всемирный экономический кризис активизировал политику переориентации промышленного производства с внешнего спроса на внутренний [9, с. 335; 28, с. 4–6; 63; 65; 68, с. 56; 69; 70].

Однако эти меры сами по себе требуют очень высоких расходов (на образование, НИОКР, очистные сооружения, социальную систему), т.е. для их обеспечения нужны большие доходы, которые, по видимому, могут быть получены лишь посредством прежнего экстенсивного массового производства. Кроме того, они займут достаточно много времени (например, по самым оптимистичным оценкам выйти на нулевое загрязнение окружающей среды удастся не раньше 2030 г.). Основная проблема в том, что интенсификация производства, рост производительности труда автоматически приведут к существенному росту безработицы, а рост заработной платы (важнейшая составляющая стимулирования внутреннего спроса) отнимет важнейшее конкурентное преимущество китайской экономики — низкие цены на продукцию.

В основе всех китайских проблем лежит основная проблема страны — демографическая. Хотя Китай занимает третье место в мире (после России и Канады) по размерам территории, почти весь запад страны практически непригоден для жизни (он занят пустынями и самыми высокими на Земле горами) [66, с. 34]. Почти 70% территории страны малопригодны для жизни и ведения хозяйства [50]. Подавляющее большинство населения сосредоточено в юго-восточной части Китая, где нагрузка на инфраструктуру и окружающую среду оказывается непомерно большой. Как образно выразился один из китайских исследователей, «население — меч, занесенный над головой Китая» [41, с. 63].

Люди традиционно считались главным ресурсом Китая. Установку на максимальную рождаемость дал и Мао Цзэдун. В итоге население КНР в 1949 г. составляло примерно 550 млн, а в 1982 г. оно достигло 1015,9 млн, в 2004 г. — 1,3 млрд, в 2011 — 1,347 млрд, при том что, по мнению китайских ученых, оптимальная численность населения Китая составляет 700–800 млн чел. [2; 71].

Лишь после смерти Мао руководство КНР осознало, что дальнейший рост населения ведет к катастрофе из-за нарастающей нехватки ресурсов. В итоге сначала на декларативном, а затем и на законодательном уровне была выработана установка «одна семья — один ребенок», которая проводится в жизнь уже три десятилетия (в крестьянских семьях, впрочем, разрешено иметь второго ребенка в том случае, если пер-

вый — девочка). По оценкам китайских ученых, если бы не эта политика, население страны уже достигло бы 1,6 млрд чел. Сейчас коэффициент рождаемости в Китае один из самых низких в мире — 1,22 рождения на 1 женщину (некоторые эксперты считают, что он, на самом деле, достигает 1,8, что, однако, также ниже уровня простого воспроизводства, составляющего 2,1), при том что в 1963 г. достигал 7,5 [9, с. 202–207, 210, 225–226, 229; 55; 72; 73; 74]. Тем не менее, из-за огромных абсолютных значений и снижения смертности, рост населения, пусть и значительно более низкими темпами, чем раньше, продолжается, оно увеличивается на 7–8 млн чел. в год. Кроме того, в реальности политика «одна семья — один ребенок» выполняется только в городах (здесь рождаемость составляет 1,1–3,4 на 1000 чел.), в деревнях почти нет однопородных семей, семья либо имеет право на второго ребенка, либо обходит ограничения (скрывает второго ребенка или отказывается платить штраф из-за отсутствия средств) [75; 76]. Если 90% городских семей имеют структуру 4-2-1 (родители-дети-внук) [9, с. 226; 55], то в деревнях до 90% семей имеют не менее 2 детей. Штрафы за второго ребенка во многих регионах стали источником доходов для местных бюджетов, поэтому чиновникам выгодно несоблюдение нормативов. Богатые штраф в 5800 юаней платят легко, с бедных взять штраф невозможно [66]. Следовательно, на трудовой рынок продолжает поступать рабочая сила, значительная часть которой является избыточной. При этом новая демографическая политика уже породила новые, беспрецедентные социальные проблемы.

Одной из них является быстрое старение населения Китая. Только за период с 2006 по 2011 г. доля лиц моложе 15 лет снизилась с 19,8% до 16,5% населения, а доля лиц старше 65 лет возросла с 7,9% до 9,1% [77]. Численность старших возрастных групп растет вдвое быстрее, чем население в целом. Это в основном повторяет тенденции, характерные для стран Запада, однако там процесс старения населения был гораздо более медленным и начался, когда ВВП на душу населения составлял 5–10 тыс. долларов (в Китае он менее 4 тыс. долларов, а процесс старения начался, когда ВВП едва превышал 1 тыс. долларов на душу населения). Поэтому в Китае старость и бедность стали синонимами. При этом обязанность заботы о пожилых людях в КНР официально возложена на семью. Пенсия является источником доходов лишь для 1/6 пожилых людей, причем в деревне социальная поддержка пожилых почти полностью отсутствует. Уменьшение числа детей в перспективе приведет к тому, что значительная часть пожилых людей останется вообще без средств к существованию. Если же развивать систему социального

страхования и пенсионного обеспечения, то через 20–30 лет возникнет огромная нагрузка на работающих. Все меньшее число трудоспособных должно будет содержать все большее число пенсионеров. К 2020 г. число лиц старше 60 лет достигнет 248 млн чел., после 2030 г. — будет составлять от 21,3% до 27,4% населения (сейчас 13,7%). При этом из-за старения населения в 2003 г. впервые с 60-х гг. в КНР начался рост смертности [9, с. 230; 44; 49, с. 309–313; 55; 74; 77; 78; 79]. По-видимому, максимальное количество работающих будет достигнуто до 2015 г., после чего начнется снижение [80].

В настоящее время обеспечение родителей и официально, и в соответствии с традицией возлагается на сыновей, которые являются продолжателями рода и наследниками. Именно сыновья считались «заменителями пенсии» (китайская культурная традиция до сих пор требует, чтобы сын приводил жену в дом родителей, но не наоборот). В условиях законодательного требования однодетной семьи при возможности определить пол ребенка до его рождения ультразвуковым методом, это привело к очень сильному перекосу в половой структуре в младших возрастных группах. При биологической норме 102-107:100 в Китае соотношение новорожденных мальчиков и девочек достигало в 2008 г. 120,6, снизившись, впрочем, в 2011 г. до 117,8 [77]. В отдельных провинциях соотношение составляет 130:100, а в деревне местами доходит до 152:100 [49; 74].

В 2005 г. не состояли в браке 72,72% мужчин в возрасте 15–29 лет и 51,36% — 15–35 лет. Женщин — 59,12% и 39,88% соответственно. В брачный возраст уже начинает вступать поколение, в котором 20–30 млн молодых людей не будут «обеспечены» невестами. Социальные последствия такого явления предсказать очень сложно. Китайское руководство уже несколько лет назад ввело запрет на определение пола ребенка до рождения, но практически никакого эффекта он не возымел, разрыв в половой структуре продолжает расти. Хотя половой дисбаланс в пользу мужчин имел место в Китае всегда, абсолютные значения его постоянно растут.

Отмена политики «одна семья — один ребенок» в настоящее время и в обозримом будущем не представляется возможной из-за ресурсных ограничений. Однако всплеск рождаемости (особенно на селе) может произойти стихийно из-за неприемлемости нынешней ситуации для очень значительной части населения. При этом существует возможность реализации противоположного варианта — коренной смены репродуктивного поведения. Однодетная или даже бездетная семья станет уже не результатом административного принуждения,

а сознательным выбором, как это сегодня имеет место во многих западных странах и в России. В крупных городах Китая это наблюдается уже сегодня: до 20% девушек и молодых женщин не хотят иметь детей. Созданы специальные брачные конторы для нежелающих иметь детей [28; 81, с. 488–495; 82; 83]. Если такое репродуктивное поведение станет доминирующим, то через 2-3 десятилетия начнется быстрое падение численности населения страны, причем при сохранении половых диспропорций оно будет особенно быстрым (из-за нехватки женщин). В итоге от избытка рабочей силы страна перейдет к ее нехватке, а старение населения сделает нагрузку на работающих непомерной. Самым тяжелым (и самым вероятным), видимо, будет смешанный вариант: всплеск рождаемости в деревне (ведущий к полной нищете) при суженном воспроизводстве населения в городе. При сохранении текущих тенденций (а они не просто сохраняются, но усугубляются) может сложиться ситуация, когда невесты становятся товаром. Учитывая изменение ментальных установок вестернизированных городских жительниц, для которых вступление в брак может теперь иметь меньшее значение, чем карьера, поэтому замужество, как минимум, существенно откладывается, городские мужчины будут стремиться жениться на жительницах сел, а многочисленные сельские мужчины вообще остаются без возможности вступить в брак. В этом случае противоречия между городом и деревней, между развитыми и отсталыми регионами могут принять прямо антагонистический характер (особенно учитывая дальнейший рост разрыва в уровне доходов и жизни). Тогда формула «одна страна — две системы» применительно к городу и деревне утратит всякий элемент метафоричности. Неясно только, смогут ли «две системы» сосуществовать в рамках «одной страны».

В целом, суммируя сказанное, перед Китаем стоят следующие основные проблемы.

1. Сочетание наличия одной из крупнейших в мире экономик, демонстрирующей самые высокие в мире темпы роста и обладающей высокими технологическими возможностями, с социально-экономическими проблемами, характерными для слаборазвитых стран.

2. Огромная численность населения, превышающая возможности природной среды. Данная проблема усугубляется тем, что 94% населения страны живет на 46% его территории. Остальная часть страны практически непригодна для жизни.

3. Самая высокая в мире дифференциация между городом и деревней и между регионами. Фактически, в стране есть несколько совершен-

но разных обществ, от традиционного аграрного до постиндустриального. Это общества не просто с совершенно разным уровнем жизни, но уже и с совершенно разным менталитетом. Причем разрыв между ними имеет тенденцию к росту, а не к уменьшению.

4. Самые высокие в мире темпы старения населения и половые диспропорции в младших возрастных группах.

5. Высокая инерционность социальной системы общества, обусловленная ее масштабом, сложностью и высокой степенью общественно-го консерватизма.

6. Наличие прогрессирующих противоречий развития, снятие которых не представляется возможным в рамках действующей в КНР экономической модели.

7. Отсутствие адекватной альтернативной модели, обеспечивающей снятие противоречий, и методологической основы для выработки такой модели. Вполне вероятно, что выработать ее невозможно в принципе.

8. Масштаб проблем, обусловленный размерами населения и экономики, делающий проблемы Китая проблемами всего мира.

По-видимому, любая проблема Китая по отдельности решаема. Однако решение каждой конкретной проблемы усугубляет одну или несколько других из-за нескольких фундаментальных противоречий.

1. Противоречие между необходимостью сохранения высоких темпов экономического роста с опорой на трудоемкие отрасли с целью обеспечения работой растущего населения и необходимостью сокращения темпов роста и перехода от экстенсивного производства к интенсивному по соображениям ресурсно-экологического характера.

2. Противоречие между растущими запросами и потребностями населения и невозможностью их удовлетворения за счет ресурсов не только самой КНР, но и планеты Земля в целом.

3. Противоречие между необходимостью дальнейшего следования политике «одна семья — один ребенок» из-за перенаселенности страны и необходимостью ослабления демографических ограничений по соображениям социального характера (старение населения и «дефицит невест»).

4. Противоречие между политикой опоры на численность населения как на основной экономический ресурс и конкурентное преимущество и перенаселенностью страны как ее основной проблемой.

Именно это сочетание «разнонаправленных» проблем с их глобальным масштабом делает сам Китай огромной проблемой и вызовом для всего человечества. Китайский писатель Бэй Е считает, что Китай стоит перед лицом небывалого в истории цивилизационного кризиса [84].

Нынешняя градуалистская политика китайского руководства (медленное, постепенное, эволюционное движение по принципу «переходить реку, нащупывая камни») большинству отечественных и западных наблюдателей представляется не просто правильной, но единственно возможной. Вполне вероятно, что это так, но неясно, есть ли у руководства КНР временной ресурс для продолжения такой политики, учитывая, что многие проблемы имеют тенденцию усугубляться. С другой стороны, совершенно непонятно, какую политику можно предложить в качестве альтернативы.

Как отмечает заместитель директора ИДВ РАН В. Портяков [85], КНР «можно отнести к числу мировых лидеров по количеству посвященных ей прогнозов». Однако, как правило, прогнозы касаются лишь одного-двух аспектов развития Китая (чаще всего это рост ВВП и промышленного производства в целом и по отдельным отраслям). Причем и эти прогнозы в большинстве случаев предсказывают пролонгацию ныне существующих тенденций на сколь угодно отдаленное будущее. Комплексный прогноз развития Китая с учетом всех основных факторов в самом лучшем случае делается на качественном, а не количественном уровне, причем и здесь часто имеет место стремление продлить все нынешние тенденции, даже если они противоречат друг другу. В начале данной работы уже приводился пример прогноза потребления нефти в КНР. Хотя он был сделан китайскими учеными, причем на 17 лет вперед, он практически сразу утратил отношение к реальности. Что касается указанных выше фундаментальных противоречий, то они просто игнорируются.

По-видимому, составить количественный прогноз развития Китая вряд ли возможно из-за крайней сложности и гигантского количества составляющих элементов, непрерывно взаимодействующих между собой и с окружающим миром. Тем более что такой прогноз должен строиться на стыке множества научных дисциплин. Кроме того, многие показатели крайне сложно описать количественно, а некоторые проблемы (экологическая ситуация, «дефицит невест») не имеют аналогов в мировой практике, что еще более затрудняет возможность их моделирования и проведения сравнительного анализа.

Дополнительной сложностью является сомнительная достоверность исходных данных. В представляемой работе используются исключительно те цифры, которые дает официальная китайская статистика, достоверность которой не может быть гарантирована. В ней могут иметь место ошибки двух типов — сознательное искажение и добросовестное заблуждение.

Сознательное искажение статистики властями Китая может быть направлено как на приукрашивание действительности (чтобы не снижать инвестиционную привлекательность страны и ее общий имидж), так и на запугивание проблемами (чтобы, например, добиться помощи от развитых стран в проведении природоохранных мероприятий или сделать более сговорчивыми потенциальных поставщиков энергоносителей). Добросовестное заблуждение практически гарантировано в такой гигантской стране, где, к тому же, региональные власти, поставляющие статистику «наверх», сознательно подают многие данные в выгодном для себя свете. Как пишет социолог, профессор университета Цинхуа Сунь Липин, информационная система в значительной степени недостоверна, статистика фальшива. *«Деревня обманывает волость, волость обманывает уезд и дальше вплоть до Госсовета»* [84, с. 15]. В итоге ни абсолютное значение, ни направление отклонений от официальных данных почти невозможно адекватно оценить.

При этом все сегодняшние проблемы Китая (экстенсивный характер экономического роста, безработица, социальное расслоение, нехватка ресурсов, демографическая и экологическая ситуации, коррупция, зависимость от иностранных технологий) существуют уже давно, они осознаны руководством страны, которое предпринимает значительные усилия по их решению, однако практически все проблемы лишь усугубляются. Тем не менее, Китай не только не терпит крах, но продолжает развиваться. В итоге возникает желание просто игнорировать эти проблемы или сослаться на тот факт, что китайская цивилизация является единственной древней цивилизацией, дожившей до наших дней. Из данного факта как бы автоматически вытекает то, что она каким-то образом решит любые встающие перед ней проблемы. Психологически проще всего предположить, что Китай и дальше будет «выворачиваться» из всех проблем благодаря стратегическому мышлению руководства страны и долготерпению ее народа. При этом страна продолжит проводить разумную и сбалансированную внешнюю политику.

Тем не менее, весьма вероятно, что количественные изменения различных социально-экономических параметров могут однажды перейти в качественные, что приведет к коренному изменению ситуации.

Например, совершенно очевидно, что уже в ближайшее десятилетие в новое качество перейдет китайская экономика. XXI век действительно станет веком Китая, причем эта страна окажется не второй сверхдержавой, а единственной, сменив в этом качестве США. Как поведет себя Китай в такой ситуации — предсказать крайне сложно.

В новое качество могут, однако, перейти все вышеописанные проблемы, в результате чего после ряда потрясений произойдет стабилизация Китая на гораздо более низких уровнях по показателям «экономика», «население», а возможно, и «территория». В связи с этим необходимо учесть еще одну проблему — региональный разрыв между востоком, получившим почти все выгоды от реформ, и остальным Китаем.

Этнический сепаратизм (в первую очередь — синьцзянский и тибетский) в растущем Китае, по-видимому, не имеет шансов на успех. Во-первых, руководство КНР умело сочетает политику «кнута» (жесткое, без оглядки на мнение «цивилизованного мира», силовое подавление сепаратизма) и «пряника» (значительные вложения в развитие Тибетского и Синьцзян-Уйгурского автономных районов). Во-вторых, оно проводит политику китаизации обоих регионов, целенаправленно переселяя туда ханьцев, которых постепенно становится больше, чем «аборигенов». Так, в СУАР они составляют уже 39,2% населения (уйгуров — 46,1%) [86]. Всего же ханьцы составляют 91,6% населения Китая [87], что делает этнический сепаратизм иллюзорным.

Гораздо более серьезную угрозу целостности Китая в случае обострения внутреннего кризиса может представлять сепаратизм развивающегося востока страны.

Пояс приморских городов и провинций (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай, Хэбэй, Шаньдун, Цзянсу, Чжэцзян, Фуцзянь и Гуандун) и т.н. «Центр» (провинции Шаньси, Хэнань, Аньхой, Цзянси, Хубэй, Хунань) в совокупности занимают чуть более 20% территории Китая. При этом в них проживает примерно 62% его населения, они дают не менее 75% ВВП, на них приходится более 90% иностранных инвестиций, практически все высокотехнологичные предприятия, построенные за годы реформ. Уровень жизни в этой группе регионов существенно выше, чем в остальном Китае. Наиболее высокоразвитые восточные провинции Китая небезосновательно указывают, что именно у них сложились самые благоприятные в КНР условия для эффективного экономического роста и они имеют все основания требовать от центра не мешать их развитию и не обескровливать их экономику, перекачивая ресурсы в отсталые западные регионы. Последние, в свою очередь, не менее обоснованно считают, что им нужно догонять восточных соседей [43, с. 47]. Среднедушевое потребление между наиболее и наименее развитыми регионами расходится в 5 раз (в 1978 г. разницы практически не было). Число регионов с дефицитным бюджетом за годы реформ выросло с 10 до 20. За годы реформ резко возросла роль региональных

властей, которые стали контролировать местные бюджеты и распределение земельных ресурсов, вести внешнеэкономическую деятельность. Для центра становится все более проблематично получать объективную информацию о ситуации в регионах. Различный уровень развития региональных экономик приводит к тому, что наиболее развитые провинции ориентируются в большей степени на внешний, чем на внутренний рынок (причем это касается как экспорта, так и импорта). Для многих предприятий приморских провинций выгоднее ввозить сырье из-за рубежа, чем из западных провинций. Руководители развитых приморских регионов заинтересованы в сохранении нынешней экономической модели и всячески препятствуют попыткам ее изменить [88; 89; 90; 91; 92; 93; 94; 95; 96; 97].

Но и в развитых регионах возникла ситуация, когда крупные предприятия ориентируются в основном на экспорт, а мелкие и средние начали образовывать замкнутые хозяйственные комплексы, рассчитанные на местное обеспечение, ресурсоемкие, неэкологичные и провоцирующие сепаратизм (пока чисто экономический) [24, с. 93].

Поскольку в западных регионах находится большая часть природных ресурсов Китая, в т.ч. энергоносителей, то стратегия развития этих регионов ориентируется, в первую очередь, на добычу этих ресурсов, а также на сельское хозяйство, инфраструктурное строительство, охрану природы, образование. Однако транспортные расходы очень высоки, что повышает себестоимость продукции и делает ее неконкурентоспособной. Как признают китайские специалисты, освоение западных регионов чисто рыночными методами невозможно [98; 99; 100; 101; 102; 103].

Ситуация усугубляется тем, что с исторической точки зрения Восток и Центр представляют собой «собственно Китай» [104, с. 15; 105, с. 72]. Большую часть своей истории он находился именно в этих границах, а, расширяясь за них, неизменно достаточно быстро терял завоеванное. До нынешних границ (местами и дальше них) Китай расширила маньчжурская династия Цин (1644-1911 гг.). Оккупировав сначала сам Китай, маньчжуры продолжили внешнюю экспансию, захватив Монголию, Джунгарию, Приамурье (уже вошедшее к концу XVII века в состав России), Урянхайский край (нынешнюю Тыву), Тибет [9, с. 152], т.е. все те территории (из оставшихся в составе Китая), экономическая целесообразность содержания которых в составе КНР неочевидна. Соответственно, экономический сепаратизм развитого Востока имеет не меньше исторических оснований, чем этнический сепаратизм бедного Запада.

Выводы

Рассматривая нынешнюю ситуацию в КНР, невозможно не видеть, что внешняя экспансия может стать оптимальным решением для того, чтобы «разрубить гордиев узел» проблем страны. Она обеспечит значительное увеличение территории и количества природных ресурсов. Для этой экспансии есть огромный ресурсный потенциал в лице «лишних людей» (безработных, молодых мужчин, не обеспеченных невестами, нищих крестьян). Значительное приращение территории позволит отменить ограничения на рождаемость, что поможет если не полностью снять, то существенно смягчить все связанные с этими ограничениями социальные противоречия. Объективно говоря, территория для Китая даже важнее ресурсов. На добычу природных ресурсов либо на их приобретение за рубежом в любом случае необходимо затратить значительные средства. Территория же является абсолютной ценностью, которую ничем нельзя заменить. При этом социальные проблемы, порождаемые перенаселением страны, гораздо опаснее для нее, чем нехватка ресурсов и даже чем крайне тяжелая экологическая ситуация. Именно они ведут к расколу внутри общества и между обществом и властью, т.е. к делегитимации власти. Именно социальные проблемы ведут к практически неизбежному краху экономики Китая. Соответственно, внешняя экспансия становится для китайского руководства безальтернативным решением.

ГЛАВА II.

ОСОБЕННОСТИ КИТАЙСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ

Для предотвращения сепаратистских процессов руководство КНР, кроме принятия мер экономического и репрессивного характера, начинает внедрять новую идеологию, которая постепенно вытесняет коммунистическую, входящую во все более разительное противоречие с реальностью. Это националистическая идеология, оправдывающая необходимость существования, а возможно, и расширения нынешнего Китая.

На XVI съезде КПК (он состоялся в 2002 г.) была выдвинута установка «неуклонно возвышать и внедрять национальный дух», что было названо стратегической задачей и, более того, условием, необходимым для самого выживания китайской нации, а следовательно, и китайского государства. При этом официальный статус получает концепция «чжунхуа миньцзу» — единой китайской нации. Она подразумевает формирование у граждан страны надэтнической государственной идентичности.

При этом к истории Китая причисляется не только история ханьского этноса и народов, покоренных хотя бы на короткий период (например, тувинцев, казахов, киргизов), но и история тех народов, которые захватывали Китай (чжурчжэней, монголов, маньчжуров). Соответственно, в качестве территориальных приобретений Китая современные китайские историки представляют результаты завоеваний неханьских государств (например, монгольского и маньчжурского). **Национальным героем Китая признается Чингисхан, который в реальности выступал по отношению к Китаю в качестве жестокого поработителя.** Монгольская империя, простиравшаяся в XIII–XV вв. на значительную часть Евразии, сегодня объявляется китайским государством (тем более что формально монголы действительно основали в Китае свою династию Юань, свергнутую китайцами в 1368 г.) [104; 106; 107; 108; 109].

В связи с этим следует особо отметить, что в настоящее время официальная китайская историография рассматривает действия России в отношении Китая, начиная с XVII в исключительно как агрессию, а все договоры, кроме Нерчинского (он был заключен 27 августа 1689 г., в со-

ответствии с ним граница между Россией и Китаем существенно отличалась от нынешней, Китаю по этому договору принадлежали, если следовать нынешнему административному делению РФ, Амурская область, часть Забайкальского края, Приморский край, юг Хабаровского края, Еврейская автономная область), — «неравноправными» и «несправедливыми» [110; 111; 112; 113; 114; 115; 116, с. 59; 117]. В ряде источников даже Нерчинский договор считается уступкой со стороны Китая [118]. Так, если после подписания этого договора в 1689 г. в отчете высшего правительственного органа Цинской империи (Верховного совета) императору Кан Си признавалось, что *«земли, лежащие на северо-востоке на пространстве нескольких тысяч ли и никогда раньше не принадлежавшие Китаю, вошли в состав Ваших владений»* [119, с. 10], то в книге Академии военных наук КНР «Военная история Китая» (1992 г.) говорится: *«Царская Россия, воспользовавшись “Нерчинским договором”, уступленный китайской стороной район к востоку от Байкала до Нерчинска включила в состав своей территории. Факты свидетельствуют, что царская Россия — агрессор, Китай — жертва агрессии. Китай в тех исторических условиях не мог не пойти на серьезные уступки, а царская Россия извлекла для себя серьезные выгоды»* [120].

Впервые территориальные претензии Китая к СССР были предъявлены в начале 60-х гг. XX в. На консультациях в Пекине по поводу уточнения границы в 1964 г. Китай официально заявил, что 1 540 тыс. кв. км отторгнуто Россией по неравноправным договорам, в т.ч. по Айгуньскому — более 600 тыс., по Пекинскому — более 400 тыс. В июле 1964 г. Мао Цзэдун в беседе с группой японских социалистов заявил: *«Примерно 100 лет назад район к востоку от Байкала стал территорией России, с тех пор Владивосток, Хабаровск, Камчатка и другие пункты являются территорией Советского Союза. Мы еще не представляли счета по этому реестру»* [121]. 8 октября 1969 г. МИД Китая потребовал от СССР *«подтвердить, что договоры о нынешней китайско-советской границе являются неравноправными договорами»* [122].

Надо отметить при этом, что Мао сам дезавуировал собственное высказывание, причем достаточно быстро. В беседе с делегацией КНДР 7 сентября 1964 г. он сказал про возвращение территорий: *«Мы и не думаем требовать этого, только произносим пустые слова»* [123, с. 123]. А 9 октября во время встречи с албанской делегацией высказался следующим образом: *«Цель заключалась в том, чтобы добиться рационального положения на границе и подписать договор о границе. Вы, наверное, подумали, что мы и в самом деле хотим вернуть 1,54 млн кв. км земель, занятых царской Россией. Отнюдь нет. Это, как раз, и называется “хо-*

лостым выстрелом», чтобы вызвать настороженность другой стороны» [124, с. 81]. В связи с этим китайские ученые Сюе Сяньтянь и Луань Цзинхэ трактуют действия Мао следующим образом: «С учетом реальной ситуации следовало принять эти договоры за основу и путем переговоров полностью решить проблему границы, определить пограничную линию между двумя странами на всем ее протяжении. Хотя в принципе захваченные в нарушение договоров какой-либо из сторон территории другой стороны должны быть возвращены последней. Таким образом, производя холостые выстрелы, или же, говоря иначе, используя наступательную позицию, предполагалось достичь рационального решения пограничной проблемы» [125, с. 34].

Если бы высказывание Мао было единственным, то его, по-видимому, можно было бы игнорировать, особенно с учетом самоопровержения. Однако указанная официальная историческая концепция не меняется с годами, более того, подкрепляется вышеупомянутой концепцией «единой китайской нации».

Дэн Сяопин заявлял в 1989 г., что «в результате заключения неравноправных договоров Россия захватила 1,5 млн кв. км китайской территории» [126].

В конце 80-х Институт новой истории АОН Китая выпустил фундаментальный 4-томный труд «История агрессии царской России в Китае». В нем, в частности, говорится, что «русская экспансия» была остановлена в XVI в. на рубеже «Енисей — верховья Лены — Байкал». Экспедиции первопроходцев (Пояркова, Хабарова и др.) рассматриваются «первыми случаями вторжения русских в пределы Китая, которые принесли неисчислимые страдания местному населению» [118].

Несмотря на официальные заявления китайских властей о том, что никаких территориальных проблем между РФ и Китаем сегодня нет, содержание пропаганды не меняется, что означает возможность предъявления претензий в любой момент и моральную подготовку собственного населения к этому моменту. Пропаганда находит достаточно широкую поддержку в китайском обществе.

В качестве примера можно привести цитату из коллективного китайского трактата второй половины 90-х «И все-таки Китай способен сказать нет», написанного группой молодых журналистов и политологов:

«...китайцы зарезервировали за собой право памяти, право возвращаться ко всему этому, т.е. оставили за собой если не право взыскивать, то право вспоминать.

...если бы Хайшэньвей (Владивосток) по-прежнему находился бы в наших руках, тогда мы обладали бы нашей самой северной великолепной

гаванью, ... а это в громадной степени способствовало бы процветанию нашего Северо-Восточного Китая, ... тогда честное и трудолюбивое население Китая распространилось бы на самые обширные и на более всего заслуживающие освоения районы Северо-Восточной Азии; процветание же этой части СВА явилось бы радостным известием и для народа России» [127; 128].

Аспирантка ИСАА Наталья Тен показывает, что «урегулирование пограничной проблемы» никак не повлияло на характер внутренней пропаганды в Китае. В ее работе приводится пример справочника «Россия» (главный редактор — Пань Дэли, вышел в 2005 г.), в котором русские применительно к событиям конца XVII в. рассматриваются исключительно как агрессоры и «захватническая армия». Аналогичный подход сохраняется в современных школьных учебниках. В учебнике для 8-го класса, выпущенном в 2006 г., под заголовком «Захват Россией значительной части территории нашей страны» помещена таблица «Территории Северного Китая, захваченные Россией путем заключения неравноправных договоров» и карта «Захват Россией территорий Северного Китая». Данный параграф сопровождается заданием, при выполнении которого необходимо с опорой на карту как можно более подробно и точно описать процесс захвата Россией китайских территорий.

Приводятся слова генерала Ли Хэна, который участвовал в переговорах между НОАК и ВС РФ на Дальнем Востоке: *«Мы не забыли китайских названий этих трех российских городов. Китайское название Благовещенска — Хайланьпао, Хабаровска — Боли, Владивостока — Хайшэньвэй. В период между 1858 и 1860 гг. царская Россия поглотила эту часть территории. Хотя унижение уже стало историей, находясь здесь, чувствуешь себя подавленно»* (с. 133).

В Китае действует Айгуньский исторический музей, основанный в 1975 г. на месте подписания «позорного договора». В настоящее время этот музей имеет статус «базы патриотического образования» КНР, его посетили уже более 2 млн человек, среди которых бывший министр обороны Чи Хаотянь и другие видные государственные деятели [129].

Известный отечественный китаевед Ю. Галенович отмечает, что в 2006 г. экспозиция выставки в Пекине, посвященной 85-й годовщине создания КПК, открывалась картой, составленной в конце XIX в. На ней был изображен нависший над Китаем русский медведь [130, с. 255].

Вообще, нельзя не отметить, что в ходе мировой истории очень многие государства теряли территории, порой превышающие нынешнюю площадь данных государств. Тем не менее, нигде эти факты не сделаны в такой степени предметом государственной пропаганды, как в Ки-

тае. По замечанию В. Портякова, «почему-то, например, в Дании никто не сетует по поводу утраты когда-то принадлежавшей ей южной Швеции» [131, с. 114].

Совершенно свободно функционируют сайты китайского Интернета (www.unitedcn.com, www.china-hero.org, www.centralnation.com и др.), призывающие к отторжению у России «исконно китайских территорий» тем или иным способом (экономическим, демографическим, военным). На них изображены карты Китая, где в состав этой страны включены территории РФ (по Нерчинскому договору, а также Тыва, входившая в состав Китая до 1911 г. под названием Урянхайский край), вся Монголия, значительная часть территории Казахстана, почти вся Киргизия, почти весь Таджикистан. Руководителей Китая, заявляющих об отсутствии территориальных претензий к РФ (в частности, Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао), называют на этих сайтах предателями. Следует отметить, что Китай входит в число стран, власти которых осуществляют наиболее жесткую цензуру контента Интернета (система этой цензуры является самой сложной в мире). В частности, из поисковых систем исключаются запросы по таким темам, как «события на площади Тяньаньмэнь», «власть КПК», «секта Файлуньгунь», «независимость Тайваня и Тибета», «деятельность далай-ламы». Только в 2005 г. за высказывания в Интернете было арестовано и осуждено 62 гражданина КНР [22; 132; 133; 134]. Это означает, что граждане Китая не имеют возможности обсуждать темы, которые китайское руководство считает противоречащими интересам страны. Следовательно, если тема территориальных претензий к РФ обсуждается свободно, причем в связи с ней допускается даже жесткая критика партийного и государственного руководства, она, как минимум, не противоречит политике КПК, как максимум — отражает эту политику.

Второй вывод можно подтвердить высказыванием Ю. Горяиной, которая считает, что Интернет в Китае является мощным пропагандистским инструментом, находящимся под контролем государства, а не свободным от ограничений информационным источником [135, с. 30]. Аналогичного мнения придерживаются тайваньские военные аналитики, по данным которых «Китай собрал 50 000 профессиональных сетевых журналистов, главная обязанность которых состоит в том, чтобы под видом обычных пользователей Интернета противодействовать обсуждению в Сети любых вопросов, невыгодных для китайского правительства, и таким образом контролировать общественный дискурс» [136, с. 67].

До сего дня в КНР действуют Правила, касающиеся всех открытых карт, которыми предписано следующее:

Статья 17. Правила обозначения соответствующих географических названий.

Для следующих географических названий на территории России в скобках обязательно указываются китайские названия, за исключением карт с надписями в транскрипции «пиньинь» и карт на иностранных языках:

1. «Владивосток» — в скобках указывается «Хайшэньвэй»
2. «Уссурийск» — в скобках указывается «Шуанчэньцзы»
3. «Хабаровск» — в скобках указывается «Боли»
4. «Благовещенск» — в скобках указывается «Хайланьпао»
5. «Остров Сахалин» — в скобках указывается «Куэдао»
6. «Нерчинск» — в скобках указывается «Нибучу»
7. «Николаевск» — в скобках указывается «Мяоцзе»
8. «Становой хребет» — в скобках указывается «Вайсинаньлин».

Следует отметить, что никакими реальными историческими фактами китайские территориальные претензии к России не подкреплены [128]. Даже те территории, которые отошли к Китаю по Нерчинскому договору, не осваивались им не только до подписания договора, но и после него. На момент подписания Нерчинского договора северная граница самого Китая проходила по Великой стене, а границей Маньчжурии, незадолго до этого оккупировавшей Китай, был т.н. «Ивовый палисад» — система укреплений, самой северной точкой которой был Шэньян [137]. Следовательно, никаких реальных территориальных уступок России Китай не делал никогда. По Пекинскому договору 1860 г., установившему нынешнюю границу (по Амуру и Уссури), Китай передал России территорию, которую до этого не пытался осваивать (там проживало не более 3 тыс. маньчжуров и китайцев, которые тогда считались разными нациями, на площади немногим менее 1 млн кв. км), что было признано в ответе китайской стороны от 20 июля 1859 г. по поводу заключения Айгуньского и Тяньцзиньского договоров (они предшествовали Пекинскому): «*Наш великий государь дал пустые земли по левому берегу Амура для жилья бесприютному народу*» [119, с. 22]. С точки зрения Ю. Галеновича, сначала Великая Цинская империя, используя свое военное превосходство, вынудила Россию подписать в 1689 г. Нерчинский договор, по которому отняла у России принадлежавшие ей земли. Затем, во второй половине XIX в., Российская империя, используя теперь уже свои преимущества, заставила Великую Цинскую империю вернуть России ее исконные земли [130, с. 272].

Более того, как отмечает Е. Румянцев, в международном праве нет понятия «неравноправный договор». Бывают действительные и недей-

ствительные договоры. «Неравноправный договор» — политическая и моральная категория, которую китайская сторона, видимо, путем длительного употребления хочет перевести в правовую [138]. Этот вывод можно подтвердить высказыванием бывшего посла КНР в СССР Ли Фэнлиня: *«Царская Россия путем неравноправных договоров захватила большие китайские территории. По существу, это давно аксиома. Однако после начала переговоров о границе в 1964 г. советская сторона обеспокоилась тем, что Китай хочет вернуть “утраченные территории” и заново переписала историю. Рассекреченные ныне архивные документы и материалы подтверждают, что руководство ЦК КПСС после 1964 г. неоднократно давало указания, требуя, чтобы научные центры и издательства заново переписали историю формирования китайско-советской границы. А китайская сторона фактически с самого начала четко заявляла, что, хотя установлено, что договоры о китайско-советской границе являются неравноправными, она по-прежнему готова, приняв их за основу, решать пограничные вопросы, не требуя возвращения Россией захваченных ею 1,5 млн кв. км территорий. Ныне пограничная проблема уже решена окончательно, и вопросы истории не будут чинить препятствия отношениям между двумя странами»* [139, с. 172]. Можно отметить, что в этом высказывании говорится об окончательном решении территориальной проблемы. Однако в нем дважды упоминается о «неравноправных договорах», причем их «неравноправность», якобы, «установлена» и считается «аксиомой», а территории дважды называются «захваченными».

Другой пример — высказывание Фэнь Юйцзюня, который представляет Китайскую академию современных международных отношений. В статье, посвященной развитию российско-китайского сотрудничества, он пишет: *«История доказывает, что Россия в новой истории Китая была крупнейшим захватчиком его приграничных земель»* [140, с. 25].

Таким образом, идеологема о «неравноправных договорах» и «захваченных территориях» буквально вбивается в головы читателей. Россия в «объективных исследованиях» китайских политологов ставится в положение вечно «морально обязанной» перед «великодушным» Китаем, что «обязывает» ее идти на все возможные уступки. Ю. Галенович отмечает по этому поводу, что китайские авторы стремятся представить нашу страну в качестве вечно виноватого перед Китаем территориального должника, который, к тому же, с 1840 г. и до XXI в. якобы вел в разных формах войну против Китая и неравноправно относился к китайцам [130, с. 224].

Выводы

Содержание исторических концепций современной КНР, по сути, не имеет аналогов в сегодняшнем мире. Так или иначе, эта страна предъявляет территориальные претензии ко всем своим соседям, причем России это касается в наибольшей степени. Подавляющее большинство стран мира когда-либо в своей истории теряли территории, но нигде этот факт не возведен, по сути, в культ, как это происходит в Китае. Учитывая крайнюю рациональность поведения китайского руководства, подобное положение вещей не может считаться случайным и не может не иметь последствий. И его невозможно не соотнести с выводами предыдущей главы — о том, что для Китая расширение территории является, по сути, безальтернативным вариантом.

ГЛАВА III.

ПРОБЛЕМА КИТАЙСКОЙ МИГРАЦИИ НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИИ В АСПЕКТЕ РАСШИРЕНИЯ ЖИЗНЕННОГО ПРОСТРАНСТВА КИТАЯ

Нельзя не отметить связи проблемы миграции граждан Китая в РФ с вышеупомянутыми внутренними проблемами Китая (особенно с перенаселенностью и безработицей) и с описанными историческими концепциями.

Мировая практика свидетельствует о том, что «демографическое оружие» часто оказывается более эффективным, чем любое другое. Так, Албания и Палестина по своим экономическим и военным потенциалам абсолютно несопоставимы с Югославией (Сербией) и Израилем соответственно. Тем не менее, исключительно с помощью «демографического оружия», т.е. изменения этнического баланса в Косово, на Западном берегу Иордана и в секторе Газа, им удалось добиться отторжения этих территорий у несравненно более мощных противостоящих государств. В будущем такая ситуация может сложиться в отношениях между Мексикой и США, хотя сейчас подобное предположение кажется откровенным абсурдом. Китай уже сегодня значительно сильнее России в экономическом плане и практически сравнялся с ней по военному потенциалу, что существенно облегчает для него задачу отторжения у РФ части ее территории. Более того, на собственной территории Китай уже очень эффективно применял метод изменения этнического баланса. Так, в СУАР доля ханьцев выросла с 5% в 1953 г. до 40% в настоящее время [55].

Количество китайских мигрантов в России на сегодняшний день неизвестно даже приблизительно (не определен хотя бы порядок величины, не говоря уже о точном количестве). Спор о количестве мигрантов принял уже, в значительной степени, схоластический характер, т.к. сколько-нибудь точной статистики не имеют ни ученые, ни государственные органы. В различных работах на эту тему приводится множество цифр, являющихся, однако, лишь личными оценками авто-

ров. Практически все они сходятся на том, что, на данный момент, говорить о «демографической экспансии» Китая в Россию неправомерно. Однако многие из них признают, что в будущем этот вариант отнюдь не исключен.

Ведущий научный сотрудник ИДВ, один из наиболее известных специалистов по проблемам китайской миграции Александр Ларин называет цифру чистого миграционного прироста китайцев в России за 1999–2008 гг. в 205,9 тыс. чел., однако сам же отмечает, что неизвестно, сколько китайцев въехало в Россию до и после этого [141, с. 148–150]. Кроме того, эти данные основываются лишь на сведениях о легальном пересечении российско-китайской границы. Не учитывается фактор нелегального перехода границы. При этом на границе между РФ и Казахстаном не ведется, по сути, вообще никакого учета въезда и выезда. Следует отметить, что российско-казахстанская граница является самой длинной в мире границей между двумя государствами, вся она проходит по степи и равнине, где беспрепятственный проход людей и движение автомобильного транспорта возможны в любом направлении не только по дорогам, но и без таковых. Поскольку граница между Китаем и Казахстаном контролируется недостаточно надежно, то количество китайских мигрантов, проникающих через российско-казахстанскую границу, корректно оценить не представляется возможным. Тем более, что даже приблизительно неизвестно количество китайцев в Казахстане, данная проблема в этой стране изучена еще хуже, чем в России. Не более 5% въезжающих в Казахстан китайцев приезжают в него по трудовым контрактам [142].

В уже цитированной монографии А. Ларина приводятся данные тайваньской Комиссии по делам зарубежных китайцев, по которым в России находится около 1 млн китайцев. Скорее всего, именно это значение следует считать нижним пределом значения численности китайских мигрантов [141, с. 482]. Впрочем, А. Ларин в другой работе считает наиболее адекватной оценкой величину 300–500 тыс. чел. [131]. При этом уже сегодня миграционный потенциал Китая, как было отмечено выше, почти вдвое превышает все население РФ, составляя более 250 млн чел.

Как правило, китайские мигранты (не только в России, но и в других странах) проживают обособленными общинами, в подавляющем большинстве не проявляя склонности к ассимиляции (исключения являются единичными). На сегодняшний день китайская миграция в РФ носит, в основном, экономический характер, мигранты занимаются в РФ торговлей, сельским хозяйством, строительством, другими работами, носящими непрестижный характер для граждан РФ из-за низкой опла-

ты при значительных трудозатратах и общем отрицательном имидже (хотя в России работают и китайские бизнесмены, причем их количество постепенно растет). Некоторая часть мигрантов рассматривает РФ как транзитную территорию для дальнейшей миграции в Европу.

Для Пекина миграция китайцев в Россию в краткосрочной перспективе является способом сброса социального напряжения. В долгосрочной перспективе миграция обеспечивает создание на территории России «пятой колонны», готовой действовать в интересах китайского руководства.

По этому поводу можно привести высказывания известного российского китаиста, профессора ИСАА МГУ В. Г. Гельбраса, активно занимающегося изучением китайской миграции в РФ. Он считает, что китайцы появились почти во всех крупных городах европейской части России, так же как в Западной Сибири. Однако конкретной ситуации никто не знает, поскольку необходимых исследований никто не проводил [143, с. 123]. При этом китайские землячества уже сейчас обрели способность служить опорными пунктами возможной массовой миграции китайцев в Россию и их укоренения здесь, причем хозяйственная деятельность этих землячеств носит теневой, часто криминальный характер [143, с. 124, 249]. В. Гельбрас считает это прямым вызовом национальной безопасности России.

Безусловно, главным «поражающим фактором» китайской миграции является демографический. Именно серьезное изменение демографического баланса в сибирских и дальневосточных регионах РФ позволит китайскому руководству использовать мигрантов и в экономических (переориентация экономики данных регионов на Китай), и в политических (выдвижение требований, как минимум, о создании китайской автономии в составе РФ, как максимум — о передаче территорий Китаю) целях. В связи с этим можно привести еще ряд цитат из сборника, изданного в ИДВ РАН.

«Даже относительно небольшой контингент граждан КНР, временно проживающий на территории Сибири и Дальнего Востока, способен, на наш взгляд, в перспективе взять под контроль некоторые жизненно важные отрасли экономики регионов. ...Российская сторона пока не готова к конкуренции с китайским бизнесом, который пользуется эффективной налоговой и финансовой поддержкой своего государства.

Представляется, что политика китайской стороны в определенной степени может способствовать дезинтеграции российских приграничных территорий и переориентации их экономических и гуманитарных связей с европейской части России на КНР. Демографические и экономи-

ческие проблемы российского приграничья, а также его оторванность от центра и определенная “обделенность” федеральной казной объективно способствуют динамичной интенсификации торгово-экономических и гуманитарных связей с соседним Китаем. При этом активным и ответственно получающим большие преимущества в данном процессе игроком пока является КНР. Используя диспропорции регионального развития России, китайские власти, судя по всему, стремятся максимально инкорпорировать региональные элиты Восточной Сибири и Дальнего Востока в решение задач развития своих приграничных территорий. Возможно, не стоит исключать того, что в дальнейшем, по мере “закрепления” и известной ассимиляции российских граждан, эти элиты могут рассматриваться как своего рода этнические креатуры Китая в приграничном пространстве.

В целом можно констатировать, что политика китайских властей — с учетом депрессивности положения и оторванности хозяйственных связей приграничных субъектов РФ от центральной части страны — может способствовать все более глубокому вовлечению приграничных территорий России в орбиту экономического развития Северо-Восточного Китая и других приграничных китайских районов» [24, с. 229–231].

Кандидат исторических наук Д. Бабаян считает, что китайцы формируют особую систему проживания в дальневосточных регионах России, создавая этнически ориентированные сообщества. Он предполагает, что миграция является для Пекина важнейшим средством давления на Москву, если она попытается проводить самостоятельную политику, не совпадающую с интересами Китая: «Очевидно, что демографическая политика КНР является составной частью ее геополитических целей и принципов. ... В некоторой степени ее проведение предопределяет элемент безальтернативности. Демографическое проникновение и закрепление в дальневосточных и сибирских регионах может оказаться лучшей подстраховкой на случай неблагоприятного для Пекина развития ситуации. У китайского государства, стремящегося стать одним из ведущих центров силы в мировой политике, по существу нет иного выбора» [144, с. 122–123].

Странным образом, российские китаеведы все еще продолжают дискуссию о том, поощряют китайские власти миграцию в Россию или нет. Между тем в российских источниках можно найти несколько высказываний представителей КНР на данную тему.

Весьма примечательно, например, высказывание начальника управления пограничной торговли провинции Хэйлунцзян (на эту провинцию приходится большая часть российско-китайской границы) Цай

Кайфу. Он является высокопоставленным чиновником, поэтому его статью вряд ли можно считать выражением личного мнения. Более того, статья написана в стиле жесткой директивы, т.е. с высокой долей уверенности можно предположить, что она отражает официальные взгляды руководства провинции и, как минимум, не противоречит позиции центрального руководства.

«Следует всемерно наращивать динамику вывоза рабочей силы на основе укрепления простейших форм технического сотрудничества в таких областях, как овощеводство, лесоразработки, строительный подряд и др., делать шаги в направлении рабочей силы из числа средних и высших технических специалистов, по возможности расширять поток рабочей силы в таких сферах, как народная медицина, строительство объектов, ирригационных сооружений, на отделочные работы, технический монтаж, ремонт электростанций и т.п. Одновременно с увеличением экспорта сезонников следует наращивать усилия по направлению рабочей силы на срок 1 год и более. Учитывая состав направляющихся на работу людей, следует укреплять эти бригады и отряды, создавая систему стройотрядов. Необходимо усилить руководящее начало в отношении лиц, выезжающих на работу за границу, защищать их права и интересы, обеспечивать их безопасность и сохранность материальных ценностей, стимулировать здоровое развитие сотрудничества в области найма рабочей силы» [145, с. 68]. Из этой цитаты можно сделать однозначный вывод о том, что китайское руководство не просто поощряет миграцию в Россию, но выступает в роли организующей и руководящей силы данного процесса.

Подтверждением того же вывода является высказывание президента Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян Цюй Вэя. *«Россия нуждается не в десятках или сотнях тысяч, а в миллионах китайских рабочих рук в интересах развития своей экономики. Предлагается, чтобы российское правительство поставило на повестку дня вопрос о принятии политики, поощряющей приезд китайской рабочей силы в Россию, создавало соответствующее общественное мнение, благосклонное отношение к появлению китайской рабочей силы на российском рынке»* [146, с. 48].

Как заявил президент Гонконгской Генеральной ассоциации международных инвестиций Сюй Чжимин, *«очень хорошие перспективы существуют в сфере предоставления Китаем России рабочей силы: Дальний Восток испытывает потребность в 5 млн работников»* [147, с. 109].

Некоторые китайские исследователи считают вопрос заведомо решенным и предопределенным. Так, политолог Ван Сюаньцзюй пишет:

«Что касается вопроса о китайской рабочей силе, то его не стоит педантизировать до того времени, когда уровень взаимного доверия между странами достигнет необходимой высоты. Постепенно все встанет на место» [148, с. 37]. Еще более определенно высказывается Юй Сяоли, представляющий Хэлуцзянский университет: *«Поскольку миграция из Китая неизбежна, поэтому нужно вести в России пропагандистско-разъяснительную работу, чтобы переломить общественное мнение, ликвидировать боязнь “желтой опасности” и утвердить позитивный имидж мигрантов с Востока. Проблема китайской миграции для России имеет не локальный, а всеобщий характер, поэтому требуется выработка долгосрочной стратегии. В таком контексте главным стратегическим вопросом должно быть не создание препятствий миграции, а ее организация. Старыми способами уже не решить проблему населения восточной России» [149, с. 53].*

Таким образом, вопрос о том, поддерживает ли руководство Китая миграцию в Россию, очевидно, должен быть снят, поскольку официальные представители Китая отвечают на него вполне однозначно. По-видимому, заслуживают обсуждения вопросы о том, действительно ли данный процесс носит чисто экономический характер экспорта рабочей силы. Тем более что имеются сведения (по понятным причинам они не могут быть документально подтверждены), что власти Китая выплачивают денежные премии своим гражданам-мигрантам, заключившим брак с российской гражданкой. Премии увеличиваются в случае рождения в этом браке детей. При этом трудолюбивые неприхотливые китайцы для многих российских женщин представляются более предпочтительными в качестве мужей по сравнению с российскими мужчинами, которых очень сильно коснулись алкоголизация и моральная деградация.

В этой связи нельзя не обратить внимания на статью 50 Конституции КНР: «КНР охраняет надлежащие права и интересы китайцев, проживающих за границей, законные права и интересы китайцев, вернувшихся на родину, и проживающих в Китае членов семей как тех, так и других». В этой статье говорится не о «гражданах КНР», а о «китайцах», именно она стала предлогом для агрессии против Вьетнама в 1979 г. [150, с. 391–392; 151]. Более того, новое руководство КНР специально объявило о защите интересов всех китайцев, независимо от страны проживания. Это не может не оказать воздействия и на Россию, где с китайской стороны будет еще более активизирована работа по созданию структурированной ханьской общины. России необходимо в кратчайшие сроки осознать на самом высоком уровне, в какой форме встретить этот вызов

со стороны Китая и каким образом максимально купировать возникающие в данной связи внутри- и внешнеполитические риски [108, с. 30].

При этом следует еще раз подчеркнуть, что китайские мигранты уже создали практически по всей территории России устойчивые сообщества с собственной внутренней экономикой и своими законами, никак не связанными с законодательством РФ. Эти сообщества де-факто являются эффективными механизмами этнической абсорбции, а значит, могут принимать и интегрировать практически любое количество новых мигрантов. В связи с этим вопрос о количестве китайских мигрантов в РФ в настоящий момент не является столь уж принципиальным.

Ряд российских экспертов не согласны с тем, что китайская миграция представляет собой опасность для РФ. Одно из основных возражений состоит в том, что масштаб миграции преувеличивается. Например, можно привести слова руководителя Центра по изучению экстремизма и ксенофобии Института социологии РАН Э. А. Паина: «Количество китайцев, проживающих сегодня в Сибири и на Дальнем Востоке, просто несопоставимо с количеством китайцев, населяющих такие города, как, например, Нью-Йорк, Вашингтон, Париж, Лондон» [152]. По данному поводу следует заметить, что число китайцев в РФ, как было сказано выше, неизвестно даже приблизительно, потому и сравнение со странами Запада является некорректным. Кроме того, страны Европы и, тем более, Северной Америки не имеют с Китаем общей границы, что делает отторжение их территорий в пользу Китая невозможным.

Другим традиционным возражением является ссылка на ситуацию конца XIX — начала XX в., когда доля китайцев и корейцев в населении восточных регионов России значительно превышала сегодняшнюю, что также вызывало серьезные опасения в российском обществе, однако ни к какой катастрофе это не привело. В связи с этим можно заметить, что в тот период Китай представлял собой скорее географическое понятие, чем реальную геополитическую силу. Правящая Цинская династия переживала острейший кризис, окончившийся ее крушением в результате Синьхайской революции в 1911 г., а западные страны могли делать на территории Китая, по сути, все, что хотели. Достаточно вспомнить, что сухопутная составляющая русско-японской войны 1904–1905 гг. целиком прошла на территории Китая, при этом Санкт-Петербург и Токио даже не поинтересовались, согласна ли эта страна на такое использование своих земель. Опасаться экспансии со стороны Китая в тот момент, следовательно, было бессмысленно из-за отсутствия субъекта экспансии, а миграция из него в Россию была бегством местного населения из разваливающегося государства. Вполне очевидно, что сегодня

нынящая ситуация в этом плане кардинально отличается от ситуации 100-летней давности.

Еще одним известным опровержением факта опасности китайской демографической экспансии считается то, что половина территории самого Китая практически не освоена (94% населения КНР живет на 46% его территории), поэтому внешняя экспансия бессмысленна. Кроме того, говорится о том, что климатические условия в Сибири и на Дальнем Востоке (в первую очередь — низкая температура зимой) неприемлемы для китайцев.

В связи с этим нужно отметить, что Тибет, занимающий почти треть территории Китая, является одним из самых неблагоприятных для проживания мест на Земле (в этом плане сравнить его можно лишь с Антарктидой). Он находится на высоте не менее 4 тыс. метров над уровнем моря. Из-за недостатка кислорода для подавляющего большинства людей сколько-нибудь длительное проживание там не представляется возможным. Кроме того, в условиях экстремального высокогорья невозможна никакая серьезная хозяйственная деятельность. Таким образом, «освоить» Тибет в плане его массового заселения и экономического развития Китай заведомо не сможет никогда. Ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе, занятом пустынями Гоби и Такла-Макан, лучше лишь в плане наличия достаточного количества кислорода, природно-климатические условия здесь носят экстремальный характер, крайне затрудняющий проживание и хозяйственную деятельность [18, с. 173]. На фоне СУАР, не говоря уже о Тибете, климат Забайкалья и Приамурья и условия для ведения сельского хозяйства несравненно лучше, а в Приморье они предельно комфортны по любым меркам. Даже Якутия предпочтительнее Тибета, поскольку лучше сильные морозы полгода, чем нехватка кислорода в совокупности с почти такими же сильными морозами зимой и сильнейшими ветрами постоянно. Можно отметить, что уже сегодня китайские мигранты в Якутии контролируют большую часть торговли, причем круглый год.

В высшей степени сомнительны заявления о том, что на Земле есть государства, где плотность населения еще выше, чем в Китае, и тогда следует говорить об угрозе демографической экспансии с их стороны. В качестве примеров таких стран, как правило, приводятся Нигерия и Бангладеш. По этому поводу хочется отметить, что эти страны находятся очень далеко от России и не имеют к ней ни формальных, ни фактических территориальных претензий. Из-за этой удаленности жителям указанных стран просто крайне сложно добраться до России, к тому же для них, в отличие от китайцев, российский климат действительно не-

приемлем. Главное же в том, что военные и экономические возможности этих стран крайне низки и несопоставимы ни с российскими, ни с китайскими. Соответственно демографическая экспансия с их стороны не может иметь никакой государственной поддержки. Поэтому аргументы такого рода очень напоминают юродство.

Выводы

Проблема китайской миграции в Россию очень часто рассматривается как некое единственное воплощение «китайской угрозы», соответственно, противники данной теории в первую очередь борются именно с этим ее аспектом. В итоге возникает схоластический спор о том, сколько китайцев находится в России сегодня и до какой степени им здесь холодно в прямом и переносном смысле. Спор этот абсолютно беспредметен. Совершенно точно известно, что миграция китайцев в Россию поощряется властями КНР. Также известно, что не только на Дальнем Востоке и в Забайкалье, но практически по всей России (кроме, может быть, Крайнего Севера) созданы самодостаточные китайские общины с собственной экономикой и собственными законами, тесно связанные со своей страной. Эти общины являются основой для абсорбции практически любого количества новых членов, поэтому их нынешняя численность принципиального значения не имеет. Разговоры о неприемлемости для китайцев российского климата носят скорее обывательский характер, чем являются серьезным научным аргументом.

При этом занять новые территории можно только людьми, в этом смысле мигранты идеальны. Они создают предпосылки для невоенного захвата территории, что является предельно дешевым вариантом оккупации. Более того, мигранты еще и вывозят деньги из России, делая оккупацию самокупаемым процессом. К тому же миграция позволяет снизить социальную напряженность в самом Китае.

ГЛАВА IV.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В КОНТЕКСТЕ ЕГО ВНУТРЕННИХ ПРОБЛЕМ

В настоящее время Китай ведет активное политическое, экономическое и военное проникновение во многие ключевые регионы Азии, Африки и Латинской Америки. В определенной степени он выступает в роли «нового СССР», возглавляющего некий «антиамериканский фронт» и становящегося «опекуном» развивающихся стран. При этом Китай ведет себя гораздо прагматичнее, чем бывший Советский Союз. Китай может легко оперировать левой и антиимпериалистической риторикой, преследуя при этом чисто практические собственные интересы без всякой идеологической нагрузки. Китай предлагает тезис «единение без унификации» (с подчеркиванием толерантности конфуцианства) как альтернативу американской политике. В рамках этой концепции происходит идеализация древних методов «примирения и успокоения» варваров, окружавших Китай [9, с. 417–426]. Для многих развивающихся стран китайская модель (авторитаризм + экономическая открытость) привлекательна сама по себе. Благодаря этому Китаю удастся продвигать свои экономические проекты, в т.ч. с использованием китайской рабочей силы. Третий мир откровенно рассматривается Китаем как поставщик ресурсов и рынок сбыта своего ширпотреба и неконкурентоспособной продукции машиностроения. В производстве ширпотреба Китай оказывается мощнейшим конкурентом для развивающихся стран. Его собственный внутренний рынок для них закрыт [153]. Более того, Китай становится конкурентом развивающихся стран на их собственных внутренних рынках. Как отмечает ведущий научный сотрудник ИДВ, кандидат экономических наук М. Александрова, поскольку зачастую китайским фирмам сложно проникнуть на рынки других стран со своей некачественной техникой, действуют следующим образом: при подписании контрактов на поставку трудовой силы и выполнение подрядных работ китайцы вынуждают заказчика оговаривать в договоре применение необходимого, по их мнению, оборудования того или иного производителя из КНР. В случае проявления не-

довольства со стороны заказчика используется тривиальная, но в значительной степени убедительная аргументация: китайские рабочие могут пользоваться только своей техникой, а дорогую иностранную они ломают, поскольку она сложная, а наши «высококвалифицированные» рабочие не умеют ее эксплуатировать. Таким образом заказчик трудовых услуг наносит своей стране двойной ущерб: во-первых, лишает рабочих мест коренное население страны, а во-вторых, оставляет без заказов производителей собственного оборудования [154]. Китай предоставляет развивающимся странам кредиты под закупку собственных товаров или под инфраструктурные проекты с использованием своей рабочей силы [131].

По мнению ведущего научного сотрудника ИДВ А. Давыдова, в отличие от бывшего СССР Китай не пытается распространять в мире коммунистическую идеологию и избегает вовлечения в борьбу с демократией и капитализмом. Более того, китайские лидеры полагают, что их успехи будут зависеть от того, насколько они интегрируются в современную международную систему [19, с. 29].

Профессор Российской экономической школы В. Попов отмечает, что Китай не вмешивается ни в чьи внутренние дела, стремится утвердить свое лидерство собственным примером. Поэтому он становится «асимметричной сверхдержавой», формирующей «пекинский консенсус» (оба выражения принадлежат Дж. Рамо) — скептическое отношение к приватизации и свободной торговле, уверенность в том, что глобализация не должна разрушать национальный суверенитет и национальные модели развития [155]. В. Ганшин формулирует пекинский консенсус как свободный выбор модели развития и стабильность. Он считает это основой китайской «мягкой силы» [156].

От рекламы «экономического чуда» Китай переходит к пропаганде «гармоничного общества» и «устойчивого развития». Он создает образ сильной миролюбивой страны, готовой делиться своим процветанием с другими. При этом в реальности он преследует только свои национальные интересы, а не интересы всего мира [157]. Ни о каком противостоянии США в качестве самоцели для китайской политической элиты речь не идет, для нее это лишь средство достижения собственных целей, о чем откровенно пишут китайские ученые. *«Китай как страна, позднее присоединившаяся к нынешнему порядку, меньше, чем Европа и Россия, подвергается ударам американского одностороннего подхода. Поэтому он больше подобен свежей силе, отстаивающей международный порядок (но не является главной силой). Это объективно избавляет Китай от того, чтобы стоять в фокусе противоречия между ге-*

гемонизмом и антигемонизмом» [158, с. 25]. «Великодержавная дипломатическая стратегия не является дипломатией, в которой превыше всего ставится противостояние с США, и не нуждается в принесении Китаем великих национальных жертв, чтобы, помогая другим странам, получить в обмен влияние великой державы» [159, с. 27].

Сегодня в администрации Обамы достаточно популярны идеи «Большой Двойки» (США — Китай). Подобные идеи отстаивает значительное количество американских ученых и специалистов, изучающих китайско-американские отношения, считая их наиболее значимыми не только в сфере двусторонних отношений, но и в плане влияния на весь мир, на его безопасность и развитие. При этом подчеркивается, что факторы противостояния между двумя странами по мере их развития сокращаются, в то время как факторы сотрудничества умножаются [160]. В 2009 г. Обама прямо заявил, что «американо-китайские отношения будут формировать XXI век» [161, с. 38].

В настоящее время в Китае идет борьба между двумя внешнеполитическими концепциями. По одной из них нужно пока еще, по заветам Дэн Сяопина, по-прежнему «не высовываться» и скрывать свои силы, по другой — следует оформить официально факт своего уже имеющего место мирового лидерства. Складывается «концепция двух преодолений»: регионализма политики и комплекса развивающейся страны. После этого неизбежно произойдет преодоление указанного завета Дэн Сяопина. В Китае уже открыто заговорили о наступлении «периода стратегических возможностей». Китай будет строить свою модель сверхдержавы. Среди главных плюсов китайской модели — жесткая централизация системы, высокие мобилизационные возможности, внушительные результаты реформ в экономике, включая самые большие валютные резервы. Китай проникает туда, где ослабевает роль других великих держав, не идя на прямую конфронтацию. Китай превращает развивающиеся страны в объекты своей внешней политики, конкурируя с ними на их же внутренних рынках. Китай активно развивает космическую программу, активно выходит на рынки вооружений и даже проявляет интерес к Арктике. Ху Цзиньтао в июле 2009 г. предложил следующие шаги китайской дипломатии: «прилагать усилия для повышения политического влияния Китая, усиливать его экономическую конкурентоспособность, развивать привлекательность образа Китая и моральную притягательность его решений». При этом Китай концентрирует силы лишь на приоритетных для него направлениях и вопросах, воздерживаясь от их распыления. Таким образом, Китай, в зависимости от проблемы или ситуации, выбирает, в каком

качестве ему выступать — глобальной державы (все чаще), регионального лидера или (уже достаточно редко) развивающегося государства. До 20% китайского экспорта приходится на США. При снижении ВВП США на 1% этот китайский экспорт падает на 4-5%. Еще в 2008 г. в Китае начали писать о желательности «совместного мирового доминирования» с США, что должно обеспечить мировую стабильность. С другой стороны, Пекин не хочет нести ответственность за действия Вашингтона и вписываться в американскую систему. Кроме того, Китай стремится к ядерной модернизации и наращиванию производства собственного ядерного оружия и отнюдь не склонен присоединяться к российско-американской разоруженческой инициативе. Поэтому к участию в «Большой Двойке» он не готов [4]. Как пишет А. Давыдов, после отказа Китая от «Большой Двойки», американцы поняли характер целей и устремлений Китая на современном этапе, который, будучи на подъеме, демонстрировал твердость, бескомпромиссность и неуступчивость, уважая и признавая только силу, действуя исключительно в собственных интересах с явным намерением трансформации его укрепляющейся мощи в желание закрепить за собой статус ведущей глобальной державы [162, с. 94].

В то же время большинство китайских экспертов утверждает, что между Китаем и США общие интересы преобладают над противоречиями и разногласиями, в экономике они — стратегические партнеры. Их отношения — не отношения гегемона и страны, бросающей ему вызов, и не гегемона с партнером, а отношения конструктивного партнерства двух больших держав. Непримируемые стратегические противоречия и борьба, характерные для США и СССР периода холодной войны, не могут повториться в отношениях между Китаем и США [163; 164]. Тао Ваньчжао напоминает, что в конце 60-х — начале 70-х гг. китайское руководство пришло к правильному заключению, что советский экспансионизм является основной угрозой безопасности Китая и что противостояние ему — общий интерес для КНР и США. После этого Китай и США прошли через множество кризисных и предкризисных состояний, но ни разу они не переросли в нечто более серьезное, потому что улучшение и развитие взаимоотношений соответствовало общим интересам [165]. Цзинь Цаньжун подчеркивает, что стабилизация китайско-американских отношений остается центром внешней политики КНР [166].

При этом, как было сказано выше, основной интерес Китай проявляет к странам Азии, Африки и Латинской Америки. Сближение с ними имеет со стороны Пекина внешне подчеркнута неконфронтационный

(по отношению к США, РФ, Европе), но очень упорный и последовательный характер.

В Тропической Африке Китай сегодня уже получил доминирующее влияние, в значительной степени вытеснив оттуда США (в процессе китайской экономической экспансии Африка является идеальным выбором). Теперь особое внимание Пекин уделяет Ближнему и Среднему Востоку [24, с. 294–311; 153; 167; 168; 169; 170; 171].

Пакистан на протяжении, как минимум, 40 лет является важнейшим стратегическим союзником Китая. КНР поставляет в эту страну наиболее современные вооружения, в частности танки Туре-85 и истребители JF-17. По-видимому, Китай внес чрезвычайно значительный вклад в пакистанские ядерную и ракетную программы. Характер отношений между Пекином и Эр-Риядом менее очевиден, однако есть основания думать, что они гораздо теснее, чем принято считать, причем Пакистан является в данном случае «связующим звеном». Китай, Пакистан и Саудовская Аравия вместе с США и Великобританией в 80-е гг. XX в. были членами неформальной антисоветской коалиции во время присутствия советских войск в Афганистане, при этом Пакистан был основной базой этой коалиции. Пакистанская ядерная программа была осуществлена на саудовские деньги при существенной технологической поддержке Китая [172; 173]. Китай полностью поддерживает интересы Пакистана в Афганистане (как стратегического тыла на случай войны с Индией) и сам активно проникает в эту страну, отодвигая на запад периметр своей безопасности и получая доступ к его природным ресурсам [174].

Весьма симптоматичным является факт приобретения Саудовской Аравией в Китае в те же 80-е годы ракет средней дальности (БРСД) «Дунфэн-3», которые до сего дня являются единственным оружием незападного происхождения в арсенале саудовских ВС [175; 176; 177, с. 94–95]. Это единственный в истории прецедент продажи оружия такого класса из одной страны в другую. Ракеты могут нести как ядерную, так и обычную боевую часть (БЧ), при этом хорошо известно, что использование ракет средней дальности в неядерном снаряжении неэффективно. Поэтому нельзя исключать, что ядерные БЧ для саудовских ракет либо уже поставлены Китаем, либо могут быть поставлены в любое время (другим возможным вариантом является приобретение Саудовской Аравией ядерных БЧ в Пакистане [178]). В абсолютной конфиденциальности подобной сделки можно не сомневаться, учитывая закрытый тоталитарный характер режимов как в Пекине, так и в Эр-Рияде. В связи с этим следует отметить, что в Саудов-

ской Аравии сейчас проживает уже более 150 тыс. китайцев, более 100 тыс. — в соседних ОАЭ [179].

В настоящее время уже объявлено, что ВС США будут выведены из Афганистана в 2014–15 гг., Ирак они уже покинули. В результате на Ближнем и Среднем Востоке возникнет «вакуум силы», чем Китай активно пользуется. Уже сегодня власти в Багдаде и Кабуле все активнее заигрывают с Пекином. Более того, именно китайские, а отнюдь не американские компании получили основные позиции в иракской нефтедобыче [180; 181; 182; 183; 184]. Ирак в 2009 г. занимал 7-е место среди поставщиков нефти в Китай [185] и лишь 10-е — среди поставщиков нефти в США [186].

Исключительно важное значение имели состоявшиеся осенью 2010 г. совместные военно-воздушные учения ВВС Китая и Турции, проходившие в течение 2 недель на турецкой авиабазе Конья. В них принимали участие турецкие истребители американского производства F-16 и китайские Су-27 (J-11), причем между ними отрабатывались маневренные воздушные бои. Следует отметить, что по пути в Турцию и обратно китайские самолеты садились для дозаправки в Иране. Это первые в истории подобные учения НОАК и ВС страны — члена НАТО и первый случай, когда современный (республиканский) Иран разрешил дозаправку на своей территории иностранных боевых самолетов. Факт проведения учений, разумеется, еще не свидетельствует о создании оси Пекин — Тегеран — Анкара. Однако вполне очевидно, что желание Китая установить контроль над регионом Ближнего и Среднего Востока и хорошо заметное в последние 8 лет изменение внешнеполитического вектора Турции, заключающееся в значительном охлаждении отношений с США и улучшении отношений с исламскими странами, естественным образом ведут к сближению Анкары и Пекина [187; 188; 189].

Надо также отметить, что Саудовская Аравия и Иран стали первым и третьим соответственно поставщиками нефти в Китай (на втором месте — Ангола) [185]. Более того, в 2009 г. Китай стал главным импортером саудовской нефти, впервые обойдя в этом качестве США [64]. Учитывая быстро развивающиеся связи Китая с Суданом, Нигерией, Анголой (всего из Африки Китай получает около трети своего нефтяного импорта [190]) и Венесуэлой, мировой рынок нефти и газа может со временем оказаться, в основном, под контролем Пекина.

Весьма симптоматично, что в декабре 2010 г. на вручении Нобелевской премии мира китайскому диссиденту Лю Сяобо отсутствовали в знак солидарности с Китаем, в частности, послы Ирана, Ирака, Саудовской Аравии, Пакистана, Афганистана, Венесуэлы [191].

Благодаря наличию новых союзников, Китай может обеспечить диверсификацию источников сырья и создать серьезное напряжение для США по всему миру. Нельзя исключать появления, по крайней мере, в некоторых из перечисленных стран китайских военно-морских баз, на которых будут размещены, в первую очередь, подводные лодки. Сейчас строительство такой базы ведется в пакистанском порту Гвадар (в него уже вложено более 2,6 млрд долларов), следующая китайская ВМБ, видимо, появится в Мьянме [192; 193; 194; 195; 196; 197; 198; 199].

При этом, однако, ВМС Китая в обозримой перспективе не способны обеспечить поставки энергоресурсов морским путем из отдаленных регионов мира, если им придется противостоять американским ВМС. Кроме того, все указанные страны не могут служить объектом демографической экспансии Китая хотя бы из-за отсутствия общей границы с самим Китаем. Полномасштабная экспансия, обеспечивающая решение всех вышеописанных проблем, возможна только в сопредельные с Китаем страны, с которыми обеспечены надежные наземные коммуникации.

Можно предположить, что концепция единой китайской нации и культивирование восприятия своей страны как «всеми обиженной» имеет в Китае вполне прагматические внутренние цели — идейное сплочение населения, противодействие этническому и экономическому сепаратизму. Территориальные претензии к соседям также имеют узкую утилитарную сиюминутную цель — добиться «рационального», т.е. выгодного китайской стороне решения пограничных и иных политических и экономических вопросов. Причем Китай неизменно добивается в этом успеха, получая от всех своих соседей территории, которыми ранее не владел (хотя и не очень большие по размеру). Наиболее ярким примером этого является получение КНР острова Тарабаров и части Большого Уссурийского острова на Амуре напротив Хабаровска в октябре 2004 г. И с географической, и с международно-правовой точки зрения эти острова однозначно принадлежали России (подробнее об этом в работах [119; 128; 200]). **Сдача столь большой и имеющей существенное стратегическое значение территории в мирное время страной, являющейся ядерной сверхдержавой, причем без всяких взаимных уступок, не имеет аналогов в современной истории.** Более того, хотя официальные лица в России, вплоть до самых высокопоставленных, многократно заявляли, что после подписания соглашения 2004 г. пограничный вопрос между КНР и РФ закрыт окончательно и бесповоротно, уже в 2010 г. Китай потребовал пересмотра границы по Амuru и Уссури сразу на 160 участках и в одностороннем по-

рядке начал на этих реках гидротехнические работы с целью изменения русла, хотя обязан был провести предварительные консультации с российской стороной [201].

Интересно сравнить реакцию на договор 2004 г. российских и китайских ученых. Так, В. Гельбрас называет уступку островов на Амуре беспрецедентным в мировой практике случаем, последствия которого будут значительными. Отмечается, что, видимо, Китай не сделал России никаких ответных уступок [202]. Со своей стороны, Чжоу Юншэн, представляющий Дипломатическую академию Китая, считает, что *«окончательное разрешение территориальной проблемы между двумя странами достигнуто благодаря уступкам китайской стороны»* [203, с. 54].

Что касается экспорта рабочей силы, он также имеет очевидное утилитарное значение — сброс социальной напряженности и получение валютных поступлений.

Совокупностью этих мер Китай выигрывает время, оттягивает наступление кризиса, пытаясь предотвратить его вообще, не выходя за рамки нынешней градуалистской политики. Возможно, ему это удастся, тогда все опасения окажутся необоснованными.

Однако вполне вероятно, что ситуация может сложиться иначе. Упомянутые выше китайские политологи Сюе Сяньтяня и Луань Цзинхэ активно доказывают, что все территориальные претензии отошли в прошлое. Тем не менее, без красноречивой оговорки не обошлось: *«Хотя в принципе захваченные в нарушение договоров какой-либо из сторон территории другой стороны должны быть возвращены последней»* [125]. Практически о том же говорил и Ли Фэнлинь, чье высказывание было приведено в конце главы II [139, с. 172].

Другой китайский ученый, профессор Ли Цзинцзе в достаточно своеобразной форме отрицает наличие территориальных претензий Китая к России: *«Если бы у Китая были экспансионистские поползновения и территориальные претензии в отношении России, то почему бы ему не переждать 20–30 лет, чтобы, став экономической и военной сверхдержавой (как предсказывают многие в России) и далеко превзойдя Россию по совокупной мощи, вновь не начать с ней переговоры по пограничной проблеме?»* [204, с. 31]. Употребление в этой фразе слова «вновь» может означать, что именно таким образом Китай и будет действовать в том случае, если «далеко превзойдет Россию по совокупной мощи», а ныне действующие соглашения будет выполнять до тех пор, пока (и если) не достигнет такого превосходства. В этом случае несомненно будут использованы и вышеописанная историография (как идейное обоснование), и мигранты на территории России (как «пятая колонна»).

Есть и другой вариант развития событий: если китайское руководство увидит, что серьезный внутренний кризис становится неизбежным, оно может решить, что единственным способом избежать его становится внешняя экспансия, обеспечивающая захват территорий и ресурсов и отвлекающая население от внутренних проблем. Т.е. экспансия будет рассматриваться как «меньшее зло». В связи с этим перед добросовестной аналитикой не может не возникнуть вопрос о возможности военной формы экспансии. Ведь, как пишет уже цитировавшийся выше профессор Сунь Липин, если социальные проблемы не будут решены, одним из возможных сценариев является «*отвлечение внимания от социальных проблем в результате войны из-за территориальных споров*» [84, с. 19].

Выводы

В настоящее время главной целью геополитической стратегии Китая является получение доступа к природным ресурсам в Азии, Африке и Латинской Америке. Кроме легальных экономических инструментов Пекин очень активно занимается «приватизацией элит» развивающихся стран, т.е. их прямым коррупционным подкупом. При этом его совершенно не волнует характер режимов данных стран и политическая стабильность в этих странах, что дает Китаю очень значительные конкурентные преимущества в доступе на их рынки по сравнению со странами Запада. Даже если дружественный Пекину режим по каким-то причинам потерпел крах, Китай через некоторое время тем или иным способом установит нужные для себя отношения с новым режимом данной страны, даже если этот новый режим построен на полном отрицании прежнего. Значительно возросшие экономические возможности Китая позволяют ему устанавливать тесные связи со странами, которые еще недавно считались ближайшими партнерами Вашингтона (например, Турция, Саудовская Аравия, Бразилия, не говоря уж о Пакистане). С этими странами начинают устанавливаться и военные связи через закупку ими китайского оружия и проведение их ВС совместных с НОАК учений.

Однако эта геополитическая стратегия не может обеспечить Китаю главного — захвата территорий. Территории могут быть получены только в сопредельных с КНР странах.

ГЛАВА V.

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В КИТАЕ

Руководство НОАК (Народно-освободительная армия Китая, официальное название китайских вооруженных сил) осуществляет Центральный военный совет (ЦВС) (ему предоставлено право создания законодательства в военной области [9, с. 24; 50, с. 229]). При этом пост председателя ЦВС де-факто считается самым важным постом в КНР. Только после занятия этого поста человек становится полноправным руководителем страны. Именно ЦВС, как считают многие эксперты, и является в реальности главным руководящим органом КНР. При этом, кроме самого председателя, в ЦВС нет больше ни одного гражданского лица, он полностью состоит из представителей высшего генералитета. Как пишет О. Максимова, «не определенный в правовом отношении институт председателя Центрального военного совета, как по партийной, так и по государственной линии, можно рассматривать как замаскированный рычаг нажима на конституционные органы власти в случае, если их деятельность “дисгармонизирует” с целями и намерениями Председателя КНР» [205, с. 70].

В составе ЦК КПК военные высшего и среднего ранга составляют более 20% (в ЦК — 22%, в Политбюро — 8% [9, с. 515]). НОАК используется не только для обороны страны от внешней агрессии, но и для решения внутренних задач полицейского характера [50; 63; 206; 207]. ЦВС определяет основные направления военного строительства и развития НОАК, формирует военный бюджет, отвечает за проведение мобилизации и введение военного положения [208]. Основные задачи НОАК определены Цзян Цзэмином: «победить в войне» и «не изменить своего политического характера» [209].

ЦВС осуществляет руководство 4 видами вооруженных сил (стратегические ядерные силы (китайское название — «вторая артиллерия»), сухопутные войска, ВВС, ВМС) и 7 военными округами, которым подчиняются входящие в их состав части и соединения сухопутных войск (штабы округов находятся в Пекине, Шэньяне, Цзиннине, Нанкине, Ланьчжоу, Гуаньчжоу и Чэнду), через Генштаб (за исключением «второй артиллерии», которой ЦВС руководит напрямую) и три управле-

ния НОАК (политическое, тыла, вооружений). Передвижение подразделения более батальона должно быть разрешено ЦВС. Это же относится к любому передвижению войск через границы военных округов.

Минобороны осуществляет повседневное руководство военным строительством и входит в структуру Госсовета КНР. Главное политическое управление руководит партийно-политической и агитационно-пропагандистской работой в НОАК. Партийные структуры имеются во всех частях и соединениях НОАК, без подписи политкомиссара ни один приказ, в т.ч. боевой, не имеет силы.

НОАК комплектуется по призыву. Призывной возраст — 18 лет. Продолжительность срочной службы — 2 года. Из-за значительного переизбытка призывных ресурсов призыв носит выборочный характер, что позволяет набирать лучших призывников с точки зрения физических и интеллектуальных данных. Существует контрактная служба продолжительностью от 3 до 30 лет [206; 208; 209; 210; 211; 212].

Основными типами конфликтов, в которых, скорее всего, придется участвовать НОАК, китайские военные считают: маломасштабные войны, ограничиваемые оспариваемыми пограничными территориями; конфликт в связи с территориальными водами и островами; внезапное воздушное нападение на стратегические цели в Китае; защита от преднамеренного ограниченного нападения на китайскую территорию; «карательные контратаки» Китая на вражескую территорию, чтобы «противодействовать вторжению, защитить суверенитет или поддержать справедливость и устранить угрозы». При этом акцент на подготовку к локальным войнам не отрицает подготовки к крупномасштабной, в т.ч. ядерной войне [213]. Китай не исключает собственную инициативу в возникновении локальных военных конфликтов. В локальной войне, с точки зрения китайских военных, участвует меньшее количество войск, чем в крупномасштабной, что позволяет застать противника врасплох [208, с. 65].

В то же время не отменена и концепция «народной войны», созданная Мао Цзэдуном. Она подразумевает, что каждый китаец рассматривается как военнослужащий, а страна — как единый военный лагерь. В эпоху Мао смыслом этой концепции было «заманивание» технологически более сильного противника вглубь страны, где против него должна была развернуться крупномасштабная партизанская война с упором на гигантские людские ресурсы Китая. Начиная с 80-х гг. эта концепция была модернизирована, теперь предусматривается максимальное изматывание противника в приграничных сражениях с быстрым переходом в стратегическое наступление или даже ограниченная агрессия, опреде-

ляемая как «оборонительный удар в целях самозащиты». Таким образом, она существенно пересекается с концепцией «активной обороны», которая подразумевает длительную активную стратегическую оборону на заранее подготовленных рубежах с целью изменения соотношения сил в свою пользу с дальнейшим переходом в контрнаступление.

Две эти концепции, а также концепции «национальной безопасности», «ограниченного ядерного контрудара в целях самозащиты», «быстрого реагирования», «триединой системы вооруженных сил», «локальных войн», «стратегических границ и жизненного пространства» в совокупности составляют военную доктрину Китая [208; 214]. В рамках концепции «активной обороны» (носящей, по сути, наступательный характер) предполагается применять такие приемы, как «победа с помощью элитных сил», «захват инициативы за счет нападения первыми», «победа над слабыми за счет превосходства», «удары в глубину», «вести быстрый бой, чтобы добиться быстрого исхода» [211]. Термин «активная оборона» можно истолковать как готовность к ведению наступательных действий, поскольку Китай сам определяет, какое государство относится к нему враждебно и в чем эта враждебность заключается [215]. Принцип «удара в глубину» подразумевает действия «целиком в глубине», включая ракетно-артиллерийские удары и десанты. Она родилась из понимания бесполезности статичной обороны [216].

Особого внимания заслуживает концепция «стратегических границ и жизненного пространства», которая разработана для обоснования и правомочности ведения ВС Китая наступательных боевых действий. В газете Главного политического управления НОАК «Цзефанцзюнь бао» от 13 апреля 1987 г. о границе жизненного пространства говорилось, что она «определяет жизненное пространство государства и страны и связана с притоком и оттоком всеобъемлющей национальной мощи», «отражает мощь государства в целом и служит интересам его существования, экономики, безопасности и научной деятельности». Концепция основана на той точке зрения, что рост населения и ограниченность ресурсов вызывают естественные потребности в расширении пространства для обеспечения дальнейшей экономической деятельности государства и увеличения его «естественной сферы существования». Предполагается, что территориальные и пространственные рубежи обозначают лишь пределы, в которых государство с помощью реальной силы может «эффективно защищать свои интересы». «Стратегические границы жизненного пространства» должны перемещаться по мере роста «комплексной мощи государства». Как писала та же «Цзефанцзюнь бао» 3 апреля 1988 г., «*эффективный контроль*,

осуществляемый в течение продолжительного времени над стратегическим районом, который осуществляется за пределами географических границ, в конечном итоге приведет к переносу географических границ». Концепция подразумевает перенесение боевых действий из приграничных районов в зоны «стратегических границ» или даже за их пределы, при том что причинами военных конфликтов могут стать сложности на пути «обеспечения законных прав и интересов Китая в АТР». В Китае считают, что границы жизненного пространства сильных держав выходят далеко за пределы их юридических границ, а сфера влияния слабых стран меньше, чем их национальная территория.

Долговременная программа строительства вооруженных сил Китая состоит из трех этапов. По окончании первого (2000 г.) ВС достигли способности защитить жизненные интересы Китая, в т.ч. путем успешного ведения локальных войн низкой и средней интенсивности по всему периметру границы, а также «эффективно сдерживать и устрашать потенциальных противников». На втором этапе (2010 г.) ВС должны превратиться в силу, «гарантирующую расширение стратегических границ и жизненного пространства». На третьем этапе (2050 г.) должны быть созданы ВС, способные «одержать победу в войне любого масштаба и продолжительности с использованием всех средств и способов ведения вооруженной борьбы». Применительно к ВМС те же три этапа формулируются несколько иначе. На первом этапе флот должен обеспечить благоприятный оперативный режим в пределах «первой цепи островов» (от японского острова Рюкю до Филиппин), на втором — в пределах «второй цепи островов» (от Курильской гряды через Марианские острова до Новой Гвинеи), на третьем — свободно действовать в любой точке мирового океана [9, с. 493; 131; 208; 214; 216; 217; 218; 219; 220; 221].

Под «комплексной мощью государства» в Китае понимается совокупность экономики, науки и техники, внутренней политической стабильности, военной мощи. Нарастивание комплексной мощи рассматривается как средство обеспечения национальной безопасности (т.е. устранение внешних и внутренних угроз) и достижения общенациональных целей на глобальном и региональном уровнях. В этом суть концепции «национальной безопасности» [214; 222; 223].

Хотя указанная концепция не называет прямо направление, в котором будут расширяться «стратегические границы жизненного пространства» Китая, достаточно очевидно, что это может быть только Россия, в первую очередь ее восточные регионы, а также Центральная Азия, в первую очередь Казахстан. Восточная Сибирь и Дальний

Восток РФ обладают гигантской территорией и природными ресурсами при очень небольшом, причем быстро сокращающемся населении. Аналогичная ситуация имеет место в Казахстане. В Индокитае (другом потенциальном направлении китайской экспансии) ситуация во всех отношениях является прямо противоположной (мало территории и ресурсов при высокой плотности коренного населения). Захватывая эти страны, Китай лишь в незначительной степени решает проблему нехватки ресурсов, а проблема перенаселения даже еще более усугубляется, причем новое население окажется нелояльным Пекину (особенно это будет относиться к Вьетнаму, который имеет очень богатый опыт успешного ведения войн, как классических, так и партизанских, в т.ч. и против Китая).

Индия в качестве направления экспансии, разумеется, рассматриваться не может по причинам географического (между Китаем и Индией лежат Гималаи) и демографического (население Индии почти равно китайскому при гораздо меньшей площади территории) характера. Кроме того, Индия испытывает почти такой же дефицит ресурсов, как и сам Китай.

То, что экспансия Китая будет вестись, главным образом, в направлении России, подтверждается как ведущейся в этой стране официальной пропагандой (о чем шла речь выше), так и характером военного строительства.

В сентябре 2006 г. Китай провел беспрецедентные по масштабам учения Шэньянского и Пекинского военных округов (ВО) НОАК, двух самых мощных по своему потенциалу из 7 китайских военных округов. Именно эти округа прилегают к границе с Россией на ее восточном участке, длина которого составляет 4,3 тыс. км. В ходе учений части Шэньянского ВО совершили бросок на расстояние 1000 км на территорию Пекинского ВО, где провели учебное сражение с частями этого округа. Передислокация проводилась как своим ходом, так и по железной дороге. Целями учений стали отработка навыков маневрирования армейскими соединениями на большом удалении от мест базирования и повышение уровня управления тыловым обеспечением войск [224].

В 2009 г. эти тенденции получили дальнейшее развитие. В КНР прошли крупнейшие в ее истории по размаху военные учения «Куюаэ-2009» [225; 226]. Они проводились на территории четырех из семи военных округов — Шэньянского, Ланьчжоуского, Цзинаньского и Гуаньчжоуского. В них принимали участие до 50 тыс. военнослужащих сухопутных войск и ВВС, более 6 тыс. транспортных средств. В ходе учений

войска преодолели в общей сложности 50 тыс. км. В частности, четыре общевойсковые дивизии совершили марш (по железной дороге, а затем своим ходом) на расстояние 2 тыс. км.

На учениях отрабатывались совместные действия всех родов войск в условиях современной войны. Одной из целей маневров была проверка новейших систем вооружений, а также работоспособности разворачиваемой Китаем национальной навигационной спутниковой системы «Бэйдоу» — аналога американской GPS.

Вполне очевидно, что подобный сценарий учений заведомо не имеет отношения ни к захвату Тайваня, ни к отражению агрессии со стороны США. Захват Тайваня представлял бы собой воздушно-морскую десантную операцию, размеры же сухопутного театра военных действий (ТВД) на острове очень малы, ширина острова с запада на восток не превышает 150 км, соответственно, там невозможны тысячекилометровые марши. Кроме того, в проводимых учениях не задействовались войска Нанкинского ВО, который и ориентирован на действия против Тайваня.

Необходимо также отметить, что победа Гоминьдана в начале 2008 г. как на президентских, так и на парламентских выборах на Тайване (на выборах 2012 г. Гоминьдан сохранил власть) привела к ожидаемому форсированному сближению Пекина и Тайбэя не только в экономической, но уже и в политической сфере. В такой ситуации для материкового Китая военное давление становится контрпродуктивным, теперь он рассчитывает добиться объединения в обозримом будущем (вряд ли более 15-20 лет) без войны. Соответственно, проведение военной операции против Тайваня, которая, по-видимому, планировалась Пекином на конец 2008 г., сейчас снята с повестки дня [227; 228; 229; 230; 231; 232; 233; 234; 235; 236; 237; 238].

Агрессия со стороны США, если даже и представить ее себе, может иметь только характер удара с моря и воздуха высокоточным оружием с целью разрушения военного и экономического потенциала КНР. Действия на суше для США были бы самоубийственны из-за гигантского численного превосходства НОАК, при этом совершенно бессмысленны с военной, политической и экономической точек зрения.

Тем более, КНР не может ожидать агрессии со стороны какой-либо другой страны, поскольку такая агрессия стала бы для агрессора самым эффективным и быстрым способом самоубийства. Соответственно, проводить учения стратегического масштаба для отработки задач обороны не имеет никакого смысла, такие задачи перед НОАК просто не стоят. Это понятно и командованию НОАК, поэтому на учениях отрабатываются действия не оборонительные, а наступательные.

Очевидно, что для решения внутренних задач проведение подобных операций также заведомо избыточно, сепаратизм в Синьцзяне и Тибете не создает для Пекина проблем такого масштаба, чтобы для их решения требовалась переброска и развертывание крупных армейских соединений. Социальные волнения пока также ограничены, хотя руководство страны опасалось их расширения из-за экономического кризиса.

Главное же в том, что на учениях отрабатывались боевые действия «армия против армии», а не противопартизанская война и не подавление внутренних беспорядков.

Соответственно, возникает вопрос, с какой армией сухопутные войска и ВВС НОАК собираются вести войну с использованием самой современной боевой техники, спутниковой навигационной системы и других новейших систем обеспечения боевых действий?

Следует отметить, что только в России и Казахстане возможны наступательные операции на глубину до 2 тыс. км. В Юго-Восточной Азии глубина ТВД, в целом, не превышает 1,5 тыс. км, на Корейском полуострове составляет не более 750 км. Кроме того, и местность, где проводились учения, более всего соответствует по своим физико-географическим условиям регионам Центральной Азии, Дальнего Востока и Забайкалья, а отнюдь не Юго-Восточной Азии.

Более того, зимой 2012–13 гг. войска Шэньянского и Пекинского ВО провели серию учений с широким использованием бронетехники и артиллерии в условиях экстремально низких температур и глубокого снежного покрова.

Нельзя не видеть, что официально признаваемые военные расходы КНР выросли с 17,4 млрд долларов в 2001 г. до 78 млрд в 2010 г. (т.е. в 4,5 раза), темпы их роста вдвое выше, чем темпы роста ВВП, причем кризис на это почти никак не повлиял. Более того, после того, как руководство КНР поняло, что рост ВВП страны в 2010 г. превысил 10%, военные расходы в 2011 г. были повышены на 12,7%, превывсив 91 млрд долларов (т.е. за 10 лет расходы выросли в 5,2 раза). При этом реальные размеры военного бюджета в 1,5–3 раза выше официальных, поскольку финансирование научных разработок, строительства, социальных расходов и т.д. проходит по другим бюджетным статьям. Кроме того, в цифру военных расходов не включены затраты на импорт вооружений и доходы от экспорта, расходы на ядерное оружие и стратегические ядерные силы (СЯС), на Народную вооруженную полицию, субсидии в ВПК, НИОКР [22; 215; 239; 240].

Надо также учитывать очень высокую роль ВС в политической жизни Китая (как было сказано выше, главным руководящим постом в ки-

тайской властной иерархии считается не пост генсека ЦК КПК и, тем более, не пост председателя КНР, а пост председателя Центрального военного совета, высшего органа военного управления в Китае), а также практическую безграничность людских ресурсов. **Очень высокая безработица среди молодежи и «дефицит невест» делают высокие собственные потери в ходе боевых действий не просто допустимыми, но, возможно, даже желательными для военно-политического руководства страны.** Наличие у России ядерного арсенала не может считаться панацеей, поскольку Китай также имеет ядерный арсенал. Превосходство России в средствах доставки межконтинентальной дальности (которая в данном случае является избыточной) во многом нивелируется наличием у КНР значительного числа ракет средней дальности, которые при наличии между странами общей границы играют роль стратегических. Россия не имеет таких ракет, поскольку связана положениями советско-американского договора об РСМД от 1987 г.

Кроме того, крайне отрицательное психологическое значение для России имеет сам факт максимального понижения ядерного порога в случае крупномасштабной внешней агрессии. Из-за того, что обычные силы ВС РФ крайне ослаблены (особенно — на востоке страны) и не способны противостоять агрессии со стороны Китая, ядерное оружие становится единственным средством отражения такой агрессии и должно применяться сразу после начала войны, причем если речь идет о тактическом ядерном оружии — по собственной территории (дальность полета ракеты «Точка-У» в ядерном снаряжении не превышает 120 км, боевой радиус фронтового бомбардировщика Су-24 на малой высоте — 560 км). При этом Россия гарантированно получит аналогичный ответ.

В последнее время в крупных городах Китая развернуто строительство подземных убежищ, рассчитанных на прием сотен тысяч и даже миллионов человек [241; 242; 243; 244]. По официальным данным, эти убежища предназначены для защиты населения от землетрясений. Вполне очевидно, что такое объяснение нельзя считать удовлетворительным. Во-первых, землетрясение происходит внезапно и длится, максимум, несколько минут, поэтому население просто не успеет укрыться в этих убежищах. Во-вторых, если люди все же окажутся во время землетрясения в таком убежище, оно с гарантией, близкой к 100%, станет для них братской могилой, поскольку стены убежища будут разорваны сейсмическими волнами. При землетрясениях рекомендуется находиться на поверхности земли, как можно дальше от любых сооружений. Можно предположить, что этим подчеркнуто абсурдным объясне-

нием Пекин дает понять и Москве, и Вашингтону, что он вполне готов к ядерной войне. Подземные убежища, как известно, являются наиболее эффективной защитой от ядерных взрывов и их поражающих факторов (ударной волны, проникающей радиации, светового излучения, радиоактивного заражения).

В 2001 г. с грифом «для служебного пользования» в Китае была издана книга «География национальной безопасности Китая». Ее авторами стали офицер НОАК, преподаватель кафедры стратегии Университета национальной обороны НОАК Шэнь Вэйле и сотрудник Академии современных международных отношений (аналитическое учреждение, входящее в систему МГБ КНР) Лу Цзюньюань. В ней есть ряд крайне примечательных моментов.

«Как на суше, так и на море Китай еще не достиг полной территориальной целостности, определенные его территории и морские пространства оккупированы другими странами. Защита территориальной целостности по-прежнему является одной из главных задач национальной безопасности».

«Размеры территории позволяют рационально распределять силы. В странах с малой территорией высока концентрация населения и промышленности, что повышает их уязвимость от внешней агрессии. Однако вышесказанное не означает, что большая территория гарантирует безопасность. Территории должны соответствовать распределению населения и промышленности. Большую территорию трудно контролировать, защитить от раскола».

«Транспорт необходим для перемещения материалов и маневра стратегических сил. Уровень развития и распределение транспорта тесно связаны с экономическим и оборонным строительством. Так, связь между западными и восточными регионами России полностью зависит от Транссибирской железной дороги, это в большой степени сдерживает развитие восточных регионов».

«В 1643 г. русские войска заняли китайский населенный пункт Нибучу (Нерчинск). В то время Цинское правительство еще обладало достаточной силой, чтобы дать России достойный отпор и остановить продвижение русских войск в сторону Амура. В 1689 г. был подписан равноправный Нерчинский договор, которым была определена граница между двумя странами».

«В 1853 г. был захвачен китайский остров Куедао (Сахалин). Всего Россия аннексировала 600 тыс. кв. км к северу от Амура, а 400 тыс. кв. км к западу от Усури были переданы в “совместное управление”. В 1860 г. российские войска заняли Хайшэньвэй. После этого Россия вынуди-

ла Китай подписать Пекинский договор. В 1864 г. был подписан Договор об установлении западной границы, согласно которому России отошло 440 тыс. кв. км. Всего Россия захватила более 1,5 млн кв. км китайской территории».

В книге говорится, что интенсивность интересов национальной безопасности снижается по мере удаления от центра. Вводится деление на «пласты безопасности».

Центральный пласт — территория, над которой осуществляется национальный суверенитет, его граница обычно совпадает с государственной. Утрата безопасности центрального пласта равнозначна гибели государства.

Внутренний пласт — район периферии, тесно связанный с центральным пластом. Этот район оказывает прямое влияние на безопасность центрального пласта и находится под его прямым воздействием. *«Внутренний пласт имеет с центральным географическую, экономическую, экологическую, иногда этническую связь, имеет большое значение для борьбы с контрабандой, наркоторговлей и разведывательной деятельностью. Государства, которые находятся в центральном пласте, как правило, всеми силами оказывают влияние на государства их внутреннего пласта вплоть до того, чтобы держать их под контролем с помощью экономических, политических и военных мер».*

Внешний пласт — все, что представляет интерес для безопасности за пределами внутреннего пласта.

«Можно сказать, что весь мир стал внешним звеном безопасности Китая. Однако это вовсе не означает, что интересы безопасности Китая покрывают весь мир».

Внутренний пласт для Китая — Северо-Восточная (Япония и две Кореи), Юго-Восточная, Северная (Россия и Монголия), Центральная и Южная Азия.

Большие размеры территории Китая, наличие горных районов способствуют успешному ведению обороны, истощению противника и в благоприятный момент — переходу в стратегическое наступление [245].

Таким образом, Россия входит во «внутренний пласт безопасности» Китая, который надо «держат под контролем с помощью экономических, политических и военных мер».

Из 7 военных округов Китая наиболее мощными являются округа со штабами в Пекине и Шэньяне. На них приходится 4 из 9 танковых и 6 из 8 механизированных дивизий, 6 из 14 танковых бригад сухопутных войск НОАК. Еще 2 танковые дивизии и 1 бригада входят в состав округа со штабом в Ланьчжоу (занимает западную часть страны, ори-

ентирован на Центральную Азию и Монголию), 1 танковая, 1 механизированная дивизия и 2 танковые бригады — в состав округа со штабом в Цзинане, который является стратегическим резервом для всех округов.

В частности, 38-я армия Пекинского ВО представляет собой «полигон» для отработки новых оргштатных мероприятий и способов применения новых видов боевой техники. Артиллерия в этой армии полностью автоматизирована, она еще уступает по точности американской, но уже превзошла российскую. Быстро обновляются бронетанковые войска, темп их наступления по опыту учений выше, чем в ВС РФ. В состав 38-й армии входит полностью автоматизированная 6-я танковая дивизия, оснащенная танками Туре-96. Темп наступления 38-й армии достигает 1000 км в неделю (150 км в сутки). В состав этой же армии входит 4-я зенитно-ракетная бригада, наиболее современное соединение войсковой ПВО Китая (включает, в частности, по одному дивизиону наиболее современных зенитно-ракетных комплексов (ЗРК) «Тор» и HQ-16).

Вторым «полигоном» для отработки новых способов применения сухопутных войск является «резервный» Цзиннаньский округ, включающий, в частности, образцовые и оснащенные новейшей техникой 8-ю танковую и 127-ю легкую мотопехотную дивизии.

Остальные подвижные соединения входят в состав Нанкинского военного округа, ориентированного на захват Тайваня. Наиболее слабыми являются округа со штабами в Чэнду и Гуаньчжоу, прилегающие к границам с Индией и Индокитаем. Они, в частности, не имеют ни одной танковой и механизированной дивизии, т.е. на южном направлении китайское командование не предполагает вести какие-либо наступательные действия.

Китай, как США и РФ, может производить всю существующую номенклатуру вооружения и военной техники. В частности, в Китае созданы межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) как шахтного, так и мобильного базирования. В ближайшей перспективе китайские МБР могут быть оснащены разделяющимися головными частями. Считается, что количество МБР «Дунфэн-5» у Китая не превышает 50. Кроме того, начали поступать на вооружение первые образцы МБР «Дунфэн-31» (их имеется уже не менее 30) и «Дунфэн-41». Однако точные размеры китайского ракетно-ядерного арсенала и его дислокация неизвестны даже приблизительно, имеющиеся западные оценки, по сути, ни на чем не основаны. Часть ракет размещаются в тоннелях и пещерах, что делает их практически неуязвимыми для превентивного либо ответного удара с применением как ядерного, так и обычного высокоточного оружия. При этом следует отметить, что из-за наличия между РФ

и Китаем сухопутной границы большая часть китайских баллистических ракет по отношению к России являются стратегическими. В частности, в зоне досягаемости ракеты средней дальности «Дунфэн-4» (их количество оценивается, как минимум, в 20–25 единиц) Москва оказывается даже в том случае, если запуск ракеты производится из района Шэньяна (один из самых восточных городов Китая). Ракета средней дальности «Дунфэн-3» (их количество оценивается в 50–90 единиц) из района Урумчи достигает Нижнего Новгорода. То же относится и к новейшей ракете «Дунфэн-21» (не менее 90 единиц). Приморский и Хабаровский края, Забайкалье, Алтайский край и Республика Алтай находятся в зоне досягаемости тактических и оперативно-тактических ракет НОАК («Дунфэн-11», «Дунфэн-15», М-7), численность которых достигает, как минимум, нескольких тысяч. Морской вариант МБР «Дунфэн-31» JL-2 будет развернут на атомных ракетных подводных лодках (ПЛАРБ) пр. 094. Уже введены в строй 3 из 4 лодок этого типа, каждая ПЛАРБ несет 16 JL-2. Общее количество межконтинентальных баллистических ракет наземного и морского базирования к 2010 г. даже по официальным китайским данным должно было составить не менее 200 единиц. Китайской разведке удалось добыть в США чертежи новейшей ядерной БЧ W-88, устанавливаемой на БРПЛ «Трайидент-2», а также нейтронной бомбы, что позволило Китаю значительно продвинуться в разработках соответствующих собственных систем, сэкономив более 10 лет и сотни миллиардов долларов. В 90-е гг. Китай производил не менее 140 ядерных боеголовок в год. Американские корпорации «Loral» и «Hughes» оказали Китаю существенную помощь в совершенствовании ракет-носителей и искусственных спутников Земли (ИСЗ) [168; 175; 206; 208; 215; 239; 246; 247; 248; 249; 250; 251; 252].

По численности личного состава ВС Китая занимают первое место в мире (2,285 млн чел., мобилизационные ресурсы — 208,1 млн чел.), по числу танков (8–10 тыс.) — также первое, по числу боевых самолетов (ок. 2,5 тыс.) — второе (после США), по количеству тактических и оперативно-тактических баллистических ракет, артиллерийских орудий, суммарному числу атомных многоцелевых (ПЛА) и дизельных подводных лодок (ПЛ), фрегатов, ракетных катеров, десантных кораблей — первое. Слабой стороной ВС Китая до последнего времени являлась их архаичность: значительная часть боевой техники не отвечала современным требованиям. Однако в последнее время Китай достаточно быстро улучшает качественный состав своих ВС, закупив в России наиболее современные образцы техники (истребители Су-27 и Су-30, зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) «Тор» и С-300ПМУ,

ПЛ пр. 877 и 636, эсминцы пр. 956, противокорабельные ракеты (ПКР) «Москит» и т.д.), а также развернув собственное производство современной боевой техники.

Сегодня к современным образцам можно отнести более 3 тыс. танков Туре-88, Туре-96 и Туре-99, 100 самоходных артиллерийских установок (САУ) 2С23, несколько сотен САУ WAC-021 и реактивных систем залпового огня (РСЗО) (А-100, WM-80, PLH-03) собственного производства, 35 ЗРК «Тор-М1», более 400 тяжелых истребителей Су-27 (китайское название J-11) и Су-30 (J-12), 25 дивизионов зенитно-ракетной системы (ЗРС) С-300 различных модификаций (составляют 7 зенитно-ракетных полков), а также созданную на их основе китайскую ЗРС HQ-9. Развернуто производство легких истребителей J-10 (он создан на основе проекта израильского истребителя «Лави», который не был реализован в самом Израиле, но с российскими двигателями и бортовой РЛС), количество которых превысило 220 и может достичь 1 тыс. С другой стороны, истребитель J-6 (копия МиГ-19), еще в начале этого века составлявший основу ВВС НОАК, в 2010 г. полностью снят с вооружения. Выведен из первой линии ПВО истребитель J-7 (копия МиГ-21).

Средний налет китайских пилотов на современных истребителях составляет 200 ч. в год, почти столько же, сколько в США, и в 2 раза больше, чем в России. В ВВС НОАК (подобно ВВС США) имеется эскадрилья «Агрессор», укомплектованная наиболее подготовленными пилотами на истребителях Су-27. Они имитируют действия ВВС РФ и Тайваня, т.е. основных вероятных противников Китая. Летчики других частей ВВС КНР участвуют в учебных воздушных боях с «Агрессорами», повышая свое мастерство и изучая тактику будущих врагов.

Применительно к ВМС наиболее современными можно считать 12 ПЛ пр. 636 и 877 российской и 23 пр. 039 и 041 собственной постройки (последние по конструкции близки к новейшей российской ПЛ пр. 677), 14 эсминцев (пр. 956, пр. 052 различных модификаций, пр. 051В/С), около 20 фрегатов пр. 054/054А. Приобретенные в России 4 эсминца пр. 956 предназначены для борьбы с надводными целями, 6 эсминцев собственной постройки пр. 052С и не менее 10 еще более современных кораблей пр. 052D будут решать задачу ПВО корабельных соединений. Для этого они оснащены российской ЗРС «Риф» (морской вариант С-300) либо ее китайским аналогом ННQ-9 и многофункциональной боевой системой, подобной американской системе «Aegis». Эсминцы пр. 052С можно привести в качестве наиболее яркой иллюстрации китайской политики синтеза иностранных технологий. Эти корабли оснащены газотурбинными двигателями «Заря» украинского производства, кроме рос-

сийской ЗРС «Риф», они вооружены китайскими ПКР С-803 (которые сами по себе являются синтезом французской ПКР «Экзосет» и израильской ПКР «Габриэль»), 100-миллиметровой артиллерийской установкой (АУ), скопированной с французской АУ М68 фирмы «Крезо-Луар», 7-ствольным 30-миллиметровым зенитным автоматом, скопированным с голландского «Голкипера», противолодочными торпедами Yu-7, скопированными с американской торпеды Mk46, вертолетом Z-9, являющимся копией французского SA-365. За исключением вертолета, все остальные образцы вооружений, скопированные с иностранных, производятся в Китае без лицензий. Именно эти эсминцы будут строиться большой серией, причем на их новой модификации вместо российской ЗРС установлена уже собственная ННQ-9 (морской вариант HQ-9). Кроме того, начато массовое строительство еще более совершенных эсминцев пр. 052D, фрегатов пр. 054А, корветов пр. 056, самых скоростных и мощных в мире ракетных катеров пр. 022.

Недавно был введен в строй первый в ВМС Китая десантно-вертолетный корабль-док (ДВКД) пр. 071. Сегодня это крупнейший корабль китайского флота водоизмещением 20 тыс. т. Он несет до 800 морских пехотинцев и 50 единиц бронетехники, которые могут перебрасываться с корабля на берег с помощью имеющихся на борту ДВКД 4 десантных катеров на воздушной подушке и 4 вертолетов. ДВКД уже побывал у берегов Сомали в рамках борьбы с пиратами. В конце 2011 г. в ВМС поступил второй такой ДВКД, строятся еще два. Активно ведется проектирование авианосцев с использованием технологий с закупленного на Украине всего за 28 млн долларов авианосца «Варяг» (полная техническая документация на него была куплена у Невского ПКБ в Санкт-Петербурге за чисто символическую сумму 840 тыс. долларов), недостроенного для ВМФ СССР, и выведенного из состава ВМС Австралии авианосца «Мельбурн», приобретенного по цене металлолома. Более того, «Варяг», который был официально куплен для переделки в плавающий развлекательный центр, достроен в качестве авианосца (возможно, учебного) и введен в строй ВМС КНР под названием «Ляонин». Палубный истребитель для него J-15 создается на основе Т-10К (прототип Су-33), также приобретенного на Украине [177, с. 82-83; 199; 253; 254; 255; 256; 257; 258; 259; 260; 261; 262; 263; 264; 265; 266; 267; 268; 269; 270; 271, с. 384-439; 272]. Совершенно очевидно, что в силу специфичности конструкции этот корабль так и останется в ВМС НОАК в единственном экземпляре, он станет учебно-экспериментальным кораблем. По результатам его эксплуатации будет развернуто производство авианосцев уже собственного китайского проекта.

Существует вероятность того, что в ближайшее время страны ЕС снимут эмбарго на поставки вооружений в Китай [273], чего Пекин очень активно добивается в обмен на поддержку евро. В этом случае Китай, видимо, будет приобретать в Европе наиболее современное оружие, в т.ч. и для изучения и дальнейшего копирования технологий. Не исключены массовые закупки систем боевого управления, средств связи и радиоэлектронной борьбы (РЭБ), оптических приборов, радиолокационной и гидроакустической техники и другого оборудования, не являющегося оружием, но значительно повышающего эффективность его применения. Кроме того, закупки оружия на Западе могут стать средством давления на Россию с целью получения от нее более современного оружия по более низким ценам [274]. Впрочем, КНР с 1990 г. активно приобретает в Европе продукцию, которая не является «смертоносным оружием», но используется исключительно для НОАК [275]. Так, большая часть китайских боевых кораблей, а также значительная доля наиболее современных танков Туре-96 и Туре-99 оснащены немецкими дизельными двигателями. На флоте и в ВВС НОАК используются РЛС французского производства.

Военно-техническое сотрудничество России и Китая носило характер «выкачивания» из России новейших технологий. Так, подписав соглашение о лицензионном производстве в Китае 200 истребителей J-11 (Су-27), Китай, закупив в России комплектующих для 105 самолетов, отказался от остальных 95, что нанесло существенные убытки российским предприятиям ВПК, участвовавшим в этом проекте. Судя по всему, таким способом Пекин «выбивал» у Москвы доступ к технологии производства истребителя 5-го поколения. Достаточно симптоматично, что, приобретая в РФ Су-27, Китай закупал к ним по 3 комплекта запасных двигателей, что достаточно странно в случае, если между странами в будущем подразумевается сохранение отношений «стратегического партнерства» [276; 277; 278; 279; 280].

До последнего времени Китай приобретал в России исключительно такое вооружение, которое предназначалось для войны против Тайваня и США (пока Пекин всерьез планировал операцию по захвату острова). Очевидно, что морская война между КНР и РФ практически невозможна, в ней нет необходимости ни у той, ни у другой стороны. Война, если таковая случится, будет носить наземный характер.

В связи с этим нельзя не отметить, что КНР не приобретала в России никакой техники для своих сухопутных войск, поскольку против России, в случае войны, будет применяться именно она.

Более того, даже в области ВВС Китай избавился от зависимости от РФ. Он приобрел в России ограниченное число истребителей Су-27 — 76

единиц, из которых 40 Су-27УБ. Из такого уникального соотношения боевых и учебно-боевых машин (стандартное их соотношение 4-8:1, здесь же — 0,9:1) совершенно очевидно, что Су-27 российского производства приобретались для обучения летного состава и изучения технологий. Затем, как было сказано выше, Китай отказался от лицензионного производства Су-27 из российских комплектующих, построив лишь 105 самолетов из запланированных 200. Одновременно он скопировал этот истребитель и начал его безлицензионное производство под названием J-11В с собственными двигателями, вооружением и авионикой. Причем если в 60-е гг. копирование Китаем советских образцов было их заведомой примитивизацией, то J-11В, судя по имеющимся данным, не хуже Су-27, а по качеству авионики, возможно, даже превосходит его. Проблемы у Китая остаются с двигателем WS-10, который по мощности и ресурсу хуже российского оригинала АЛ-31. Тем не менее, это не делает J-11В принципиально хуже, чем Су-27. В целом, по своим возможностям они равны. При этом по количеству Су-27 и Су-30 (закупленных у РФ, произведенных по законной лицензии и безлицензионно) Китай уже обошел Россию (более 400 машин у НОАК, около 250 в ВВС РФ), но производство «незаконного» J-11В, а также безлицензионной копии Су-30 J-16 только разворачивается, соответственно, количественное превосходство Китая будет лишь нарастать.

Аналогичная ситуация сложилась с танками. Новейшие китайские Туре-96 и Туре-99 (он же Туре-98G, он же ZTZ-99) по своим боевым возможностям ничем не уступают российским Т-72/80/90. Более того, в 2009 г. генеральный конструктор танка Туре-99 Чжу Юйшэн заявил, что его детище — лучший танк в мире. Он превосходит американский M1A2 и немецкий «Леопард-2А6», а с остальными танками (включая российские) просто нет сравнения. При этом замена старых танков на новые идет практически по принципу «один к одному». Общее количество танков в сухопутных войсках НОАК стабильно сохраняется на уровне 8–10 тыс. единиц, при этом с 1998 г. произведено от 3,1 до 3,8 тыс. танков Туре-96 и Туре-99, их производство продолжается самыми высокими в мире темпами.

Вообще, распространенное в России представление о том, что китайская боевая техника существенно отстает по качеству от отечественных и западных образцов и что китайцы способны лишь на слепое копирование, не соответствует реальности. Действительно, практически все иностранные образцы в Китае подвергаются изучению и копированию, причем в подавляющем большинстве случаев — незаконному. При этом, однако, копирование, как правило, сопровождается творче-

ским развитием и улучшением иностранного образца хотя бы по некоторым параметрам. Более того, все чаще при создании новых образцов техники применяется синтез российских, западных и собственных китайских технологий. Такой синтез продуктов совершенно разных научно-технологических школ требует наличия очень мощной собственной школы. Тем более если синтезируются весьма сложные и высокотехнологичные образцы. Как пишет Ли Чэнхун, качество поставлявшихся из России вооружений оставляло желать лучшего: это были образцы, созданные еще в советские времена, Китай же хотел получить более современные системы. В связи с повышением собственных производственных возможностей требования Китая к оружию повысились. Кроме того, возникли разногласия по ценам. Поэтому в Китае приняли решение больше не заключать с Россией крупных контрактов, ограничиваясь лишь штучными системами и узловыми запчастями [274, с. 103].

В последнее время на вооружении НОАК появилась техника, которая не имеет никаких явных аналогов ни в России, ни на Западе. Например, боевая машина пехоты (БМП) ZBD-05, созданная специально для морской пехоты (закуплено не менее 250 машин различных модификаций [199]) и ставшая базой для целого семейства машин (командно-штабная машина, САУ ZTD-05 и др.). В качестве развития этих машин создана БМП WZ502G, уже не имеющая амфибийных возможностей, но со значительно усиленным бронированием. В китайских источниках утверждается, что башня, а также лоб корпуса выдерживают попадание 30-мм бронебойного снаряда с дистанции 1000 метров, борта корпуса выдерживают попадание 14,5 мм боеприпаса с 200 метров [281]. Следует подчеркнуть, что 30 мм — калибр пушки российской БМП-2 (у американской БМП «Брэдли» 25-миллиметровая пушка), 14,5 мм — калибр исключительно российских пулеметов (устанавливаются на всех бронетранспортерах), калибр американских и вообще западных пулеметов не превышает 12,7 мм.

Другим оружием, не имеющим зарубежных аналогов, стала ПКР, созданная на базе БРСД «Дунфэн-21». Это единственная в мире баллистическая ПКР, при этом дальность ее полета самая большая в мире — не менее 1,5 тыс. км. Она предназначена для поражения американских кораблей, включая авианосцы [282; 283].

Еще одним уникальным образцом вооружений, созданных в КНР, является РСЗО WS-2 с дальностью стрельбы 200 км. Разработана ее модификация WS-2D, стреляющая на 400 км. Каждая установка несет от 6 до 9 гиперзвуковых ракет, в т.ч. до 3 специальных самонаводящихся беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). Таким образом,

эта система значительно превосходит по своим тактико-техническим характеристикам (ТТХ) как российский «Смерч», так и американскую MLRS [284]. С помощью таких РСЗО существует возможность из глубины территории Китая практически мгновенно уничтожить все части и соединения Восточного военного округа ВС РФ в Амурской области, Приморском и Хабаровском краях, а из приграничных районов (но также с китайской территории) — части и соединения на территории Забайкальского края, а также стратегические предприятия Комсомольска-на-Амуре.

В Китае ведется разработка принципиально нового танка, который, по-видимому, будет иметь экипаж из 2 человек и необитаемую башню. Предполагается, что он может быть дополнительно к основному оружию вооружен двумя скорострельными 6-ствольными пушками для поражения воздушных целей, включая ПТУРЫ. Возможно, танк также будет нести на борту малогабаритную машину-робота для ведения разведки [285; 286; 287].

С конца 2010 г. в Китае проходят испытания прототипа тяжелого истребителя 5-го поколения J-20, а с 2012 г. — легкого истребителя J-31. Это означает, что китайская программа разработки истребителя 5-го поколения отстает от российской не более чем на 1-2 года. Хотя проблемы с двигателями пока в любом случае не позволят считать данный самолет полноценным истребителем 5-го поколения, но и у российского Т-50 также имеют место проблемы с двигателями. Легкий истребитель 5-го поколения в России вообще не разрабатывается. В Китае разработан первый в истории этой страны тяжелый военно-транспортный самолет Y-20, который, по-видимому, превосходит по своим ТТХ российский Ил-76. Его поступление в ВВС НОАК позволит преодолеть один из самых больших недостатков нынешней НОАК — крайне ограниченные возможности по «проецированию силы» на значительном удалении от границ КНР. Принят на вооружение и выпускается большой серией первый китайский ударный вертолет Z-10.

В Китае ведется разработка и других новейших образцов вооружения. Так, управляемая ракета «воздух-воздух» средней дальности SD-10, оснащенная двухрежимной (активная радиолокационная + инфракрасная) головкой самонаведения, может стать самой мощной ракетой такого класса в мире. Некоторые эксперты считают, что она по своим ТТХ превосходит американскую AIM-120A/B, российскую Р-77 (хотя создана на ее основе [288]) и французскую MICA. В будущем эта ракета может быть использована для создания наземных и корабельных ЗРК [289].

На авиасалоне в Чжухае осенью 2010 г. Китай представил значительное количество образцов БПЛА, в т.ч. боевые WJ-600, CH-3, «Илонг», «Аньцзян». По-видимому, в этой сфере Китай обошел даже США, а с Россией просто невозможно сравнение, настолько велико отставание последней [290; 291].

Основной тенденцией военного строительства в КНР становится соединение «механизации» и «информатизации». В 2008 г. создано Министерство промышленности и информатизации, которому подчинено Управление оборонной науки, техники и промышленности. В обозримой перспективе в Китае, судя по всему, будет создаваться «двухкомпонентная» армия. Одним из компонентов станет относительно небольшая (по китайским меркам) современная высокотехнологичная армия, способная успешно противостоять ВС США, РФ, Японии и Индии, не говоря уже о любой другой стране. Она составит примерно 15% от общей численности НОАК (имеется в виду численность мирного времени, т.е. до мобилизации). Для этой армии будут в максимальной степени учитываться новейшие американские концепции военного строительства, в частности — концепция «сетевидной войны». Упор будет сделан на информационном обеспечении войск данными о боевой обстановке в реальном масштабе времени с немедленным применением оружия по выявленным целям. При этом все составные части армии вплоть до отдельных боевых машин будут представлять собой единую информационную сеть. Значительное внимание будет уделено воздействию на «нервные узлы» вражеской армии, под которой, в первую очередь, подразумеваются ВС США (при этом командование НОАК понимает, что, обеспечив возможность успешно вести боевые действия против американской армии, оно тем более победит любую другую армию). Речь идет об электронном и огневом поражении КП, ИСЗ, центров связи противника, а также о мерах по дезинформации и маскировке. В частности, уже сейчас в Китае создаются для этой цели подразделения «хакеров». В соответствии с концепцией «народной войны» Мао Цзэдуна в КНР предполагается привлекать к подобного рода операциям любого человека, умеющего обращаться с компьютером, а это более 100 млн чел. В составе НОАК уже созданы спецбатальоны хакеров, а также соответствующие резервные полки «народного ополчения». Первое подразделение по разработке компьютерных вирусов было создано в КНР еще в 1997 г. Китайские хакеры уже взломали компьютерные сети ряда важнейших иностранных лабораторий, корпораций и военных структур. Кроме того, Китай, подобно США, будет активно раз-

вивать силы специального назначения, а также подводный флот, который уже и сегодня является крупнейшим в мире. Силы специальных операций НОАК ныне способны проводить все виды военных операций на территории противника и выполнять задачи на стратегическом, оперативном и тактическом уровнях [136; 292; 293; 294; 295; 296; 297; 298; 299; 300; 301]. Если Китай создаст военно-морские базы в Мьянме, Пакистане, какой-либо из стран Персидского залива, Танзании, ЮАР, Нигерии, Венесуэле, на Кубе, разместив там часть подводных сил, он будет иметь потенциальную возможность парализовать морскую торговлю по всему миру, что станет важнейшим средством психологического воздействия на страны Запада. При этом уже сегодня Китай, фактически, контролирует такой важнейший узел морских коммуникаций, как Панамский канал. С 2000 г. портами канала управляет гонконгская (т.е., фактически, китайская) фирма *Hutchison Whampoa*. Ее владельцем является один из богатейших людей мира, гонконгский бизнесмен Ли Цзячен, известный особо хорошими отношениями с китайским генералитетом [168; 302; 303; 304].

Вторым компонентом НОАК будет гигантская «традиционная» армия, позволяющая «задавить массой» любого противника в ходе как наступательных, так и оборонительных (противодесантных) операций в пределах Евразии. Для такой армии не существует психологической проблемы потерь (как противника, так и своих) как из-за особенностей китайского менталитета, так и из-за неисчерпаемости людских ресурсов. В большинстве случаев единственным эффективным способом борьбы против такой армии является массированное применение тактического ядерного оружия, однако нельзя не учитывать, что Китай тоже имеет такое оружие, т.е. существует возможность адекватного ответа с его стороны. Подобное сочетание обеспечит Пекину максимальную свободу внешнеполитического маневра, позволяя, в соответствии с учением Сунь Цзы [305], выигрывать любую войну до ее начала. Составной частью реализации этого учения будет ведение Китаем информационной войны, чему руководство НОАК сегодня уделяет очень большое внимание.

Следует отметить, что значимость психологической войны была осознана в Китае гораздо раньше, чем в Европе. Из древних китайских военных трактатов следует, что в штабе китайской армии в начале нашей эры 25% сотрудников отвечали именно за ведение психологической войны. Сегодня китайское руководство считает, что принцип совершенствования информационных технологий и информационного оружия должен лежать в основе процесса модерни-

зации всей военной организации государства. Психологическая война рассматривается китайскими специалистами как столкновение восточной и западной культуры, стремление навязать другим народам свою систему ценностей. Наиболее эффективная стратегия такой войны состоит в том, чтобы противник утратил способность к принятию управленческих решений. При этом особый упор делается на ведении психологической войны в мирное время. По мнению китайских специалистов, в психологических операциях должны сочетаться методы психологического и силового давления и устрашения, широко используются исторические моменты. Так, Китай ведет постоянную пропагандистскую работу против идеи независимости Тайваня, подкрепляя ее наращиванием группировки Нанкинского ВО напротив Тайваня и регулярными пусками ракет в акватории вблизи острова [299; 301; 306]. По сути, аналогичная война (только пока без пусков ракет) ведется и против России, таковой вполне можно считать пропагандистскую кампанию по поводу «несправедливых и неравноправных договоров» (см. Главу II).

Против России могут быть успешно использованы как новая высокотехнологичная, так и старая массовая армии КНР. При этом в области обычных вооружений ВС РФ утратили как количественное, так и качественное превосходство над НОАК. Как было показано выше, в области тяжелых истребителей (Су-27/J-11, Су-30/J-12) имеет место качественное равенство и количественное превосходство Китая. Что касается легких истребителей, то созданный на базе израильского «Лави», но с использованием российских и собственных технологий J-10, в целом, вполне сопоставим по своим ТТХ с МиГ-29. ВВС НОАК имеют на вооружении до 250 J-10 (их производство продолжается), ВВС РФ — не более 170 боеспособных МиГ-29 (их производство давно прекращено). В ударной авиации Китай пока уступает России, однако это отставание будет компенсировано наличием ударных БПЛА, которых у России нет вообще, а также значительным количеством тактических и оперативно-тактических ракет. Кроме того, в Китае производится фронтальной бомбардировщик JH-7 (уже построено 160–180 машин), возобновлено производство стратегического бомбардировщика H-6 в модификациях H-6M и K с российскими двигателями Д-30КП2. Эти машины являются носителями КРВБ CJ-10, представляющих собой синтез российской ракеты X-55 (куплена Китаем на Украине) и американской «Томагавк» (получена из Пакистана).

Как было сказано выше, новейшие китайские танки по своим ТТХ, как минимум, не уступают российским танкам. При этом их уже име-

ется на вооружении НОАК не менее 3 тыс., причем их производство продолжается и даже расширяется. Более того, по производству танков, являющихся средством ведения широкомасштабных наступательных действий, Китай вышел на первое место в мире. С другой стороны, судя по открытым данным [307], в ВС РФ осталось лишь 2,1 тыс. танков, из них около 400 — на базах хранения и ремонта вооружения и техники (БХИРВТ), в т.ч. в Восточном ВО — немногим более 600 танков, из них 200 — на БХИРВТ. При этом у Китая есть и гораздо более многочисленные (до 6 тыс.) старые танки (от Туре-59 до Туре-80), созданные на базе Т-54. Они вполне эффективны в борьбе против БМП и БТР, а также для создания «эффекта массы». Вполне вероятно, что именно эти машины командование НОАК использует для первого удара. Они в любом случае нанесут ВС РФ определенные потери, а главное — отвлекут на себя противотанковые средства. После чего по истощенной и ослабленной российской обороне последует удар с использованием уже современной техники. В воздухе аналогичный «эффект массы» могут создать старые истребители типов J-7 и J-8, общее число которых в ВВС НОАК достигает 1,5 тыс.

Кроме того, надо иметь в виду, что БХИРВТ Восточного ВО РФ расположены очень близко от границы (Уссурийск, Хабаровск, Белогорск), поэтому в случае внезапной агрессии со стороны Китая они будут захвачены противником, а находящаяся на них техника пополнит арсеналы НОАК, а не ВС РФ.

Можно отметить, что в последнее время военно-техническое сотрудничество Китая с Россией сворачивается. Отчасти это можно объяснить тем, что стремительно деградирующий российский ВПК уже не способен предложить Китаю то вооружение и технику, которые ему нужны (это подтверждает приведенное выше высказывание Ли Чэнхуна). Другим объяснением является то, что Пекин всерьез рассматривает в обозримом будущем возможность ведения боевых действий против ВС РФ и, соответственно, не собирается зависеть от России в плане поставок вооружений.

В целом, как отмечает замдиректора ИСАА МГУ А. Карнеев, «ряд китайских экспертов в области военной стратегии обсуждают необходимость отказа от “устаревшей” теории оборонительной войны, новые сферы ответственности НОАК, которые будут включать не только территориальное пространство страны, но и так называемые “зоны национальных интересов”. ... Китайская элита, не собирающаяся довольствоваться для страны только ролью “мировой фабрики”, готова бросить вызов “нормативной власти” Запада» [308, с. 95].

Качественному перевооружению НОАК при практически неизменном количестве боевой техники способствуют исключительно высокие производственные возможности китайского ВПК.

КНР входит в число трех стран мира, чей ВПК способен производить практически всю номенклатуру вооружений и военной техники, как для собственных ВС, так и на экспорт. Он был создан при значительной помощи СССР в 40–50-е гг. XX в. и долгое время функционировал в том же техническом состоянии и при прежней организационной структуре. В период экономических реформ он прошел очень значительную эволюцию. Сначала, подобно советскому ВПК в конце 80-х — начале 90-х, ВПК КНР подвергся хаотичной и бессистемной конверсии, лишь усугубившей его технологическое отставание. При этом, в связи со сменой приоритетов руководства Китая, ВПК утратил свое прежнее привилегированное положение, поскольку главным стало развитие гражданской экономики. Ситуация начала кардинально меняться в конце 90-х.

В 1998 г. под управлением Госсовета КНР был создан Госкомитет оборонной науки, техники и оборонной промышленности (до этого орган с тем же названием подчинялся ЦВС и Госсовету одновременно), имеющий статус министерства (в 2008 г. преобразован в Госуправление по оборонной науке, технике и промышленности с подчинением Министерству промышленности и информатизации). В составе НОАК появилось Главное управление вооружений. ВПК подвергся серьезной реформе. Вместо прежней системы отраслевого управления, при которой производитель каждой системы вооружений назначался административно, а НИИ были отделены от производства, были созданы 11 военно-промышленных корпораций (ядерная, ядерная строительная, электронная, две ракетно-космические (производственная и технологическая), по две авиационных, судостроительных и техники сухопутных войск), выпускающих как военную, так и гражданскую продукцию. Кроме того, была создана компания «Синьшидай», занимающаяся экспортом и импортом технологий. При этом каждая корпорация сама включает в себя по несколько узкопрофильных корпораций (например, внутри 1-й авиационной корпорации имеется специально созданная в 2003 г. двигателестроительная корпорация *Power System*, а также пять самолетостроительных корпораций) и объединяет по несколько десятков (иногда даже сотен) предприятий, НИИ, лабораторий и других учреждений.

Внутри корпораций объединены наука и производство, появились элементы конкуренции, что привело к росту качества продукции. От

65 до 90% продукции каждой корпорации — гражданского назначения, с другой стороны, многие предприятия ВПК не вошли ни в одну из корпораций. Из-за этого практически невозможно точно сказать, каковы истинные размеры ВПК КНР и численность персонала. Количество предприятий конечной сборки примерно равно 400, общее — несколько тысяч, численность персонала можно оценить в несколько миллионов человек. Имеется 24 предприятия атомной отрасли, 12 предприятий конечной сборки ракетно-космической отрасли, 9 авиазаводов конечной сборки, 14 заводов по производству бронетехники (в т.ч. 3 танковых), 20 предприятий по сборке артиллерийской техники, более 200 предприятий промышленности боеприпасов, 23 крупные верфи на 736 ремонтно-построечных мест.

За годы реформ ВПК КНР вышел на качественно новый уровень развития. Он способен производить значительное количество боевой техники, выйдя на первое место в мире по производству техники и вооружения всех классов. В год производится более 300 боевых самолетов и вертолетов, не меньшее количество танков, до 30 подводных лодок и надводных боевых кораблей и катеров. При этом, как было сказано выше, вооружение и боевая техника составляют лишь 10–35% от общего выпуска продукции корпорациями. Производство большого количества гражданской продукции (как правило — достаточно высокотехнологичной), в т.ч. на экспорт, делают все корпорации прибыльными в мирное время. При этом в угрожаемый период и в военное время они за счет перехода на выпуск только военной продукции могут нарастить ее производство в 3–10 раз за несколько месяцев. Сейчас выпуск вооружений часто искусственно ограничивается ради получения корпорациями прибыли от выпуска гражданской продукции. Более того, объединение военного и гражданского производства внутри одной корпорации повышает качество и военной, и гражданской продукции за счет обмена технологиями.

Большое количество предприятий ВПК и их широкая географическая разбросанность по территории страны значительно повышают его устойчивость в случае войны. В данном случае дублирование предприятий по профилю производства может иметь положительную сторону. Можно сказать, что количество предприятий ВПК КНР сопоставимо с количеством баллистических и крылатых ракет, имеющих в арсеналах ВС США или РФ. Возобновился процесс создания предприятий ВПК в глубине страны. Это объясняется как общей государственной политикой развития западных регионов, так и стремлением отодвинуть часть объектов «новой экономики» от побережья, где они

подвергаются риску удара крылатыми ракетами морского и воздушно-го базирования со стороны США [309; 310; 311; 312; 313].

Выводы

Феномен роста китайской военной мощи в XXI в., пожалуй, не имеет прецедентов в современной истории. Всего за 10–15 лет НОАК из «свалки металлолома» превратилась в одну из наиболее современных армий мира. При этом качественное обновление боевой техники проходит практически без количественных сокращений, а по отдельным видам происходит даже наращивание сил. Позанимавшись несколько лет экспериментами с новыми образцами техники, в последние годы Китай определился и перешел к массовому производству техники всех основных классов — танков и другой бронетехники, ствольной и реактивной артиллерии, боевых самолетов и вертолетов, подводных лодок, эсминцев, фрегатов, корветов. Причем по производству техники всех классов Китай сегодня занимает первое место в мире, а по некоторым (например, по танкам) превосходит все остальные страны мира вместе взятые. При этом мощности китайского ВПК задействованы для производства продукции военного назначения не более чем на треть, т.е. в случае необходимости ее выпуск в короткий период может быть увеличен в 3–10 раз по сравнению даже с нынешними рекордными темпами.

Необходимо подчеркнуть, что новая техника по качеству практически не уступает западной и, тем более, российской. Даже если некоторое отставание и есть, оно не настолько велико, чтобы обеспечить западной или российской технике принципиальное превосходство в боевой обстановке. К тому же незначительное качественное отставание будет компенсировано значительным количественным превосходством и физической новизной техники.

Боевая мощь НОАК уже давно сверхизбыточна для самообороны. Тем не менее, она продолжает наращиваться, причем темпы и качество этого наращивания лишь возрастают. На учениях отрабатываются наступательные действия, причем во все больших масштабах. Конкретный характер учений практически не оставляет сомнений в том, что отрабатываются наступательные действия против России. Действенность ядерного сдерживания в данной ситуации сомнительна, учитывая огромную численность населения КНР, очень низкую чувствительность к потерям и наличие собственного значительного ядерного арсенала.

ГЛАВА VI.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ЭКСПАНСИИ

Ощущение собственного превосходства над другими народами и стремление к мировому господству было характерно для китайской нации даже в самые тяжелые периоды истории страны, когда Китай существовал, по сути, лишь как географическое понятие (подобная ситуация имела место даже в первой половине XX в.). В связи с этим уместно привести две цитаты известных российских китаистов.

Ю. Галенович: «Китайцы продолжают эксплуатировать тезис о якобы существующей угрозе выживанию их нации. В то же время они уверены, что со временем ассимилируют всех и что на Земле останется одна нация — нация чжунхуа, или китайская нация» [150, с. 499].

В. Балакин: «Идея о единстве исторического процесса, в который вовлекаются все народы и, в конечном счете, приходят к единому общему будущему (разумеется, в рамках ханьской ойкумены), прочно вошла в сознание китайцев и стала важнейшей культурно-исторической и моральной ценностью китайского мира» [314].

По-видимому, у Китая есть четыре варианта дальнейшего развития: рост с неизбежной экспансией (главный вопрос — доля экономической, демографической, политической и военной составляющих экспансии); отказ от амбиций и развитие легкой промышленности и других примитивных трудоемких отраслей и экспорта их продукции и рабочей силы (он требует целенаправленного отказа от образования, кроме начального, для сельских жителей); сброс «собственно Китаем» остальных регионов, завоеванных маньчжурами; распад в варианте гражданской войны. Для России наиболее благоприятным представляется второй вариант, наименее благоприятным — первый. При этом второй вариант представляется наименее вероятным (точнее — его вероятность очень близка к нулю), первый — наиболее вероятным. Вторым вариантом, по сути, означает, что китайская нация совершит самопожертвование, отказавшись от развития ради материального благополучия Запада и территориальной целостности России. Представить себе со сторо-

ны китайцев подобный общенациональный альтруизм крайне сложно. На этом фоне даже третий вариант представляется более вероятным.

Как считает известный российский китаист, главный научный сотрудник ИДВ Я. Бергер, задача перехода на инновационный путь развития в Китае не выполнена из-за кризиса и из-за инерции прежней модели. По-прежнему сложно развивать внутреннее потребление из-за низких доходов большей части населения. Прежние преимущества китайской экономики в значительной степени исчерпаны. Поэтому наступательный внешнеполитический курс может рассматриваться как компенсация нарастания внутренних протестных настроений [131].

Таким образом, внешняя экспансия с целью захвата территорий и ресурсов превращается для Китая в жизненную необходимость. Данная идея начинает пользоваться значительной популярностью в китайской военной и интеллектуальной элите. При этом руководство страны никак не мешает ее распространению. Учитывая наличие в КНР очень сильной идеологической цензуры, это однозначно свидетельствует о том, что идея внешней экспансии, как минимум, не противоречит взглядам представителей высшей власти страны.

В марте 2009 г. в Китае был массовым тиражом опубликован сборник статей «Китай недоволен!», который ряд экспертов рассматривает как своеобразное гораздо более жесткое продолжение процитированной выше книги «И все-таки Китай способен сказать нет», тем более что у этих книг один из авторов общий (историк и телевизионный ведущий Сун Цян). Кроме того, в числе авторов книги — военный обозреватель телеканала «Фэнхуан», имеющий тесные связи с руководством ВМС НОАК, Сун Сяоцзюнь, заместитель главного редактора «Журнала международных общественных наук» Хуан Цзиси и др. Авторы не только не являются диссидентами, но имеют широкие связи в партийном и военном руководстве КНР и активно пропагандируют свои взгляды через государственные СМИ, включая телевидение. Это однозначно свидетельствует о том, что их позиция полностью отражает взгляды, как минимум, части китайского руководства, в первую очередь — военного, которое, как было сказано выше, имеет чрезвычайно высокое влияние в КНР. Эта книга детально прокомментирована известным российским китаеведом Ю.М. Галеновичем [315].

Авторы книги констатируют нарастающее разложение китайской элиты, отчуждение власти и общества в Китае и хотят предложить новую национальную идею. При этом они исходят из принципа «сначала права нации, потом права человека». «Не интернационализм и не солидарность пролетариев и трудящихся всех стран, а на-

ционализм — вот знамя КПК в настоящее время», — считает Ю. Галенович [315, с. 14]. Применительно к последним 20 годам развития Китая авторы сборника говорят о том, что Запад обманул Китай, заставив китайцев за гроши трудиться, своим потом и кровью создавать товары, изделия, нужные Западу для его роскошной жизни. В связи с этим авторы книги подводят читателей к мысли о том, что пришла пора говорить в Китае во весь голос о войне, видеть войну как одну из вполне реальных перспектив развития мировых событий, не бояться слова «война» и не избегать его, готовиться к тому, что придется воевать [315, с. 19]. Они напоминают, что у Китая есть ядерное оружие и средства его доставки в любую точку Земли. Они также подчеркивают намерение Китая не допустить никакого ограничения права Китая на применение этих видов вооружений тогда и там, где он сочтет это нужным [315, с. 24–25]. Авторы книги предлагают сначала создать мощное сильное государство с сильной армией, а потом решать внутренние, в том числе экономические и социальные, проблемы Китая. Без выхода Китая на такое место в мире, где у него не будет превосходящих его соперников в военной области, Китай не только не решит свои внутренние проблемы, но даже погибнет [315, с. 58]. Китайские авторы выступают за создание такого военного превосходства Китая над всеми, что это исключало бы даже тень неповиновения приказам из Китая. После этого природные ресурсы в ряде других государств мира должны перейти в распоряжение Китая. Китай будет решать, кому и сколько выделять из имеющихся в наличии на Земле ресурсов. Авторы считают, что современный Китай стоит перед выбором: или сохранение нынешнего положения, скольжение по инерции к пропасти, которая грозит гибелью Китаю, или «отрыв», «отделение» от современной системы международных экономических и политических отношений. Они понимают, насколько труден этот выбор, но в то же время считают, что он предоставляет возможности для выхода Китая из ситуации, в которой он пока не может справиться со своими многочисленными трудностями ни внутри страны, ни на международной арене. Авторы книги «Китай недоволен!» ставят вопрос следующим образом: *«Ведь если в один прекрасный день гармоничное сосуществование окажется невозможным, тогда спрашивается, готовы ли мы к этому, включая вопрос о том, готовы ли мы к тому, что государство окажется перед самыми большими трудностями?»* Очевидно, что под «самыми большими трудностями» здесь подразумевается необходимость воевать и спасать население Китая от голода [315, с. 61–63].

Ю. Галенович отмечает, что авторы книги «Китай недоволен!» неоднократно и с возмущением пишут о тибетском сепаратизме и поддержке его со стороны Индии, но ничего не говорят о синьцзянском сепаратизме, имеющем исламские корни. Из этого можно сделать вывод, что Индию Китай однозначно рассматривает как врага, а с мусульманскими странами надеется договориться, что должно облегчить его проникновение на Ближний и Средний Восток. Он также пишет о том, что «в Китае для населения широко распространяется серия телефильмов документального характера о трех войнах: на Даманском, на границе с Индией и против Вьетнама» [315, с. 69].

Авторы сборника дают следующие характеристики США и России: «С военной точки зрения, Россия — это старый огурец, который не покрыли зеленым лаком, а американцы — это старый огурец, который покрыли зеленым лаком; но по своей сути и то и другое — всего лишь старый огурец» [315, с. 73]. На их фоне «Китай — это молодой нежно-зеленый огурец» [315, с. 79]. Авторы книги подчеркивают необходимость соединить сетцентрическую войну с традиционной «механизированной» войной, т.е., как говорилось выше, иметь как современную высокотехнологичную, так и прежнюю массовую классическую армию.

С точки зрения авторов книги «можно поставить вопрос таким образом: допускаете ли вы приход более 900 миллионов крестьян в города (то есть, согласны ли вы с тем, чтобы более 900 миллионов крестьян превратились в городских жителей в результате процесса урбанизации Китая)? Допускаете ли вы, чтобы их дети пользовались той городской жизнью, о которой говорится по телевидению? А если вы всего этого не допускаете, тогда под вопрос попадает легитимность самой вашей власти, вашего пребывания у власти. А если вы все это допускаете, то где вы возьмете и железную руду, и нефть?» [315, с. 83–84]. Ответ их таков: «В мире при кризисе никто ничего менять не собирается. Все они хотят благоденствовать, как и прежде. Хотят как-то проскользнуть. Но разве так получится? В настоящее время есть выбор: или война, или позволить Китаю, столь крупному государству, деньгами, которые являются его потом и кровью, продолжать поддерживать современную модель развития, в которой Запад играет ведущую роль» [315, с. 85]. «Мы должны управлять намного большими, чем в настоящее время, ресурсами; экономически управлять; политически направлять; мы должны руководить этим миром. С точки зрения истории человеческой цивилизации, у нас больше всего прав (оснований) руководить этим миром. Люди Запада должны стоять вторыми в этой очереди. Мы признаем великие достижения цивилизации Запада, но, если исходить из зафиксированной истории всего

человечества, Китай имеет больше прав управлять миром, чем Запад» [315, с. 87]. «В настоящее время Китай импортирует много древесины, зерна, нефти, железной руды, однако, если за нами не будет такой опоры, как меч, они в любой момент могут не позволить тебе взять все это. А если внешнеэкономические связи в какой-то момент прервутся, это для нас слишком опасно. Ведь у нас население численностью в один миллиард триста миллионов человек, и у этого населения есть только вот этот наш кусок земли, чтобы на нем затеять смуту» [315, с. 93–94].

Авторы книги продолжают развивать мысль следующим образом: «Неужели же мы должны выбирать гражданскую войну? Очень многие интеллигенты в Китае не видят дальше собственного носа; они даже не способны осмелиться подумать о том, как это можно пойти вовне, чтобы решить этот вопрос; они полагают, что нам остается только один выбор: гражданская война. Возможно, несчастье Китая в том, что он способен лишь на гражданскую войну, в этом случае ничего не попишешь» [315, с. 95]. «Когда мировая экономика существует в относительно спокойной атмосфере, а у нас дома царит некий беспорядок, если мы окажемся перед необходимостью защищаться от краха, что нам тогда делать? Ведь нельзя же допустить, чтобы народ численностью в один миллиард триста миллионов человек умер от голода; поэтому, если мы, в конце концов, в масштабах всего мира применим силу (возьмемся за оружие), как к этому относиться? В такой ситуации мы должны сказать со всей ясностью: тут не место никаким высотам системы морали и нравственности. Да какие тут могут быть высоты системы морали и нравственности? Нам что, сидеть на этих высотах системы морали и нравственности и ждать голодной смерти? Взять, например, вопрос об истощении запасов нефти. Некоторые говорят, что ее хватит на 30 лет, другие — на 40 лет, кто-то говорит, что на 60 лет, но, как ни крути, а не более чем на 100 лет. Вот и спрашивается, существует ли в этом вопросе некая высота системы моральных и нравственных ценностей?» [315, с. 99–100]. «Нам следует сначала или прежде всего обеспечивать интересы Китая. Надо добиваться того, чтобы Китай сел на место самого старшего и смог руководить всем нашим миром. Вот только тогда мы и наведем в мире наилучший порядок. Наша далекая цель в том, чтобы обеспечить народам мира более здоровый образ жизни, чем в настоящее время, но это целый процесс. В ходе этого процесса мы должны вступить на путь создания богатого государства с мощной армией. ... На протяжении нескольких десятилетий мы должны в мире вести борьбу за ресурсы, защищать ресурсы» [315, с. 102]. «Серьезные проблемы,

которые встали перед китайской элитой, должны оказаться временными. В чем состоят цели Китая в будущем? Китай, конечно же, должен распоряжаться большими ресурсами и площадями в мире; я тут не требую присоединения их к территории нашего государства; я имею в виду руководство и управление ими» [315, с. 112].

Кроме того, авторы книги предлагают, по примеру стран Запада, создавать из демобилизованных военнослужащих НОАК частные военные компании, которые должны стать движущей силой экспансии: «Наши “Компании по охране безопасности за морями” могут добиваться огромных успехов. И если понемногу такой опыт будет накапливаться, то с течением времени эти наши компании добьются успехов в целом ряде районов мира. Они будут служить интересам Китая; одновременно будут приносить счастье народам.

Мы можем сказать еще более ясно: а именно, речь идет об использовании демобилизованных военнослужащих, уволившись из рядов армии. У нас есть такие преимущества, как люди и организация, и наши “Компании по охране безопасности за морями” могут восстановить покой в очень многих регионах мира, где царят беззаконие и беспорядок. Я считаю, что это стоит делать» [315, с. 96–97].

Ю. Галенович констатирует, что «в военных кругах уже созрели мысли, которые выражены в статье в газете “Цзефанцзюнь бао” (центральный органе вооруженных сил КПК). В ней генерал Чжан Чжаоинь прямо заявляет, что “мы должны отбросить концепцию мирного строительства армии, со всей твердостью внедрить мысль о необходимости готовиться воевать”. Это означает, что в КПК и в КНР среди военачальников есть мнение о том, что применительно к китайским вооруженным силам должно изменить существовавший до сих пор курс, когда предполагалось, что армия строится, но в целях защиты мира, в условиях мира; сегодня предлагается все строительство армии, весь военно-промышленный комплекс и все воспитание населения КНР подчинить одному лозунгу или даже одной цели: “Готовиться воевать”. Это, собственно говоря, полное возрождение идеологии Мао Цзэдуна, да и Дэн Сяопина» [315, с. 115].

Таким образом, у книги «Китай недоволен!» может быть несколько целей.

1. Перевод социального недовольства населения с властей КНР на иностранные государства.

2. Подготовка населения к войне.

3. Ультиматум иностранным государствам: либо они выполняют все условия Китая, либо Китай силой возьмет все, что ему необходимо.

В книге впервые предельно ясно выражена мысль о том, что перед Китаем стоит выбор между гражданской войной и внешней экспансией любыми способами. Также подчеркивается, что, если большая часть населения КНР будет жить по западным стандартам потребления, для этого не хватит ресурсов не только самого Китая, но и всей планеты, поэтому только руководство Китая может «справедливо» распределять ресурсы. Соответственно, перед остальным миром стоит выбор: согласие на «мирную» (экономическую и демографическую) экспансию Китая или военная агрессия со стороны Китая. При этом юридическая принадлежность контролируемых Китаем территорий принципиального значения не имеет, важен фактический контроль.

Книга носит, в первую очередь, антизападный пафос, поскольку именно Запад рассматривается как главный конкурент Китая в борьбе за ресурсы. К России авторы книги относятся откровенно пренебрежительно. Они не раз подчеркивают, что Россия является своеобразным «аналогом» Китая в том смысле, что противостоит Западу. Однако нигде даже косвенно не рассматривается возможность союза Китая и России против Запада. Наоборот, говорится о том, что с военной точки зрения и Россия, и Америка — «старые огурцы», т.е. обе эти страны рассматриваются в качестве потенциальных военных противников Китая, причем победить их вполне возможно. Как отмечает Ю. Галенович, «радоваться всему, что превращает Россию в государство, которое вынужденно действует в интересах Китая, и при этом не допускать со стороны Китая никаких движений, которые США могли бы расценить как реальную поддержку Китаем России, — вот мысль авторов книги» [315, с. 28]. Кроме того, можно вспомнить китайскую стратегию № 6: «На востоке поднимать шум, на западе нападать». Естественно, что в этой стратегии «запад» и «восток» понимаются метафорически (тем более, она была написана, когда «Запада» и «Востока» в их нынешнем понимании не было). Речь в ней идет о том, что демонстрируется намерение атаковать одного противника, а реальный удар наносится по другому.

Еще раз необходимо подчеркнуть, что книга «Китай недоволен!» ни в коем случае не может рассматриваться как выражение личных взглядов ее авторов. Тем более если она дополняется сходными по смыслу высказываниями действующего генерала НОАК в центральной армейской газете. Ведущий научный сотрудник ИДВ П. Каменнов также считает, что книга выражает интересы значительной части китайских военных [131].

Заместитель главного редактора журнала «Коммерсантъ-Власть» Александр Габуев рассматривает биографию одного из авторов данной

книги, Ван Сяодуна. В 2000 г. Ван Сяодун пытался опубликовать книгу «Путь Китая в тени глобализации», однако поскольку в тот момент Китай вступал в ВТО, что требовало максимального расположения со стороны США, издание книги было заблокировано, а Ван Сяодуна уволили с двух из трех его работ (в т.ч. с должности профессора в одном из пекинских университетов) [316]. В связи с этим нельзя не отметить, что издание книги «Китай недоволен!» власти блокировать не пытались, никто из ее авторов никаким образом не пострадал.

Главным недостатком китайской культуры Ван Сяодун считает отсутствие воинственного духа, которому надо учиться у Запада (а также заимствовать у него высокие технологии), при этом культивирование духа воинственности понимается Ван Сяодуном не только как милитаризация общественного мнения, но и как форсированное военное строительство. А. Габуев делает следующий вывод: «Многие положения доктрины Ван Сяодуна демонстрируют сходство с некоторыми идеологическими установками Компартии Китая. Например, в докладе Ху Цзиньгао XVII съезду КПК в октябре 2007 г. также прозвучали идеи о необходимости “развивать великодержавное сознание”, осваивать собственные высокие технологии и усиливать модернизацию армии. Вполне вероятно, что некоторые из идей современных китайских националистов могут быть взяты правящей партией на вооружение, а их авторы — встроены в систему» [316, с. 94].

Яков Бергер отмечает, что в результате всемирного кризиса произошла заметная радикализация китайских политологических концепций. В Китае теперь считают, что надо воспользоваться кризисом ради усиления своего влияния, иначе шанс будет упущен навсегда. Это относится и к военной политике. Приводится высказывание одного из китайских военных в 2010 г.: «Национальная оборона должна защищать государственные интересы и владеть стратегической инициативой в пространстве, выходящем за рамки территориального суверенитета» [317, с. 24].

В настоящее время среди китайских экспертов оформилось несколько направлений. «Националисты» считают неизбежной конфронтацию с США (именно к ним относятся авторы книги «Китай недоволен!»). «Великодержавники-экспансионисты» выступают за постепенное оттеснение США путем укрепления связей с Японией и исламским миром и за экспансию в Россию и Центральную Азию. «Прагматики» занимают сдержанную позицию.

Таким образом, как это ни парадоксально, авторы книги «Китай недоволен!» являются еще не худшим вариантом. Я. Бергер приводит еще один пример «националиста». В начале 2010 г. опубликована кни-

га старшего полковника ВВС, научного сотрудника Центра стратегических исследований Пекинского университета Дай Сюя, в которой говорится о неизбежности войны. Это будет война против США, которую Китай должен вести на удалении не менее 4 тыс. км от своих границ. Россия, как и Китай, в этой книге рассматривается как объект американской агрессии, однако возможность союза с ней не обсуждается (как и в книге «Китай недоволен!»).

Примером «великодержавника-экспансиониста» является генерал-лейтенант Лю Ячжоу, политкомиссар и секретарь парткома Университета государственной обороны. Этот вуз непосредственно подчиняется ЦВС, готовит высший командный состав НОАК, его ректор и политкомиссар по статусу приравнены к командующему округом. Таким образом, Лю Ячжоу входит в высший командный состав НОАК, следовательно, о публичном высказывании им «личного мнения» не может быть и речи.

Генерал Лю Ячжоу выступает за отрыв от США Японии и за совместное с ней освоение Сибири, куда Китай должен прийти и уже не уходить никогда. «Лю Ячжоу утверждает, что в течение почти полутора сотен лет Китай жил под тяжким прессингом со стороны России. Только развал Советского Союза ослабил этот прессинг. Он характеризует русских как нацию экспансионистскую, но вместе с тем обладающую сильным духом самовосстановления. Территория России сильно уменьшилась, и в дальнейшем, полагает Лю Ячжоу, она может еще более сократиться, но люди обрели больше свободы, и это может послужить двигателем нового подъема России, которому, с его точки зрения, надо противостоять.

Китай, утверждает он, должен проявлять бдительность по отношению к возрождению России и ни в коем случае не помогать ему. Нужно лишь использовать мощь России, чтобы уравновешивать США, но не допускать, чтобы такая позиция переросла в союзнические отношения. Только если Россия останется слабой, Китай может ее использовать» [317, с. 30–31]. При этом главным направлением экспансии в ближайшее время он считает Центральную Азию.

Часть российских китаеведов считает, что подобная позиция является неким «частным мнением» ее авторов. Так, Г. Локшин пишет, что ультранационалисты не имеют влияния на творцов политики в Китае, хотя не исключено, что определенные силы в стране сознательно провозируют национализм, рассчитывая таким образом создать себе социальную опору среди растущего среднего класса, связывающего будущее с превращением Китая в мировую державу [318, с. 154–155]. Не вполне

ясно, почему ультранационалисты не имеют влияния, хотя очень симптоматично мнение, что они ищут опору в среднем классе, который, так или иначе, будет определять дальнейшее развитие Китая.

Выдача желаемого за действительное характерна и для других работ российских китаеведов. Можно, например, привести такую цитату: «Отдельные экстравагантные аналитики, в основном из числа военных специалистов, напрямую призывают Китай приложить усилия и заместить США в качестве “глобальной державы номер один” — такого рода высказывания на руку алармистам Запада, но, как представляется, едва ли отражают намерения Пекина» [4, с. 17]. Совершенно неясно, почему авторам данной цитаты (С. Лузянину и М. Мамонову) «представляется», что данные высказывания не отражают намерений Пекина. В связи с этим необходимо еще раз указать, что даже в западных странах с их максимальной свободой слова действующие военнослужащие, тем более — представители высших командных структур, не высказывают взгляды, противоречащие политике руководства страны. Тем более это относится к тоталитарному Китаю. Тот факт, что «экстравагантные аналитики» (включая генералов) все чаще получают возможность высказываться открыто, скорее всего, означает, что руководство все меньше считает нужным скрывать свои намерения. Более того, соответствующим образом строится пропаганда в рядах НОАК. Ю. Галенович пишет о том, что в 2007 г. в Китае вышли книги «Китайско-советская война» и «Войны Китая с Советским Союзом и Индией. — Подлинные факты истории военных походов». Они выпущены издательством НОАК. Вторая затем была переиздана в том же году издательством ЦК КПК под названием «Полный отчет о военных походах — о войне Китая с Советским Союзом и о войне Китая с Индией». В ней признается помощь со стороны СССР Китаю в войне с Японией, однако все последующие события излагаются в чисто пропагандистском стиле (без научного аппарата), ничем не отличающемся от пропаганды времен Мао. В частности, полностью оправдывается союз Китая с США против СССР. В том же стиле трактуются войны 1962 г. с Индией и 1979 г. с Вьетнамом. Галенович считает, что издание такой книги — «не случайная разовая акция, а неотъемлемая составная часть современной идеологии КПК в той ее части, которая касается России». По его мнению, можно пытаться убеждать себя в том, что для негативного отношения к России в Китае нет оснований, но это не меняет реального положения дел. Отрицательное отношение к нам иррационально, патологично, но оно существует. Необходимо желание, необходимы десятилетия и столетия, чтобы изменить отношение в Китае к России и русским [130, с. 223]. Не

очень ясно, впрочем, почему отношение должно измениться, если оно культивируется именно в таком духе.

Выводы

Китайское руководство уже давно осознало, что внешней экспансии нет альтернативы (точнее, альтернативой являются гражданская война и, скорее всего, коллапс страны). При этом ясно, что экспансия несет в себе значительные риски. По-видимому, лидеры Китая до определенного момента надеялись либо каким-то образом «вывернуться» из проблем страны в ее нынешних границах, либо допускали медленную «мирную» экономическо-демографическую экспансию. Однако в последнее время к ним приходит понимание, что «вывернуться» невозможно, а времени на «мирную» экспансию может просто не хватить из-за быстрого углубления внутренних проблем. Поэтому необходимо начать подготовку населения к войне, а внешне миру объяснить, что лучше не сопротивляться в надежде на то, что Пекин будет «справедливо распределять ресурсы». Пока соответствующая кампания ведется силами журналистов, ученых и военных, которые формально не являются «официальными лицами». Однако если бы мнение этих людей противоречило мнению руководства страны, оно просто не было бы обнародовано, а высказавшие его лица подверглись бы той или иной форме репрессий.

ГЛАВА VII.

НЕКОТОРЫЕ «СТРАННОСТИ» РОССИЙСКОГО КИТАЕВЕДЕНИЯ

В связи с необходимостью выработки руководством России мер, направленных на парирование китайской угрозы, особенно важной представляется деятельность научных и экспертных организаций, работающих по данной теме. В России основным научным учреждением, занимающимся изучением Китая, является Институт Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН). Применительно к его деятельности нельзя не отметить своеобразную «научную шизофрению»: результаты собственно научной работы ИДВ прямо противоречат выводам и рекомендациям политического характера, которые обнародуются руководством данного института.

В 2005 г. Московский Центр Карнеги опубликовал книгу под примечательным заглавием — «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию» [319]. Весь ее авторский коллектив состоит из сотрудников ИДВ. Особо внимания заслуживают главы 5, 7, 8 (экономика, социальные проблемы, экология). Она является квинтэссенцией работы ИДВ. И именно из нее следуют выводы о проблемах Китая, описанию которых посвящена первая глава настоящей книги.

Можно привести и другие высказывания. Например: «Китайцам как нации брошен вызов, какого еще никогда не было в истории: им предстоит решить проблему соотношения численности населения и ресурсов, необходимых для обеспечения его выживания» [75, с. 136].

Более того, сам директор ИДВ М.В. Титаренко на заседании Ученого совета ИДВ в феврале 2002 г. прямо заявил о том, что проблемы Китая неразрешимы и что даже многие руководители Китая ничего не знают о Китае [320].

Из всего этого вполне очевидно следует, что для Китая единственным способом выживания является внешняя экспансия, поскольку в нынешних границах страны проблемы Китая неразрешимы. Не менее очевидно, что наиболее выгодным направлением экспансии являются Казахстан и азиатская часть России, где есть огромные террито-

рии почти без населения, зато с гигантским количеством ресурсов. Вопрос только в темпах и формах экспансии. Тем более что под экспансию в Китае подведена теоретическая база, ко всем окружающим странам КНР имеет территориальные претензии, в первую очередь — к России.

Об этом также пишут сотрудники ИДВ. В качестве примера можно привести работу «Границы Китая: история формирования» [128]. Ее авторы полностью отрицают тезис о том, что сегодня пограничный вопрос между Россией и Китаем решен и стороны не имеют друг к другу исторических претензий.

«В частности, никак нельзя исключать того, что китайская сторона может исходить из сделанных ею еще в 1964 г. утверждений о том, что она “еще не предъявила счет” по реестру “утраченных” ею территорий, к числу которых относятся земли, которые в КНР считают “отторгнутыми” в истории нашей страной у Китая, что будто бы не является “территориальными претензиями”, а всего лишь “справедливым и рациональным” утверждением “фактов исторического характера”.

В этой же связи, вполне возможно, что китайская сторона может при случае утверждать, что “отсутствие взаимных территориальных претензий” означает, что наша сторона уже в принципе отказалась от своих “территориальных претензий” к Китаю и согласилась передать китайской стороне земли, которые “по справедливости” принадлежат Китаю и которые были в свое время “отторгнуты нами у Китая на основании “неравноправных” договоров» [128, с. 219].

Другой представитель ИДВ РАН А. Виноградов высказывается еще более определенно: «Как показала китайская реакция на уступки с российской стороны, решение пограничного вопроса в 2004–2008 гг. отнюдь не гарантирует нас от возникновения у КНР дальнейших претензий по поводу границы. Необходимо добиваться заключения нового договора о границе, однако и эту меру не стоит переоценивать. Договор, безусловно, нужен, но он не будет являться полноценной гарантией. Единственная гарантия — ускоренное социально-экономическое развитие Дальнего Востока и укрепление его связей с остальной частью РФ» [131, с. 116].

Таким образом, именно работами ИДВ РАН обосновывается вывод о том, что Китай представляет собой крайне серьезную угрозу для России, поскольку экспансия на российскую территорию для него является единственным способом выживания.

Однако почти все издания ИДВ выходят крайне незначительными тиражами (несколько сот экз.), которые, по большей части, остаются внутри учреждений РАН и попадают лишь в несколько крупнейших

библиотек. При этом «генеральной линией» руководства ИДВ является пропаганда «великой дружбы» с Пекином, даже если эта линия прямо противоречит научным выводам, сделанным учеными того же ИДВ.

Наиболее ярким примером этой «научной шизофрении» можно считать работу «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» [9]. Ее соавторами являются директор ИДВ М. Титаренко и директор Института экономических стратегий Б. Кузык, ранее возглавлявший холдинговую промышленную компанию «Новые программы и концепции». Эта компания владела петербургской «Северной верфью», строившей для Китая эсминцы пр. 956.

Нельзя не отметить, что в книге «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» в значительной степени переписана вышеупомянутая работа «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию». Она цитируется огромными фрагментами, причем без ссылок и кавычек. При этом в очень обширном списке литературы книги «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» работа «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию» не упомянута вообще, хотя ни М. Титаренко, ни, тем более, Б. Кузык в авторский коллектив работы «Китай: угрозы, риски, вызовы развитию» не входили. Данное обстоятельство очень хорошо отражает внутренние отношения в ИДВ и облик директора института.

Основная идея книги «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» — доказать отсутствие для России китайской угрозы и необходимость как можно более тесного сотрудничества с КНР. Поскольку эта идея прямо противоречит фактам, то книгу можно считать уникальным сборником внутренних противоречий.

Например: «В РФ многие СМИ и даже некоторые так называемые эксперты по “китайскому вопросу” распространяют версию о том, что власти КНР якобы могут вопреки подписанным соглашениям о границе и Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. вновь предъявить старые претензии и что подрастающие поколения в КНР воспитываются в духе именно такого отношения к России» [9, с. 561–562]. Не вполне ясно, относятся ли к числу «так называемых экспертов» сотрудники ИДВ, написавшие в работе «Границы Китая: история формирования», что «китайская сторона может при случае утверждать, что “отсутствие взаимных территориальных претензий” означает, что наша сторона уже в принципе отказалась от своих “территориальных претензий” к Китаю и согласилась передать китайской стороне земли, которые “по справедливости” принадлежат Китаю». Впрочем, сами Б. Кузык и М. Титаренко далее пишут следующее: «Для полного решения вопроса о границе и создания прочной взаимоприемле-

мой международно-правовой основы наших отношений необходимо пройти еще 2 этапа. Второй этап — разработка и подписание договора о режиме границы. Третий этап — разработка и подписание нового договора о границе вместо всех ныне действующих договоров, поскольку китайская сторона считает их “неравноправными”» [9, с. 563]. Таким образом, они сами признают, что вопрос нельзя считать окончательно решенным, т.е. допускают, что Китай может «вопреки подписанным соглашениям о границе и Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве 2001 г. вновь предъявить старые претензии».

Далее Б. Кузык и М. Титаренко пишут: «Быстрый рост потребления энергетических ресурсов, особенно нефти, увеличивает зависимость Китая от внешних источников, что создает проблемы для экономической и государственной безопасности страны».

«Та модель ускоренного экономического роста, которая опирается на использование дешевой рабочей силы и дешевые или бесплатные природные ресурсы, сопровождается серьезным ущербом, наносимым природной среде. Сохранение этой модели в среднесрочной перспективе могло бы привести к еще более пагубным и необратимым последствиям не только для экономики, но также и для здоровья и жизнеобеспечения людей. Изменение же ее в пользу ресурсосберегающей и экологически менее вредоносной модели требует немалых затрат и, возможно, снижения темпов экономического роста» [9, с. 197–198]. И далее: «дефицит ряда природных ресурсов, в первую очередь пахотно-пригодных площадей, лесов, пресной воды, многих видов минерального сырья, делает для Китая в среднесрочной перспективе затруднительным обеспечение высоких темпов роста экономики и повышения жизненного уровня населения исключительно, а во многих случаях и преимущественно за счет внутренних источников, без обращения к международным рынкам. Это обстоятельство предполагает большую заинтересованность Китая в сотрудничестве с Россией, располагающей богатыми ресурсами сырья и энергии, остро необходимых Китаю». При этом Россия, которая «рискует стать “полем битвы” за ресурсы, стоит перед несколькими стратегическими вариантами ответа на растущий спрос на ее полезные ископаемые со стороны Китая. Основные из них: а) полная поддержка; б) обусловленная поддержка; в) эмбарго. Последний вариант абсолютно не отвечает интересам России как самостоятельного игрока на мировой арене и задачам сохранения ее национального суверенитета, территориальной целостности и полноценного развития. Оптимальным для России будет проведение политики “обусловлен-

ной поддержки”, увязывающей масштабы поставок нефти, леса и т.д. со встречными инвестициями КНР и учетом интересов России на китайском рынке, а также с первоочередным решением задачи подъема Сибири и Дальнего Востока» [9, с. 197].

Из приведенных рассуждений не вполне ясно, почему России грозит потеря национального суверенитета и территориальной целостности при реализации варианта «эмбарго». Авторы не поясняют эту мысль, ее можно истолковать так, что угроза суверенитету и территориальной целостности России исходит от Китая, который при отказе продать ему ресурсы предпримет попытку захватить их силой вместе с той территорией, на которой расположены соответствующие месторождения. Если такая трактовка верна (а другую предложить затруднительно), то, очевидно, она противоречит утверждению авторов об оптимальности варианта «обусловленная поддержка». Ведь «обусловленность» означает, что в случае невыполнения Китаем российских условий Россия не будет оказывать ему поддержку. Применительно к данной проблеме отказ в поддержке эквивалентен варианту «эмбарго». Но, как считают сами авторы, оно невозможно. Это означает, что для России возможен только вариант «полная поддержка», т.е., очевидно, поддержка (продажа полезных ископаемых) на тех условиях, которые определит китайская сторона. Следовательно, о равноправном сотрудничестве в данной сфере речь не идет, Россия вынуждена выполнять условия Китая независимо от того, насколько это соответствует ее собственным интересам. Собственно, сегодня именно это и происходит на практике. О чем авторы книги «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» пишут и далее: «Обширная интеграционная зона, которую в максималистских работах китайских политологов предполагается объединить и в экономическом, а в перспективе — с вытеснением американского влияния — и в политическом плане, простирается на пространстве от российского Урала на Северо-Западе до границ с Океанией на Юго-Востоке» [9, с. 538]. Хотя речь идет об интеграции зоны «от российского Урала», о роли России в данном процессе не говорится ничего.

Очевидные внутренние противоречия в работе «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» встречаются и при обсуждении проблемы возможной демографической экспансии Китая в восточные регионы России.

«Та или иная траектория экономического роста Китая самым непосредственным образом затрагивает и Россию. Позитивная динамика развития КНР, опережающей ныне РФ по объему ВВП и доле в мировой экономике в несколько раз, открывает перспективу подлинно-

го соразвития двух стран и всестороннего социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, давно ждущих своего часа. В то же время нельзя абсолютно сбрасывать со счетов и вероятное воздействие китайского фактора на закрепление топливно-сырьевой специализации России на мировом рынке, чего сама Россия, судя по заявлениям ее руководителей, в конечном счете, хотела бы избежать. В любом случае, однако, более серьезными для России были бы минусы, которые неизбежно сопутствовали бы крупному срыву в экономическом развитии Китая. Это, в частности, вероятное свертывание российского экспорта в Китай вплоть до полной потери китайского рынка, превращение «угрозы неконтролируемой миграции» из мифа, каковым она является сегодня, в реальность в случае серьезной социальной нестабильности в КНР и т.п.» [9, с. 269].

Исходя из соображений логики, если «угроза неконтролируемой миграции» все же может реализоваться, то, значит, она не является мифом. Более того, чуть раньше Б. Кузык и М. Титаренко пишут о вышеупомянутой проблеме «дефицита невест», т.е. о том, что с 2020 г. мужчин, вступающих в брачный возраст, в Китае будет на 15–18 млн больше, чем женщин. «Это может сформировать существенную демографическую нагрузку, прежде всего на соседние с Китаем страны. Достаточно сопоставить эти цифры с численностью населения России, проживающего за Уралом» [9, с. 263].

Таким образом, возникает вопрос к авторам: «угроза неконтролируемой миграции» — миф или нет? Тем более, по их же мнению, «пробывание китайских граждан на территории России вполне можно ввести в приемлемые для России рамки. Для этого необходимо принять конкретные правовые меры, а также использовать соответствующие механизмы. Конечно, при этом необходимо принимать во внимание то, что китайцы на территории России не желают становиться российскими гражданами со всеми вытекающими отсюда обязанностями; они не хотят быть людьми российской культуры, предпочитая создавать анклав на нашей территории. Если не допускать появления таких анклавов, что вполне возможно, если руководствоваться правилом: каждая страна — хозяин на своей территории и иностранное государство ни в какой форме не будет допущено к участию в административном или хозяйственном управлении этой территорией, то вполне возможно сформировать отношения, которые будут удовлетворять Россию и с которыми придется считаться китайской стороне» [9, с. 576–577]. Из этого прямо следует, что сейчас пребывание китайских граждан находится в неприемлемых для России рамках.

Не меньше противоречий наблюдается в книге «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» при обсуждении вопросов экономического сотрудничества России и Китая. Так, с одной стороны: «Позитивная динамика развития КНР, опережающей ныне РФ по объему ВВП и доле в мировой экономике в несколько раз, открывает перспективу подлинного соразвития двух стран и всестороннего социально-экономического подъема Сибири и Дальнего Востока, давно ждущих своего часа» [9, с. 269]. С другой: «Продолжающаяся деградация российского Дальнего Востока не только приводит к подрыву основ жизнедеятельности крайне малочисленного здешнего населения, но прямо искушает более успешных соседей, испытывающих нехватку территорий и природных ресурсов» [9, с. 584–585]. Таким образом, «подлинное соразвитие двух стран» приводит отнюдь не к «всестороннему социально-экономическому подъему Сибири и Дальнего Востока», а к его отторжению в пользу «более успешных соседей, испытывающих нехватку территорий и природных ресурсов».

Еще одним примером внутренних противоречий и фактического отрицания авторами книги своей же идеи «соразвития» РФ и КНР является следующая цитата: «Зона совпадающих интересов и взаимодополняемости России и Китая в мировой экономике в настоящее время шире зоны их реально и потенциально конфликтных интересов. Это создает стабильную основу для наращивания масштабов и диверсификации форм двустороннего сотрудничества, для взаимодействия в рамках интеграционных процессов в Восточной и Центральной Азии. Вместе с тем ориентация хозяйственных связей Китая на американский, европейский и азиатский рынки лимитирует возможности российско-китайской кооперации или совместных действий как на рынках третьих стран, так и в борьбе за общее улучшение условий международной торговли. К конфликту интересов двух стран может привести включение России в зону свободной торговли той или иной конфигурации с участием Китая, влекущее за собой неконтролируемый перелив товаров и трудовых услуг из КНР в РФ. Пока Россия к этому не готова» [9, с. 389–390]. Из этого следует, что «взаимодополняемость» РФ и КНР такова, что если Китай включит Россию в зону свободной торговли, то Россия этого не выдержит. Таким образом, вновь возникает вопрос, к какому же «соразвитию» призывают авторы, в чем оно конкретно состоит, если, как показывают сами же авторы, любое сближение России с Китаем оказывается, по сути, губительным для России.

Далее Б. Кузык и М. Титаренко подробно анализируют возможное развитие внешней политики Китая.

«После смерти Мао Цзэдуна Дэн Сяопин в определенной степени по инерции также стремился оказывать давление на партнеров, призывая создать “единый фронт” Китая, США, Японии и Европы для борьбы против нашей страны, и даже применял оружие, прежде всего, стремясь воздействовать на Вьетнам. Однако начиная с 1980-х годов внешняя политика Китая носит в основном мирный характер. Единственное исключение — осуществляемые время от времени демонстрации военной силы в отношении о. Тайвань.

Представляется, однако, что такого рода действия осуществляются исключительно в демонстрационных целях. Возможно, это придется делать, так как в КНР существуют определенные политические или военно-политические круги, которые вынуждают высших руководителей страны “откупаться” подобными демонстрациями» [9, с. 574–575].

«На внешнюю политику Китая влияет ситуация внутри страны, которая характеризуется накоплением серьезных проблем. Для их решения потребуются много сил и времени — по крайней мере, ближайшее столетие. Это большая работа, от нее нельзя отвлекаться.

Проблемы КНР таковы, что исключается всякая возможность начать военные действия с целью сплотить нацию. Громадное население Китая, с одной стороны, не интересуется никакими внешними войнами и авантюрами, а с другой — не будет выходить за пределы своей страны. Это не в традициях и не в характере китайцев. Китайская диаспора формируется из весьма специфических представителей этой нации и составляет незначительную часть китайского населения. Она не оказывает существенного влияния на судьбу страны» [9, с. 575].

«Вместе с тем существуют “точки воспламенения” внутрикитайского национализма и патриотизма. Это проблема Тайваня, позиция Японии по вопросу о преступлениях ее военизированной армии на территории Китая во время Второй мировой войны, ряд до конца не решенных территориальных и пограничных проблем. Здесь время от времени возможны обострения в тех или иных двусторонних и многосторонних отношениях, но эти “вспышки” скорее всего не приведут к ширококомасштабным военным действиям. Возможное давление со стороны Китая, если ему будет противопоставлена решительная и твердая защита национальных интересов России, не приведет к ущемлению наших национальных интересов.

К этим старым проблемам, реакция на которые Пекина не выходит за рамки норм поведения, диктуемых сложившимся миропорядком, в среднесрочной перспективе может добавиться новая острая пробле-

ма нехватки энергоресурсов, способная опрокинуть весь ход успешного развития Китая. В этой связи очень важно внимательно отслеживать то, в каком направлении будет действовать китайская сторона. Сосредоточится она на перераспределении в свою пользу непомерно больших нефтяных запасов западных стран (о чем говорит покупка китайскими нефтяниками западных нефтяных компаний летом 2005 года) или совместно с другими основными потребителями нефти (то есть с Западом) будет оказывать давление на производителей (включая Россию).

Внешняя политика КНР — часть общей линии руководства КНР на ближайшие десятилетия, которая складывается из стремления добиться социальной гармонии в Китае и гармонии в отношениях между нациями на мировой арене в том виде, как это понимают в Пекине» [9, с. 578–579].

Отметим, что авторы говорят о наличии в Китае «определенных кругов», которые «вынуждают высших руководителей страны» делать агрессивные заявления. К сожалению, эти силы не названы конкретно, хотя само по себе подобное заявление можно интерпретировать так, что реальной властью в КНР обладает не официальное руководство страны, а «определенные круги». На самом деле, речь здесь идет о руководстве НОАК. Как было сказано выше, реальным органом управления КНР является ЦВС, а роль военных в управлении страной исключительно высока. Если генералитет может «вынуждать высших руководителей страны» делать агрессивные заявления, то почему они не могут вынудить и реализовать эти заявления на практике? Положение о том, что «исключается всякая возможность начать военные действия с целью сплотить нацию», откровенно противоречит другому положению той же монографии: «Нельзя полностью исключать и тот вариант, что возможное заметное ухудшение экономической конъюнктуры в Китае может спровоцировать рост внутривнутриполитической напряженности и приход к власти амбициозных лидеров, которые попытаются решить внутренние проблемы путем консолидации нации в борьбе против внешнего врага» [9, с. 264]. Утверждение о том, что «население Китая не интересуется никакими внешними войнами и авантюрами», было бы значимо в том случае, если бы в КНР существовала демократическая система, подразумевающая учет мнения населения правящими кругами. Однако сами же авторы указывают, что у китайского населения нет «ни традиций, ни политико-правовых навыков, ни необходимого культурного уровня для того, чтобы жить и действовать в правовом демократическом государстве, в управлении страной» [9, с. 17]. Положение о том, что выход за пределы страны «не в традициях и не

в характере китайцев» можно сопоставить с утверждением о том, что с момента своего возникновения «китайское государство на протяжении своей последующей истории непрерывно расширяло свои пределы» [9, с. 109]. Совокупность этих утверждений может быть интерпретирована так, что если пределы страны постоянно расширяются, то сами китайцы не считают выход за них таковым (видимо, это хорошо соотносится с концепцией «стратегических границ и жизненного пространства»). Что касается утверждения о незначительной роли китайской диаспоры в судьбе Китая, то сами Б. Кузык и М. Титаренко писали, что «члены зарубежных китайских общин сохраняют верность мечте о построении мощного китайского государства, они готовы внести и вносят в ее осуществление личный вклад. Они во многом обеспечивают Китаю доступ к достижениям западной науки и технологии» [9, с. 11]. Кроме того, из множества других работ ИДВ (например [11; 131; 321; 322; 323; 324]) можно узнать, что от 70% до 80% иностранных инвестиций в Китай приходится именно на «хуацяо» (зарубежных китайцев). Более того, как пишет ведущий научный сотрудник ИДВ А. Ларин, утечка капитала в Китай, организованная «хуацяо», настолько велика, что, по признанию самих китайцев, «вследствие деликатности ряда международных вопросов материковый Китай не считает целесообразным давать свои оценки объема экономики зарубежных китайцев. ...В странах, где китайские эмигранты составляют национальное меньшинство, такие оценки легко могут привести к обострению межнациональных противоречий и нанести вред китайским эмигрантам» [151, с. 52].

Наиболее четко выводы авторов книги «Китай — Россия 2050: стратегия соразвития» формулируются в следующем положении: «Гипотетически нельзя исключать в перспективе на 15–20 лет появления в российско-китайских отношениях конфронтационных элементов. Отсутствие глубокого понимания и доверия между элитами, да и значительной частью населения обеих стран, может привести к тому, что внезапное обострение противоречий по одному из нерешенных или не до конца решенных вопросов (трасса нефтепровода, миграция и т.п.) будет чревато всплеском необоснованных антироссийских настроений в Китае и антикитайских — в России. Необходимо также учитывать, что определенный сегмент китайской элиты традиционно настроен по отношению к России крайне сдержанно, если не недружелюбно. Эти силы, активно поддерживаемые Западом, могут использовать эмоциональные нападки на Китай в российских СМИ и политических кругах для усиления своих позиций». Поэтому необходимо «заблаговременно в дове-

рительном порядке информировать китайское руководство о тех важных решениях российской стороны, которые Пекин может расценить как не соответствующие его интересам» [9, с. 572–573].

При этом ничего не говорится о том, что и Пекин будет доверительно информировать Москву о своих действиях. Таким образом, следование рекомендациям лидера российских китаеведов означает де-факто, что Россия должна официально признать себя вассалом Пекина и полностью подчинить ему свою экономику и политику. **Т.е. в книге, изданной в 2005 г. известными российскими авторами, предлагалось действовать в духе концепции, обнародованной четыремья годами позднее в книге «Китай недоволен!»: полностью подчиниться всем требованиям Китая во избежание военной агрессии с его стороны с целью захвата ресурсов и территорий.**

В последующих работах директор ИДВ РАН М. Титаренко высказывался в том же духе еще более откровенно: «Как полагают многие российские эксперты, набранная в предыдущие годы динамика роста и кратное превосходство в общем объеме экономики объективно ставят Китай в положение более мощного игрока в российско-китайском бизнес-тандеме. Поэтому для России не будет лишним проявить большую гибкость в учете нынешних приоритетов экономической политики КНР. Этого же мы ожидаем и от китайской стороны» [325, с. 13]. Не очень, правда, понятно, почему надо ожидать «большей гибкости» от китайской стороны, особенно если Россия добровольно выступит в роли подчиненной, морально сломленной стороны.

Выводы

Прямое противоречие между официальной публичной позицией руководства ИДВ и научными выводами сотрудников ИДВ (включая, иногда, тех же представителей его руководства), по-видимому, имеет объяснения, не относящиеся к научной сфере. Поскольку данный институт является ведущим научным учреждением РФ по китайской проблематике, подобная ситуация прямо, причем крайне негативно, влияет на национальную безопасность страны.

ГЛАВА VIII.

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ КИТАЕМ И ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ

В России и на уровне официальных деклараций, и на уровне общественного мнения принято считать российско-китайские отношения очень благоприятными, равноправными, по сути, союзническими. Реальная ситуация выглядит, мягко говоря, совершенно иначе. Более того, российско-китайские отношения с российской и китайской точек зрения выглядят совершенно по-разному.

В Совместной российско-китайской декларации (подписана Б.Н. Ельциным и Цзян Цзэмином в Москве 3 сентября 1994 г.) прямо говорится о том, что российско-китайские отношения «не носят союзнического характера и не направлены против третьих стран». Они охарактеризованы как «отношения конструктивного партнерства — подлинно равноправные отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества, основанные на принципах мирного сосуществования» [326].

Если российская сторона формулировала характер отношений с Китаем как «стратегическое партнерство», то в Китае предпочитали формулировку «партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие». Именно так, например, их охарактеризовал посол КНР в РФ Ли Фэнлинь. При этом он подчеркнул, что процесс созидания таких отношений только начался: «Отсутствие союза и ненаправленность против третьих государств являются пределом этих отношений». Единственным препятствием в отношениях является то, что «небольшая группа людей в России» выступает со статьями по вопросам демаркации границы и «так называемой незаконной иммиграции из Китая» [327]. Таким образом, «предел отношений» четко обозначен, а за проблемы в отношениях отвечает только российская сторона.

Не менее ясно высказался бывший военный атташе КНР в России, старший советник Китайского общества международных стратегических исследований Ван Хайюнь, который в статье, формально очень доброжелательной по отношению к России и отношениям с ней, подчер-

кнул, однако, что вступление в союз «не отвечает коренным интересам двух стран, которые не образуют “военный союз” или межгосударственный союз. ШОС также не станет “Восточным НАТО”, о чем говорят некоторые на Западе» [328, с. 21].

Именно китайская формулировка «равноправное и доверительное партнерство, направленное на стратегическое взаимодействие» была употреблена в Декларации, подписанной Б.Н. Ельциным и Цзян Цзэмином в ходе визита последнего в Москву в апреле 1997 г. [329, с. 5–7]. В Совместном Российско-Китайском заявлении, подписанном Б.Н. Ельциным и Цзян Цзэмином в Пекине в декабре 1999 г., Россия «поддерживала» позицию Китая по поводу невключения в систему ПРО США Тайваня. Китай «выражал понимание» позиции России в отношении СНВ [330]. В документах, подписанных В.В. Путиным и Цзян Цзэмином в июле 2000 г., Россия вновь полностью поддерживала позицию Китая по Тайваню и протестовала против включения Тайваня в систему американской нестратегической ПРО, при этом проблема Чечни не упоминалась вообще [331; 332].

На самом деле, отношения с США и для России, и для Китая важнее, чем отношения между собой. Они не готовы быть гарантами безопасности друг другу, поступаясь собственными интересами. Можно отметить, что Пекин свои отношения с США называет «конструктивное стратегическое партнерство», т.е. почти так же, как и отношения с Россией. При этом уже сейчас Китай «подчас относится к России как сильный к слабому, ущемляет ее интересы», стремясь, например, «воспользоваться трудным положением России и покупать у нее, например, электроэнергию по смехотворно низким ценам» [333, с. 25].

Очень проникательно характеризует подлинную природу российско-китайских взаимоотношений известный китаевед Ю. Галенович: «Складывалось впечатление, что между Москвой и Пекином возникли особо близкие и доверительные связи, которые в случае чего могут перерасти даже в союзные отношения. При этом Москва, очевидно, шла на поводу своих пожеланий, своей мечты, а Пекин, вероятно, намеренно создавал на мировой арене такого рода дымовую завесу. ...Итоги визита председателя КНР Цзян Цзэминя в США показали, что это не так, что китайско-российские отношения, само совместное заявление о “новом мировом порядке”, о “многополярности”, о стратегическом партнерстве Китая и России либо случайно, либо в соответствии с планом Пекина было использовано руководителями КНР в качестве одного из рычагов, с помощью которых Пекин создавал нужную

ему атмосферу для встречи лидеров континентального Китая и Америки» [334, с. 25–26].

Вообще, в Китае, как было сказано выше, борьба с американским гегемонизмом не ведется в тех случаях, когда это прямо не затрагивает интересы Китая. Наоборот, демонстрируется определенная лояльность США. Все больше аналитиков в обеих странах называют китайско-американские отношения главными и для самих этих стран, и в общей системе международных отношений.

В апреле 2006 г. успешно прошел визит президента Грузии М. Саакашвили в Пекин. При этом Ху Цзиньтао заявил, что Китай «понимает и поддерживает Грузию в важных вопросах, затрагивающих государственную независимость, суверенитет, территориальную целостность» [335, с. 61]. После августовской войны 2008 г. в Южной Осетии Китай сначала выразил понимание российской позиции. Однако затем он высказал «озабоченность» признанием Россией независимости Абхазии и Южной Осетии. Как пишет заместитель директора ИДВ В. Портяков, «обратил на себя внимание и такой необычный шаг, как размещение на русскоязычном сайте газеты “Жэньминь жибао” информации о приеме в посольстве Китая в Грузии по случаю 59-й годовщины провозглашения КНР. Ранее такого рода рядовые события не удостоивались внимания китайских СМИ» [336, с. 11]. Во время голосований в Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2009 и 2010 гг. по проблеме бывших грузинских автономий Китай оба раза поддерживал антироссийскую резолюцию, предложенную Грузией. Китайский политолог Цзи Чжие, представляющий Китайскую академию международных отношений, пишет о данной проблеме так: *«Признаваемый нами принцип должен заключаться в следующем: когда часть населения суверенного государства требует независимости, то это должно одобряться не только большинством этой части, но и большинством основного населения этого государства. Однако как в Косово, так и в Южной Осетии или Абхазии односторонне делался упор на “самоопределение” части населения, требующего независимости, игнорируя “самоопределение” других жителей той же страны»* [337, с. 89].

Откровенно антироссийскую позицию занимает Китай по Курильской проблеме, что отметил главный научный сотрудник ИДВ, генерал-майор запаса Анатолий Болятко, рассматривающий Китай в качестве союзника России: «На всех китайских картах, я вам скажу, северные территории закрашены в японский цвет и надпись “острова, оккупированные Россией”. В течение 10 лет на всех уровнях, в том числе на таких конференциях, и в Министерстве обороны, и в Министерстве ино-

странных дел и мы, и наш руководитель академик Титаренко поднимаем этот вопрос: “Как же так? Перестаньте такое публиковать. Мы же союзники”. То есть у них общественное мнение тоже, если не раскололось, то, во всяком случае, в значительной степени поддерживает эту позицию» [338, с. 119–120].

Строить с Россией какой-либо межгосударственный союз Китай не собирается не только на двусторонней основе, но и в рамках ШОС. В Китае не только постоянно подчеркивают невозможность превращения ШОС в военный союз, но и говорят о том, что организация «эффективно обошла опасность» подобной трансформации [339].

Взгляды китайских исследователей на Россию отнюдь не всегда являются положительными. Например, замдиректора Центра изучения внешней политики Китая Китайского института современных международных отношений Ян Сюэтуна писал, что из-за внутреннего кризиса у России пока нет ни желания, ни возможностей для осуществления военной экспансии в Восточной Азии. В его статье Россия, наряду с США, оценивалась, скорее, как потенциальная угроза, чем как союзник [340]. В другой работе говорилось, что Китаю *«следует больше работать со странами Южной и Юго-Восточной Азии, все еще испытывающими страх перед Китаем, путем разъяснений рассеять их ненужную настороженность. Что касается экспансионистской, великодержавной политики России, то для ее сдерживания следует использовать механизм коллективной безопасности. Мы должны активно и конструктивно участвовать в создании механизма безопасности в АТР, что отвечает не только интересам нашей страны, но и будет играть позитивную роль в обеспечении стабильности и процветания всего региона»* [341, с. 79]. Таким образом, в данной работе Россия также рассматривается, скорее, в качестве ситуативного союзника и потенциального противника.

Аналогично, причем в обобщающем историческом плане, оценивает Россию профессор факультета международной политики Пекинского университета Хуан Цзунялян. *«Занимаясь исследованиями СССР и России, мы приходим к выводу, что несколько важных факторов оказывают влияние и определяют их внешнюю политику: традиционный российский экспансионизм и национальный шовинизм, статус великой державы, характер власти, внутренняя политическая и экономическая ситуация в России. Первые два фактора относительно устойчивы, а последние два довольно подвижны»* [342, с. 69]. Таким образом, устойчивыми факторами российской внешней политики названы экспансионизм и шовинизм. Би Хунъе писал, что после распада СССР Россия не мог-

ла быстро отрешиться от имперского сознания и по-прежнему питала иллюзии совместно с США руководить новым миром [343].

Яо Вэньбинь считает, что *«хотя сейчас едва ли можно предвидеть, до каких отметок разовьется китайско-российское сотрудничество в каждой сфере, однако можно с уверенностью сказать, что отношения не вернуться к состоянию китайско-советского союза 50-х годов»* [344, с. 47].

Профессор Народного университета Китая Чжоу Синьчэн высказывает мысль, что *«политическая, экономическая и военная ситуация такова, что Россия в течение длительного времени вынуждена все свои силы концентрировать на латании дыр. Из-за своего ослабления Россия лишилась возможности вмешиваться и влиять на ситуацию в СВА. Можно предвидеть, что по крайней мере в течение первых 10–20 лет будущего столетия Россия не сможет угрожать безопасности региона СВА»* [345, с. 54]. Таким образом, и здесь Россия рассматривается как потенциальная угроза.

Уже цитировавшийся выше профессор Ли Цзинцзе отмечает, что политика Китая в отношении России концентрируется прежде всего и главным образом на обслуживании собственных интересов безопасности. Конфронтация с Россией обходится слишком дорого, поэтому пока она невыгодна для Китая, для России ситуация аналогична (надо отметить, что с точки зрения всех китайских политологов именно этим объясняется «стратегическое партнерство» между РФ и КНР). *«Китайский народ чувствует, что впервые более чем за 150 лет Россия подходит к Китаю с позиций равенства, а россияне, загнанные в угол, чувствуют симпатии и поддержку с китайской стороны. Поэтому в своих контактах ни Китай, ни Россия не испытывали унижения»* [346, с. 17]. Обращает на себя внимание оборот «загнанные в угол», подчеркивающий, во-первых, униженное положение России на международной арене, во-вторых, то, что именно такая ситуация заставила Россию относиться к Китаю как к равному.

Ведущий научный сотрудник, заведомом Восточной Европы, Центральной Азии и России Института по изучению международных проблем при МИД КНР Ся Ишань подчеркивал: *«Китай неизменно с глубочайшим сочувствием относится к своему великому соседу, который столкнулся с колоссальными трудностями в процессе перехода к рыночной экономике, и отнюдь не радуется чужой беде и не пользуется чужим несчастьем»* [347, с. 14]. В его работе также говорилось о том, что отношения с Россией Китай устанавливает раньше, чем с другими странами. В 1997 г. Китай установил всестороннее партнерство с Францией, он ставит своей целью создать стратегическое партнерство с США. При

внешней благожелательности в приведенных словах Ся Ишаня можно увидеть скрытое унижение России. Во-первых, подчеркиваются наши «колоссальные трудности», «беда» и «несчастье», ослабление России на фоне роста Китая. Во-вторых, отношения с Россией хотя и идут впереди отношений Китая с другими странами, но отнюдь не являются исключительными, аналогичные отношения Китай стремится установить со всеми крупнейшими странами.

Нельзя не отметить, как все без исключения китайские политологи подчеркивают отсутствие союза и вообще какой-либо «эксклюзивности» в российско-китайских отношениях. Аналогичного мнения придерживается директор Института Восточной Азии Яньцзиньского университета (Тайвань) Линь Жо Юй. *«Для Китая 1997 год оказался необычайно урожайным в области международной стратегии и дипломатии: председатель Цзян Цзэминь во время визита в Москву установил стратегические партнерские отношения с Россией (апрель); в мае президент Франции Ширак в Пекине договорился о “всеобъемлющих партнерских отношениях” с Китаем, а в октябре во время поездки в США Цзян Цзэминь с Клинтонем установили стратегические отношения, обращенные в XXI век»* [348, с. 90].

Директор Института исследований АТР Шанхайской АОН Чжоу Цзяньмин считает, что Россия переживает упадок, но сохраняет определенную военную силу, противостоящую США. Ее влияние в АТР резко сократилось и не может быть восстановлено [349].

Известный политолог Е Цзычен отмечает, что Россия является крупнейшим источником военной модернизации Китая и поставщиком нефти, газа и древесины. Отношения не направлены против третьих стран, поэтому не мешают Китаю дружить с кем угодно. Впервые за 300 лет Китай не имеет угрозы с Севера. Влияние России резко снизилось, статус великой державы поддерживается только благодаря наличию ядерного оружия [350].

В ходе обсуждения сборника статей «История и современное состояние китайско-российских отношений», изданного в Китае в сентябре 2004 г. по итогам одноименной конференции в Харбине, М. Титаренко отмечает, что одним из основных направлений сборника является попытка показать отношения как ничем не выделяющиеся на фоне отношений Китая с другими странами при максимальном акцентировании внимания на негативных сторонах с игнорированием позитивных. Периоду царской России дается абсолютно негативная оценка, подчеркивается территориальный вопрос. Предполагается, что антироссийская направленность появляется ради улучшения отношений

с США. В. Портяков обращает внимание на особый акцент на роль американского фактора в отношениях, что резко снижает самостоятельную ценность российско-китайских межгосударственных связей. Китайцы, в свою очередь, не устают подчеркивать, что отношения являются «браком по расчету», а не «по любви» [351].

В 90-е гг. ряд китайских политологов весьма высоко оценивали перспективы развития России. Так, профессор политологии Пекинского университета Юй Сун писал, что ситуация в России очень трудная, но *«можно предположить, что Россия, пройдя тяжелый путь, сможет вступить на дорогу возрождения, поворотный момент, вероятно, придется на грань веков. Россия имеет все необходимые благоприятные условия для превращения в одну из мощных мировых держав. Она обладает очень богатыми природными ресурсами, мощной научно-технической и индустриальной базой, высокообразованным населением и вплоть до настоящего времени является великой военной державой. Русская нация является упорной нацией. Такие страны и нации не могут смириться с упадком. В сегодняшний день упадка России мы должны учитывать завтрашний день, когда она может стать мощной державой, в противном случае можем допустить историческую ошибку. Это диалектический закон жизни»* [352, с. 41]. Следует подчеркнуть, что данный прогноз был сделан в начале 1994 г. Как известно, быстрый экономический рост в РФ начался с 1999 г., т.е. «поворотный момент» действительно пришелся на «грань веков». Вряд ли можно привести еще пример столь точного прогноза, сделанного российскими или западными исследователями в период, когда экономика России переживала тяжелейший кризис.

В работе ученых Пекинского университета за 1994 г. отмечалось, что *«видя нынешние слабости России, мы ни в коем случае не должны исключать возможности ее постепенного возрождения в недалеком будущем»* [353, с. 34].

Китайский политолог Гу Сюеу писал, что *«в России Пекин видит лишь парализованную, но не укрощенную великую державу. Несмотря на уменьшение советской империи, Пекин признает за ней волю и способность снова стать мировой державой и отнюдь не второго ранга»* [354, с. 82–83].

Сотрудник Китайского исследовательского центра современного мира Юэ Суй писал в 1996 г.: *«Россию следует анализировать в долгосрочном плане. Ее сегодняшняя деградация носит относительный характер, а характер абсолютный имеет ее научно-технический потенциал, мощная индустриальная база, богатые природные ресурсы, мощные вооруженные силы, превосходные географические условия, а также высокое качество населения. Через несколько лет вслед за расцветом ее*

экономики и повышением совокупной мощи ее статус великой державы и глобальное влияние резко проявят себя. Нам следует полностью отдавать себе отчет и адекватно оценивать положения и последствия возрождения величия России как великой державы на основе ее национального духа» [355, с. 71–72].

В начале XXI в. все чаще стала констатироваться чисто сырьевая ориентация российской экономики и падение ее геополитического влияния. Можно отметить в качестве примера, что в статье о внешней политике Китая профессор Цзилиньского университета, декан факультета международной политики Лю Цинцай, характеризуя соседей Китая, называет Россию крупной страной, богатой природными ресурсами, а Японию — великой экономической державой с развитой экономикой, технологиями и мощным капиталом [356]. В 2000-е гг., считающиеся очень успешными для России, китайские политологи перестали включать ее в категорию великих и даже региональных держав. Россия называется «крупной страной», «большой развивающейся страной» или даже «одним из тех рядовых государств, которые политически являются державами второго, а экономически и третьего сорта», которая без Китая не сможет реализовать свои цели, при этом ориентация на Запад неблагоприятно скажется на отношениях с Китаем. Некоторые эксперты считают, что партнерство важнее для России, чем для Китая [357; 358].

В высшей степени примечательно мнение о России уже цитировавшегося выше бывшего военного атташе КНР в РФ Ван Хайюня. Так, он считает, что русские всегда гонятся за быстрым успехом, поэтому в России очень легко возникает проблема волюнтаризма, существует опасность сталкивания экономики на ошибочный путь развития. Тому пример — силовое навязывание стратегии удвоения экономики в 2010 г. Очень нелегко переломить подобное устаревшее сознание и утвердить новое понимание рыночной экономики. Русское национальное мышление отличает скачкообразный характер, оно подвержено крайностям. Там не любят предварительно провести эксперимент, а уж затем начинать его широкое распространение. Ван отмечает также, что в России среди населения распространены настроения, направленные против иностранцев, разложение и коррупция получили широкое распространение, без взяток и подношений трудно вести дела. Среди россиян сильны великодержавные настроения, что затрудняет деловые контакты. Российской экономике он дает следующую характеристику: *«Явно уродливый характер носит отраслевая структура экономики России. ... За 10 с лишним лет реформирования и перестройки она не только не претерпела изменений, но, наоборот,*

приобрела еще более уродливый характер. Особенно это касается опоры на энергоресурсы и сырье. В последние годы положение становилось все более серьезным. 54% экспорта составили энергоресурсы, бюджет также базируется на доходах от экспорта нефти и газа. ... По ряду причин старая инфраструктура России находится в развале, а создание новой имеет незначительный и жалкий характер. Во всей России нет ни одной первоклассной шоссейной дороги (в т.ч. между Москвой и Санкт-Петербургом)». Ван Хайюнь считает, что Россия не избавилась от великодержавной заносчивости и не преуспела в использовании тех шансов, которые предоставляются многополярностью и экономической глобализацией. Ей все труднее выступать в роли мировой мощной державы. Россию опасаются не только страны Запада, но даже ее «младшие братья» из СНГ относятся к ней весьма настороженно и постепенно от нее отдаляются. Россия пытается силовыми методами утверждать свое положение на международной арене, но в результате это негативно влияет на ее международный имидж, возрастает сила сопротивления ее возвышению [359].

Ван Чэнцай видит недостаток российской экономики в том, что сырьевая модель не пересматривалась в течение длительного срока, этот недостаток особенно четко проявился во время кризиса. Сырьевой тип экономики сформировался в 70-е гг., когда разрабатывались крупные месторождения нефти и газа. В конце советского периода, а также при Ельцине и Путине неоднократно выдвигались предложения по ускорению научно-технического прогресса, однако все осталось на уровне призывов [360]. Янь Япин считает, что, несмотря на рост российского ВВП, усилия России трансформировать экономику не дают видимых результатов. Большинство позитивных показателей существуют только на бумаге [361].

В. Портяков отмечает, что отношения партнерства, в т.ч. «стратегического», Китай установил с несколькими десятками государств по всему миру. Оно подразумевает отсутствие союза, проведение регулярных консультаций, поиск совпадающих позиций. При этом изобретаются различные индивидуальные определения «партнерства» для каждой страны, которые регулярно меняются. Не менее бессодержательной является китайская политика «добрососедства», которую Пекин официально применяет к граничащим с ним странами. Это «добрососедство» не решило никаких принципиальных проблем и рухнет при первом же проявлении экспансионистских устремлений Китая, что проявляется на примере его отношений с Индией и особенно со странами Юго-Восточной Азии (об этом речь пойдет ниже) [362].

Фиктивность «стратегического партнерства» Москвы и Пекина становится особенно очевидной при знакомстве с взглядами его сторонников. В качестве примера можно привести работу чрезвычайного и полномочного посла В. Трифонова «Особенности внешнеполитического взаимодействия России и Китая на современном этапе». Автором не приведено ни одного конкретного примера внешнеполитического взаимодействия двух стран, имеется лишь большой набор благих пожеланий. Вся работа написана в сослагательном наклонении. При этом приведено высказывание начальника Генштаба НОАК Чэнь Бинде во время его визита в Вашингтон в мае 2011 г.: «Для США и Китая, которые являются двумя самыми важными державами мира, очень важно здоровое и стабильное развитие двусторонних связей» [363]. Аналогичным образом написана работа бывшего посла РФ в КНР Игоря Рогачева «Взаимодействие России и Китая на международной арене». По сути, в ней происходит подмена понятий, за межгосударственное взаимодействие выдается ситуативное совпадение позиций по ряду вопросов. Реальных же примеров именно осмысленного взаимодействия не приводится, лишь говорится о его желательности [364].

Схожая ситуация складывается и в сфере экономики. На первый взгляд, выгодность торгово-экономического сотрудничества между двумя великими державами, коими являются РФ и КНР, имеющими между собой одну из самых протяженных в мире сухопутных границ, представляется самоочевидной. О необходимости его развития говорится практически во всех официальных документах и научных работах с обеих сторон. Тем не менее, рассмотрение нынешнего положения и тенденций развития в данной сфере вызывает сомнения в том, что российско-китайское экономическое сотрудничество действительно выгодно и перспективно или, по крайней мере, может стать таковым для российской стороны.

Еще в середине 90-х в подготовленном в инициативном порядке докладе Института Дальнего Востока РАН говорилось, что экспорт с российского Дальнего Востока носит почти исключительно сырьевой характер. В импорте преобладают потребительские товары и продовольствие. Создание совместных предприятий лишь закрепляет такую структуру внешней торговли.

«Соотношение экономических потенциалов Дальнего Востока и приграничных областей КНР и сейчас складывается не в пользу России, а в дальнейшем, учитывая быстрое наращивание экономической мощи КНР и продолжающийся кризис в российской экономике, разрыв в уровнях экономического развития сопредельных территорий двух

стран еще более возрастет. И в этих условиях вовлечение дальневосточных районов России в сферу притяжения КНР может иметь серьезные последствия, в т.ч. политического характера». «Проанализировав все направления российско-китайского сотрудничества, можно сделать вывод о том, что в настоящее время оно в большей степени способствует решению экономических проблем Китая, нежели Дальнего Востока России. В основном торгово-экономическое сотрудничество сводится к тому, что Россия продает Китаю, как, впрочем, и другим странам АТР и СВА, невозполняемые природные ресурсы в обмен на потребительские товары и трудовые услуги (в случае с КНР и КНДР)».

В докладе констатировалась возможность отделения восточных регионов России из-за утраты связей с остальной страной и втягивания в сферу влияния соседних стран, причем это «отнодь не дань модному ныне алармизму». Предлагалось содействовать интеграции экономики Дальнего Востока в экономику Северо-Восточной Азии на основе иностранных инвестиций в экономику и инфраструктуру и стимулировать миграцию граждан России на Дальний Восток [365]. В этой рекомендации — содействовать интеграции дальневосточной экономики в экономику СВА — наблюдалось явное противоречие констатации того факта, что такая интеграция способствует отделению Дальнего Востока от остальной России. Данное противоречие до сего дня, фактически, остается лейтмотивом большинства отечественных работ на данную тему.

Существует предположение, что Китай выглядит оптимальным партнером в решении Россией задачи подъема Сибири и Дальнего Востока, поскольку природные ресурсы с этих территорий имеет смысл разрабатывать, только если они будут отправляться в Китай. С другой стороны, только на Россию может ориентироваться возрождаемая сейчас старая промышленная база Северо-Востока Китая, созданная при помощи Японии и СССР в 30-е и 50-е гг. [366]. Фактически, однако, из подобного предположения следует, что Сибирь и Дальний Восток рассматриваются как сырьевые придатки Китая и, одновременно, рынки сбыта для его товаров, не находящих спроса в более развитых странах.

В целом, такая модель торговли складывается уже сегодня. В российском экспорте в Китай преобладают нефть и нефтепродукты и необработанные лесоматериалы. Доля машиностроения составляет менее 2%. Причем рост сырьевой ориентации российского экспорта является стабильной тенденцией. В китайском экспорте, наоборот, быстро растет доля машин и оборудования. [24; 367]. Особенно это заметно применительно к регионам Восточной Сибири и Дальнего Востока. Так, резкий рост зависимости Читинской области (Забайкальского

края) от торговли с Китаем привел к потере из-за этого связей с другими странами, превращению Китая в монопольного покупателя древесины, диктующего цены, которые оказываются значительно ниже рыночных. При этом вся деревообработка находится на территории Китая [368; 369]. В Приморье ежегодно нелегально вырубается около 1,5 млн куб. м древесины. Через предпринимательскую деятельность китайских мигрантов Россия уже включена в китайское разделение труда. В КНР определено и место РФ в этом процессе — поставщика ресурсов и рынка сбыта продукции, отбракованной для реализации на других рынках [202, с. 94].

Можно отметить, что заместитель министра внутренних дел РФ Г. Карасин в 1997 г. писал, что «весьма значительные резервы роста российско-китайского товарооборота кроются именно в сфере производственной кооперации. Наиболее перспективный путь — развитие производственного сотрудничества в энергетике, машиностроении, в частности, производстве станков и текстильного оборудования. Весьма продуктивными могут стать совместная разработка и изготовление авиационной техники нового поколения. Консорциум российских фирм рассчитывает на участие в китайской “стройке века” — сооружении крупнейшего в мире гидротехнического комплекса “Три ущелья” (“Санься”) на реке Янцзы» [370, с. 27–28]. Очевидно, что за истекший период ситуация развивалась по другому сценарию. В частности, Россия проиграла тендер на строительство ГЭС «Три ущелья» [366].

Доктор экономических наук В. Карлусов также отмечал, что российско-китайские экономические отношения в значительной степени носят неравноправный характер. Достижение баланса интересов представляет серьезную проблему. «На практике массе наших разрозненных субъектов ВЭС противостоит регулируемая государством система хорошо организованных провинциальных и межпровинциальных компаний, опирающихся на экономические комплексы соответствующих территорий, включающие экспортно ориентированные предприятия всех форм собственности. Данные компании контролируют свыше 80% экспортно-импортных операций КНР. Функции общего госрегулирования их деятельности выполняет Министерство внешнеэкономических связей и внешней торговли КНР, функции координации ВЭС — ряд общественно-государственных организаций». Из-за этого происходит невыгодный для России обмен ее невосполнимых ресурсов на низкокачественный ширпотреб [371].

Красильников писал: «Не ставя под сомнение жизненный интерес России — поддержание равноправных партнерских отношений с КНР,

приоритетность российско-китайских отношений в АТР, следует в то же время четко определить, что означает понятие приоритетность и не приведет ли эта приоритетность отношений к нанесению ущерба национальным интересам России в ее отношениях с другими странами региона и в АТР в целом» [372, с. 53].

Китайские ОПГ («триады») активно действуют на территории РФ, в т.ч. и в ее европейской части. Они занимаются нелегальной переправкой граждан КНР через территорию России в Европу, контрабандой биоресурсов и браконьерством, контролем над китайскими землячествами, созданием подставных коммерческих структур для совершения противоправной деятельности (такие структуры составляют большинство российско-китайских СП). Особое внимание уделяется преступным операциям в лесном комплексе, которые доводят лесные массивы в Сибири и на Дальнем Востоке до порога истощения. При этом китайское правительство запретило заготовку хвойных пород на северо-востоке КНР. Отставные китайские генералы и агенты спецслужб активно участвуют в легальных и нелегальных коммерческих операциях на Дальнем Востоке, скупая собственность, нанимая рабочих и контролируя самые прибыльные виды бизнеса вроде переработки трепанга и перекупки леса. В связи с этим в российских изданиях встречались предложения «проводить воинские операции по борьбе с теми, кто уничтожает российские биоресурсы, кто эшелонами отправляет цветные металлы и лес в Китай» [134].

Китай ориентируется на создание в России предприятий со своей 100%-ной собственностью, ориентированные на вывоз всей продукции в Китай. «В данном контексте весьма тревожно выглядит усилившаяся за последние годы активность китайской стороны по приобретению прав на геологическую разведку и разработку отечественных месторождений полезных ископаемых» [367, с. 126].

Еще в начале 90-х отмечался продуманный и целенаправленный характер действий китайской стороны на российском направлении. Во второй половине 1992 г. правительство провинции Хэйлунцзян, при очевидном согласовании с Пекином, приняло решение о содействии своим торгово-промышленным компаниям на рынках Дальнего Востока России. Для предприятий провинциального уровня, выходящих на дальневосточный рынок, предусматривалось право на 5-летнюю беспошлинную деятельность, не облагаемую налогом. По прошествии 5-летнего срока деятельности предприятие должно передавать государству только 20% валютной прибыли. Таким образом, политика официальных властей Китая была направлена на стимулирование вы-

хода и активной деятельности китайских предпринимателей на дальневосточном рынке России. На бартере за три года китайцы заработали до 3 млрд долларов [373].

Китай уделяет гораздо больше внимания пограничной торговле, чем Россия, соответствующее законодательство там разработано намного лучше. Для КНР эта торговля является способом развития отдаленных районов. Бартерная торговля поддерживалась в связи с тем, что ей могут заниматься социальные низы, а Россия становится рынком для торговли низкокачественными товарами, которые больше нигде сбыта не находят. Бартерная торговля принесла китайской стороне огромную прибыль и была крайне неравноправной и финансово невыгодной для России. Такой характер торговли очень сильно способствовал ее криминализации и поддержанию теневого сектора экономики России.

После прекращения бартерной торговли в 1996 г. китайские компании приграничной торговли получили от руководства КНР разного рода льготы. Эти компании действуют скоординированно против разобщенных российских компаний. Российским бизнесменам в Китае очень сложно получить даже открытую информацию, поскольку китайская сторона этому всячески препятствует. Китайцы же легко создают в России компании со своей 100%-ной собственностью и начинают, фактически, торговать сами с собой.

Известны многочисленные примеры и формы незаконной деятельности (подпольные банки, изготовление фальшивых документов, контрабанда, браконьерство, распространение наркотиков). Практически любую сферу деятельности на территории России китайцы развивали, в первую очередь, в теневой направленности, что позволяло им получать большую прибыль, чем легальные формы бизнеса. Китайские преступники имеют возможность свободно покинуть Россию, на их место прибывают новые. Ни в одной стране китайцы не имели и не имеют таких либеральных условий для своей деятельности, как в России. Например, китайские турфирмы имеют возможность обслуживать китайских туристов и на российской территории. Это очень сильно способствует нелегальной китайской миграции. В самом Китае эти люди никакого наказания не несут. Диаспоры берут на себя ответственность за отправку пойманных нелегалов в Китай, что ведет к росту коррупции и превращает китайскую диаспору в элемент внутрироссийского государственного регулирования. Важнейшей целью внешней политики китайского государства является создание крупных, экономически и политически влиятельных, национально и социально замкнутых колоний этнических китайцев (об этом говорилось выше).

Китайские правоохранительные органы уже начали вести самостоятельную деятельность на территории России. По мере расширения возможностей китайских компаний приграничной торговли расширяются и другие виды возможностей Китая на российской территории, за которыми, видимо, последуют другие действия [374].

По мнению ведущего научного сотрудника ИДВ В. Балакина, китайское правительство видит модель регионального взаимодействия с Россией в виде формулы «Поставки энергоносителей и сырья из Дальневосточного федерального округа и их глубокая переработка на мощностях в Дунбэе» (Северо-Восточном Китае). В связи с этим многие коренные дальневосточники уже сегодня испытывают серьезную тревогу по поводу своего будущего, поскольку китайские власти по нарастающей проводят зондаж местного общественного мнения путем периодических вбросов информации о возможной долгосрочной аренде местных сельскохозяйственных земель и даже морских портов под собственным управлением. Ситуация с российской интеграцией в восточноазиатский регион складывается драматичнее, чем предполагалось в самом начале XXI в. Экспортные потоки сибирских углеводородов, руд, круглого леса и электроэнергии все более надежно закрепляются за внутренним китайским рынком [375, с. 82–85].

Как отмечает Н. Прохорова, китайская промышленно-хозяйственная деятельность приводит к быстрому разрушению экосистемы Амура. Уровень применения химических удобрений здесь превышен в 2 раза по китайским нормам и в 6 — по европейским. «Китайская сторона предпринимает меры по осушению акватории со стороны своего берега, а также стремится к искусственному расширению площадей прибрежных островов. Со стороны КНР ведутся интенсивные берегоукрепительные работы на протоке Казакевича. По данным пограничников, только в 2010 г. российский берег Амура отступил больше чем на 10 м. В результате линия фарватера Амура постепенно смещается в сторону российского берега». Н. Прохорова подчеркивает, что сложившееся положение является закономерным итогом политики Китая в отношении реки Амур на протяжении, как минимум, последних 50 лет, которая базировалась на следующих принципах:

Приобретение Китаем обширной части акватории Амура. В действиях, последовавшие в этом направлении, входило достижение КНР соглашения с СССР (1964 г.), а затем и с РФ (1991 г.) по проведению границы между двумя странами по фарватеру реки. Приобретенные в результате этого возможности позволили Китаю предпринять меры, направленные на смещение фарватера реки к российскому берегу, про-

водить на своей стороне насыпные работы по укреплению своего берега и расширению площади островов в собственной акватории, а также проводить работы по осушению почв в местах протекания протоков в бассейне Амура. При этом следует заметить, что из всего ряда проектов СКИВР (схемы комплексного использования водных ресурсов), а затем СКИОВР (схема комплексного использования и охраны водных ресурсов) пункт о рассмотрении влияния ГЭС и системы водохранилищ на режим течения реки по инициативе КНР настоятельно исключался. Влияние данных объектов на экологическую ситуацию в районах, находящихся ниже по течению реки, не учитывалось.

Создание условий, при которых Амур превратился бы в реку, регулирующую при помощи каскада плотин и водохранилищ. Активное участие в подготовке энергетических проектов СКИВР, предполагающих строительство ГЭС на главном русле Амура, а также проекты по переброске воды из Амура и его притоков во внутренние районы Китая. Масштабное осуществление этих мер в виде, предлагаемом китайской стороной, способствовало бы резко уменьшению стока Амура и пересыханию ряда экосистем в его бассейне, особенно в низовьях реки. Это привело бы к комплексному изменению значимых для климата показателей влажности, температур, качества воды, рыбных запасов и фауны в местах строительства водохранилищ и плотин. Перечисленные мероприятия, ввиду их масштабности, способствовали бы превращению огромных территорий по берегам Амура в нежилую зону [376].

Заместитель директора ИДВ В. Портяков подводит некий промежуточный итог развитию российско-китайских экономических отношений. В его работе дается исчерпывающая статистика по российско-китайской торговле и по соотношению экономических потенциалов. В 2010 г. Россия занимает 13-е место среди торговых партнеров КНР (1,86% от оборота, в 1993 г. было 3,92%). Для России Китай — первый партнер, 9,49% оборота (в импорте — 17,04%). В китайском экспорте в Россию доля машин и оборудования достигла 38,4% (11 381,6 млн долларов), в импорте — 1,44% (372,2 млн долларов). Далее автор пишет: «Данная ситуация свидетельствует о существующей уже сегодня явно большей экономической зависимости России от Китая, чем Китая от России. Продолжение этой тенденции означало бы все более глубокое вовлечение России в экономическое пространство Китая.

Сложившиеся к настоящему времени вышеохарактеризованные доминирующие тенденции двусторонней российско-китайской торговли не позволяют в полной мере считать ее полноценным фактором соразвития двух стран. Чтобы добиться от взаимной торговли качества со-

развития, необходимо реально развивать на территории России перерабатывающую промышленность, в т.ч. новые высокотехнологичные отрасли, продукции которых будет гарантирован массовый сбыт не только в России, но и в Китае» [377]. Более коротко и эмоционально те же итоги подвел М. Титаренко: «Подписаны сотни соглашений, объявлено о многих программах, выгодных, стратегически важных проектах сотрудничества. Но где результаты?» [325, с. 9].

О том, как китайская сторона видит экономические отношения между РФ и КНР, в частности — приграничную торговлю, можно судить, например, по статье начальника управления пограничной торговли провинции Хэйлуцзян Цай Кайфу, которая уже цитировалась в главе III, посвященной проблемам миграции. Ценность данной статьи в том, что ее автором является крупный государственный чиновник и она представляет собой не столько научную работу, сколько директивный план.

«Различные компании не должны противодействовать друг другу, важно сотрудничать и взаимодействовать, преодолевать трудности сообща. Нельзя блюсти только свои частные интересы в ущерб интересам государства».

«Важно поощрять крупные и средние предприятия на перемещение оборудования, техники, рабочей силы в страны СНГ, создание СП и предприятий со 100%-ным китайским капиталом».

«Следует поддерживать тесные связи с исследовательскими отделами провинциального парткома и правительства, а также представителями научно-теоретической сферы с целью получения теоретического обоснования для приграничной торгово-экономической деятельности. С другой стороны, важно также укреплять наши связи с посольствами и консульскими учреждениями за рубежом, с иностранными административными ведомствами, информационными органами и судебными инстанциями, с тем, чтобы внешнеэкономическая деятельность пользовалась их поддержкой, получала от них указания и имела информационное и юридическое обеспечение» [145]. Очевидно, что внешнеторговая деятельность китайских предприятий находится под жестким государственным контролем (вплоть до «получения указаний»), они действуют в рамках единой государственной стратегии.

Еще более четко китайская стратегия экономических отношений представлена в материалах состоявшейся в мае 2001 г. в Харбине конференции по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству между Дальним Востоком РФ и провинцией Хэйлуцзян.

Президент Академии общественных наук провинции Цюй Вэй заявил, что необходимо объединить усилия двух стран для освоения не-

фтяных и лесных ресурсов, определив эту задачу как важнейшую для правительств обеих стран. Необходимо «удовлетворить неуклонно растущие потребности Китая в нефти и лесе». *«Россия может обращать в валюту свои природные богатства, а Китай обменивать на сырье свои финансовые и людские ресурсы».* *«России следует проводить льготную политику по отношению к Китаю в плане участия Китая в освоении восточных районов, поощрять китайских предпринимателей еще активнее внедряться в восточные районы, принимать участие в освоении запасов нефти, природного газа, леса и других природных богатств».* Китай готов предоставить рабочую силу для прокладки нефте- и газопроводов, чтобы в ближайшие 10 лет получить 50 млн т нефти и 10 млрд куб. м газа за 10 млрд долларов. Он также готов предоставить несколько сот тысяч свободных лесорубов, чтобы в 10 раз увеличить поставки леса из России в Китай, поскольку сам Китай вырубки сократил по экологическим соображениям, а его потребности при этом растут. За поставки древесины Россия может получить еще 10 млрд долларов. Наконец, еще 10 млрд долларов РФ должна получить за то, чтобы 1 млн китайских крестьян обрабатывал бы 10% российских пахотных земель. Поскольку Сибирь слабо заселена, *«выходом из положения могло бы быть использование качественной, дешевой и многочисленной китайской рабочей силы для участия в освоении обширных районов восточной части России».* Кроме того, Россия должна *«ликвидировать сверхвысокие таможенные тарифы»* и *«покончить с отсутствием общественного порядка и разгулом мафии».* Эти меры позволили бы снять препятствия к развитию отношений.

Зампред Китайского общества международного научно-технического сотрудничества Сунь Ваньху предложил создать группу из наиболее авторитетных китайских специалистов, *«которые будут главным образом заниматься отслеживанием результатов научных исследований в России и других странах СНГ по важнейшим направлениям науки и техники, выделять на основе анализа те направления исследований, которые являются передовыми в техническом отношении, и те результаты, которые можно было бы использовать в Китае. В то же время необходимо изучать научные кадры России и других стран СНГ, их позицию, уяснять, подходят ли они для обмена и могут ли быть использованы для работы в Китае».* Предлагалось развивать китайские парки высоких технологий, где российские технологии внедрялись бы в китайское производство. Российские ученые получали бы в них высокую заработную плату, *«вознаграждение за работу в Китае должно быть пропорционально вкладу работающего».* Необходимо *«готовить к отправке в страны*

СНГ группы по изучению состояния науки и техники, которые можно было бы использовать в Китае» [146].

Главный редактор газеты Академии общественных наук провинции Хэйлуцзян «Яобао» Чэнь Бэньцай предлагает поощрять освоение российского рынка народными предприятиями Китая, «экспортировать как трудовые услуги, так и капитал. Деятельность иностранных компаний в России создает новые рабочие места, представляет возможность для трудоустройства россиян». Предполагается, что процесс должен быть двусторонним, в Китай из России должны привлекаться высококвалифицированные кадры. «Мы должны активно создавать условия для притока этих кадров, приглашать на работу в провинцию Хэйлуцзян ученых, ИТР, элиту в областях культуры, спорта и образования из России» [378, с. 31–32].

Директор Института России Хэйлуцзянского университета Ли Чжуаньсюнь отмечал низкую емкость товарного рынка Дальнего Востока из-за слабого развития экономики и небольшой численности населения. «Преследуя цель освоения товарного рынка Дальнего Востока, мы не должны ограничиваться только торговлей. Для освоения товарного рынка Дальнего Востока необходимо применять стратегию “выхода”, что означает поощрение участия китайских предприятий в разработке природных ресурсов на территории России и строительства заводов по переработке сырья, что даст возможность китайской стороне экспортировать материалоемкие товары и сырье и импортировать машины и оборудование» [379, с. 39].

Главный научный сотрудник Института Сибири АОН провинции Хэйлуцзян Сун Куй писал: «Российские специалисты имеют высокий уровень квалификации и творческие способности, к тому же уровень их зарплаты невысокий, поэтому совместное освоение высокотехнологичной продукции с использованием китайской стороной российских высоких технологий и кадров представляется чрезвычайно перспективным, оно может иметь высокий экономический эффект. ...Представляется необходимым участие правительства в китайско-российском научно-техническом сотрудничестве и использовании экономических рычагов для поощрения привлечения российских технологий и специалистов. Предлагается принять правительственные решения, направленные на создание благоприятных условий для привлечения российских специалистов, разработать документы, определяющие критерии оплаты российских специалистов и методы поощрения посредников, привлекающих российских специалистов» [380, с. 58–59].

Хань Фэн представляет себе российско-китайское сотрудничество следующим образом: «В технико-экономическом сотрудничестве необ-

ходимо широко использовать китайскую рабочую силу и технологии, российские ресурсы и капиталы третьих стран, осуществлять глубокую переработку российского сырья, превращая его в готовый продукт. Особое внимание следует уделить использованию китайской рабочей силы для освоения земельных и лесных ресурсов России» [381, с. 43].

Фэнь Юйцзюнь считает, что правительствам РФ и КНР следует как можно раньше разработать двусторонний проект экономической миграции и в соответствии с реальными потребностями российского рынка трудовой силы определить надлежащие объемы сотрудничества по трудовой миграции, потребности по отраслям, сроки пребывания в России и каналы возвращения в Китай, социальные гарантии и условия обеспечения безопасности. Китайская сторона может на основе общего планирования в плановом порядке готовить обучение русскому языку и профессиям студентов вузов [140].

Вице-президент Китайского института международных проблем Жуань Цзунцзэ указывает на то, что Россия не желает быть сырьевой базой, а Китай хочет увеличить импорт энергоресурсов и увеличить экспорт высокотехнологичной продукции. Россия считает, что может участвовать в модернизации предприятий Северо-Востока Китая, однако большинство этих предприятий предпочло бы приобретать оборудование на Западе [382].

В целом, как считает профессор ИСАА В. Гельбрас, если Россия будет оставаться в стагнирующем состоянии, пренебрегать подъемом Восточной Сибири и Дальнего Востока, вопрос решится экономическим путем, без всяких угроз. КНР в поисках сырьевых ресурсов и накопления валютных резервов уже приступила к экспорту капитала. Китай будет укреплять и расширять свое присутствие на российском рынке, что приведет к постепенному созданию прочных экономических и других связей, для которых политическая интеграция просто необязательна. «В России и КНР получила широкое распространение точка зрения, согласно которой экономики двух стран являются взаимодополняющими. На самом деле подобные утверждения иллюзорны» [143, с. 290].

Нельзя однозначно оценить и заключение крупных контрактов на поставки в Китай энергоносителей из РФ. С одной стороны, такое решение кажется разумным, поскольку позволяет снизить напряженность энергетической проблемы для Китая. С другой стороны, здесь возникает ряд весьма опасных моментов. Во-первых, может возникнуть ситуация, когда Китай окажется единственным покупателем энергоносителей (по крайней мере — на Востоке). В этом случае покупатель будет диктовать цену продавцу, а не наоборот, что особенно вероятно, учитывая

чрезвычайно жесткий стиль ведения бизнеса, характерный для китайской деловой культуры. Во-вторых, сегодня есть сомнения, что российские нефтяные и газовые компании способны одновременно выполнить европейские и китайские контракты по объемам и срокам поставок. Учитывая указанный стиль ведения бизнеса в Китае и полное подчинение здесь бизнеса государству, китайская сторона может потребовать выплаты неустойки либо в денежной форме, либо, что более вероятно, путем передачи в собственность месторождений с допуском на них китайского персонала, а также трубопроводов.

Ситуация еще более усугубляется тем, что прямыми конкурентами России в области поставок нефти и газа в Китай выступят страны Центральной Азии (Казахстан, Узбекистан, Туркмения), которые кроме поставок собственного сырья могут стать транзитными странами для аналогичных поставок из стран Ближнего и Среднего Востока, в первую очередь — из Ирана [18, с. 191–198]. Это, с одной стороны, создаст базу для экспансии Китая в данный регион, о чем уже говорилось выше, с другой — породит ситуацию, когда на локальном рынке имеется несколько (не менее пяти) продавцов одного и того же товара и всего один покупатель (по сути, такая ситуация уже складывается сегодня, поскольку контракты на поставку нефти и газа в Китай заключили Казахстан, Узбекистан и Туркмения). Совершенно очевидно, что ценовой диктат Китая в данной ситуации будет абсолютным, а, учитывая тот факт, что себестоимость добычи нефти и газа в РФ самая высокая из всех стран-продавцов, поставка энергоносителей в Китай для российских компаний может оказаться прямо убыточной [383; 384; 385; 386]. Китай путем «перекоммутации» на себя трубопроводов не только намерен активизировать новые источники углеводородов в Центральной Азии, но и перенаправить на себя уже имеющиеся ресурсы, которые поступают или поступили бы в Россию в будущем. Переброска энергопотоков в этом регионе с западного направления на юго-восточное знаменует собой сдвиг в региональной расстановке сил, поскольку благодаря ей происходит ограничение позиций РФ как монотранзитера центральноазиатских углеводородов [387, с. 118].

Вообще, через механизмы ШОС Китай ведет активную экономическую экспансию в Центральную Азию, которая для него является не только источником ресурсов, но и «мостом» на Ближний и Средний Восток. В настоящее время 90% внешнеторгового оборота Киргизии приходится на Китай [198]. Как пишет аспирантка ИДВ И. Бесстремьянная, в ближайшее время предполагается начать строительство железной дороги из СУАР до Ирана и Турции через Киргизию, Узбе-

кистан и Туркмению. «Проект предполагается реализовать по линии ШОС, что свидетельствует о дальнейшем росте экономического влияния КНР в этой организации на фоне практически незаметной хозяйственной роли России» [197, с. 228]. И. Бояринцев отмечает, что форсирование Китаем, Ираном и другими странами создания трансконтинентальной железнодорожной магистрали Азия — Европа через среднеазиатские республики (ТРАСЕКА, «Шелковый путь») создает угрозу потери Транссибом части транзитного грузопотока. КНР, США и ЕС — серьезные противники «российской идеи» — «моста» между тремя регионами интенсивного развития. Они активно лоббируют создание нового «Шелкового пути» (южнее Транссиба в обход России). «Ныне Китай активно рекламирует этот маршрут, подчеркивая, что он имеет интернациональный характер и учитывает интересы многих стран» [388, с. 112]. Старший научный сотрудник ИДВ С. Сазонов считает, что лоббирование Китаем многочисленных трансконтинентальных путей в обход России носит не только экономический, но и политический характер. Это инструмент влияния на страны Центральной и Южной Азии [389]. Аналогичного мнения в более широком плане придерживается У Сэчжи: *«Создание ШОС соответствует политическим и экономическим интересам Китая в Центральной Азии, повышает его влияние на бывшие социалистические республики. Они утрачивают роль геополитических объектов стратегии США и России и проникаются все большим доверием к Китаю»* [390, с. 68]. Более того, китайские эксперты и политики ревностно относятся к развитию трехстороннего Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии и к ЕврАзЭС [131, с. 87]. Как писал уже цитировавшийся выше Ван Хайюнь, по мере быстрого роста в последние годы комплексной государственной мощи России стало настоятельным требование многочисленной элиты и российской публики о восстановлении эффективного контроля над традиционной сферой влияния. Подобное мышление носит характер диктата и исключения других, не отвечает главному течению нашей эпохи и потому должно вызывать сопротивление зачисленных в эту сферу малых и средних государств и отпор со стороны исключаемых крупных держав [391]. Подобная позиция в отношении действий России в СНГ не просто солидаризируется с позицией США, но является даже более жесткой, чем американская.

Своеобразным апофеозом крайне неравноправных экономических отношений двух стран стала «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы)»,

впервые опубликованная 12 октября 2009 г. на сайте газеты «Ведомости». Она предполагает переход под контроль Китая большей части месторождений полезных ископаемых во всех регионах к востоку от Красноярского края, т.е. практически на половине территории страны, включая Магаданскую область, Сахалин, Камчатку и Чукотку, где до сих пор китайское присутствие было достаточно ограниченным из-за отсутствия наземных коммуникаций.

Всего на территории России под действие «Программы» попадают не менее 30 месторождений полезных ископаемых, 3 предприятия по их переработке, 24 деревообрабатывающих предприятия, 7 сельскохозяйственных предприятий, 2 предприятия по разливу питьевой воды, 5 предприятий по вылову и переработке морских биоресурсов. К сфере промышленности, энергетики и транспорта можно отнести 5 цементных и 2 кирпичных заводов, предприятие по переработке нефрита, комплекс по производству поликристаллического кремния, производство энергосберегающих нагревательных приборов, завод по производству стекольной и керамической продукции, 2 завода теплоизоляционных материалов, завод по производству водородного топлива, завод по производству лифтов, база по сборке электроприборов, ГЭС, 2 ТЭС, парогазовая установка, 2 ЛЭП, одна из которых предназначена для поставок электроэнергии в Китай, порт и автодорога. Предполагается построить 4 жилых микрорайона и 2 туристических комплекса. Таким образом, на 75% «Программа» ориентирована на разработку российских природных ресурсов, а к сфере высоких технологий нельзя отнести ни один из создаваемых на российской территории объектов.

Территория Северо-Востока Китая также будет охвачена «Программой». На ней предполагается разместить исключительно предприятия высокой переработки, наукоемкие производства, а также логистические и торговые комплексы. Таким образом, в случае реализации «Программы» между Россией и Китаем сложатся классические отношения колонии и метрополии.

«Программа» проанализирована в одной из работ ученых, представляющих Сибирское отделение РАН, а также научные учреждения Иркутска и Улан-Удэ. Выступая за реализацию программы и даже за ее расширение на Западную Сибирь и Северо-Запад Китая, они отмечают ряд моментов. В частности, тот, что «Программа» асимметрична с точки зрения отраслевой структуры и технологического уровня: большинство производственных проектов в России относится к освоению минерально-сырьевых ресурсов (27 проектов), лесопереработке (22), легкой и пищевой промышленности (13), производству строй-

материалов (14). А на территории Китая большинство проектов относится к высокотехнологичным отраслям — химической промышленности (17), машино- и приборостроению (18), обрабатывающим производствам (41). Сибирские ученые пишут следующее: «Многие в Китае понимают, что есть пределы роста (и ограничения — технологические, ресурсные, территориальные и др.), как это уже было в истории других стран, и одна из возможностей обеспечения долгосрочного устойчивого развития — внешняя экспансия» [392, с. 64]. Отмечают они также и то, что примеры обустройства китайских диаспор в странах тихоокеанского региона показывают их способность быстро брать под контроль значительную часть местных предпринимательских и финансовых процессов, поэтому надо чрезвычайно осторожно подходить к использованию китайской рабочей силы в ходе реализации «Программы». В заключение сибиряки подчеркивают, что, «развивая отношения с Китаем, нужно учитывать, что в любом деле, особенно во внешней политике, в этой стране принято “двигаться вперед, закрепляя за собой позиции”. Любая уступка в Азии расценивается не как решение проблемы, а как проявление слабости, за которой последует требование новой уступки. Открывая “двери” в Азию, необходимо знать и учитывать особенности азиатского менталитета» [392, с. 69].

Выводы

Уже сегодня российско-китайское сотрудничество выливается в экономический и политический диктат Китая при полном игнорировании реальных интересов России. Китайская сторона открыто противопоставляет понятия «партнерство» и «союзничество». Хорошо скоординированная деятельность китайских экономических субъектов направлена на выкачивание из России ее природных и интеллектуальных ресурсов, альтернативные варианты экономического сотрудничества являются откровенно иллюзорными. В России нет ничего, напоминающего целостную концепцию отношений с Китаем, а предложения по этому поводу откровенно внутренне противоречивы. С одной стороны, предлагается максимально расширить экономическое сотрудничество, с другой стороны, подчеркивается, что такое расширение грозит, как минимум, закреплением сырьевой ориентации России, как максимум — отторжением ее территорий в пользу Китая. Идея переориентации машиностроения Дальнего Востока на Китай, во-первых, видимо, уже утратила актуальность, во-вторых, это закрепляет технологическую отсталость предпри-

ятий, делает их частью не российской, а китайской экономики, приводит к их немедленному банкротству, если Китай вдруг отказывается от их продукции. Китайские компании и предприятия в отношениях с другими странами, включая, разумеется, и Россию, руководствуются не только чисто рыночными правилами, а и политическими директивами государственной власти (которая руководствуется национальными интересами КНР), поэтому такая привязка невозможна, она превратится в диктат потребителя.

Таким образом, если руководствоваться фактами, а не соображениями политической корректности, то следует признать, что экономическое сотрудничество Дальнего Востока с Китаем в стратегическом плане является вредным для России, причем способов изменения данной ситуации не существует. Политическое сотрудничество с российской стороны является продолжающимся 20 лет самообманом, ведущим к закреплению все более подчиненного положения России по отношению к Китаю.

ГЛАВА IX.

ОТНОШЕНИЯ РОССИИ СО СТРАНАМИ АЗИИ В АСПЕКТЕ СДЕРЖИВАНИЯ КИТАЯ

Страны, в соответствии с китайскими взглядами входящие во «внутренний пласт безопасности» КНР [245], который Китай считает необходимым держать под контролем с помощью экономических, политических и военных мер, представляются наиболее естественными союзниками России с точки зрения сдерживания китайской экспансии. Если оставить в стороне страны СНГ (в данном случае — Казахстан, Киргизию, Таджикистан), отношения России с которыми носят особый характер, среди стран дальнего зарубежья наибольший интерес представляют в данном аспекте Индия, Вьетнам, Монголия и обе Кореи. Весьма полезным мог бы быть и союз с Японией, однако крайне неконструктивная позиция этой стране по курильской проблеме делает его в настоящее время невозможным.

Наиболее важными для России представляются ее отношения с Индией. Эта страна имеет традиционно прочные связи с СССР/Россией, в т.ч. (и в первую очередь) — в военной сфере, между Москвой и Дели отсутствуют какие-либо фундаментальные противоречия. С другой стороны, Индия имеет столь же традиционно враждебные отношения с Китаем.

Китай и Индия, имеющие очень схожую структуру экономик, являются прямыми конкурентами как в импорте (в доступе к рынкам сырья, в котором обе страны испытывают серьезный недостаток), так и в экспорте (обе страны ориентируются на производство промышленных товаров для рынков развитых стран). Это само по себе резко усложняет сотрудничество. Не менее серьезным препятствием для него являются политические разногласия. Речь идет о территориальных спорах на ряде участков границы между двумя странами [128, с. 289–348; 393], а также о проблеме Тибета. В последнем случае Дели рассматривает Пекин как оккупанта (хотя прямо этого и не декларирует), а для Пекина Дели — прямой пособник тибетских сепаратистов.

Нельзя не видеть, что Пекин проводит целенаправленную политику военного «окружения» Индии, о чем говорилось в главе IV. Главный

геополитический противник Индии — Пакистан — с 60-х гг. XX в. является важнейшим стратегическим союзником Китая (в связи с этим ряд индийских политологов высказывает мнение, что Пакистан — «дружественная, но заблудшая нация», ставшая «послушным орудием» Китая) [394; 395]. Находящаяся на востоке от Индии Мьянма (Бирма) находится в очень высокой степени зависимости (политической, экономической, военной) от Пекина. Чрезвычайно активно идет проникновение Китая в Бангладеш. В отношениях Пекина с Исламабадом, Янгогом и Даккой очень заметна военная составляющая. Причем если раньше речь шла лишь об экспорте китайского оружия в эти страны, то теперь — и о строительстве китайских военных баз (в первую очередь — ВМБ) на их территориях. В данном случае Китай пользуется тем, что соседние с Индией страны опасаются ее гегемонизма [396].

Хотя в последние годы произошло внешнее улучшение китайско-индийских отношений в экономической, политической и военной областях, между ними сохраняется высокий уровень недоверия [24, с. 284–294]. К прежним политическим причинам добавились торговый дисбаланс в пользу Китая и конкуренция за энергоресурсы (в Анголе, Казахстане, Нигерии) [397]. Индия пошла на уступки в тибетском вопросе, признав суверенитет Китая над Тибетом, но не получила никаких взаимных уступок [168]. Китай является единственной из пяти стран — постоянных членов Совета Безопасности ООН, блокирующей получение Индией аналогичного статуса [395]. В Китае считают, что в Южной Азии Индия идет по пути милитаризации и является основным источником напряженности [245].

При этом практически нет сомнений в том, что противоречия между Пекином и Дели будут лишь нарастать, поскольку они являются потенциальными сверхдержавами XXI века. Если руководствоваться упомянутой в главе V концепцией «комплексной мощи государства», Индия входит в четверку сильнейших стран мира (наряду с США, Китаем и Россией). Учитывая вышеупомянутые противоречия, она практически обречена на конфликт с Китаем. При этом, будучи пока самой слабой в этой четверке, Индия была бы заинтересована в союзе с кем-то из двух других ее членов. Россия с этой точки зрения, по-видимому, имеет существенные преимущества перед США. Во-первых, по причине прочных исторических связей, во-вторых, из-за того, что угроза со стороны Китая для России несопоставимо выше, чем для США.

В этом аспекте исключительно большой вред геополитическим интересам России нанесла идея создания стратегического треугольника Москва — Дели — Пекин, которая была предложена в декабре

1998 г. тогдашним премьер-министром РФ Евгением Примаковым во время его визита в Индию. Своеобразным дополнительным подтверждением правильности данной концепции стала, как казалось, идея группы БРИК (Бразилия — Россия — Индия — Китай), которая была представлена в аналитической записке банка *Goldman Sachs* в ноябре 2001 г.

При этом нельзя не видеть явной искусственности обеих концепций. Единственной целью «треугольника», предложенного Примаковым, должно было стать противостояние Москвы, Дели и Пекина «гегемонии Запада» (в первую очередь, естественно, США). По сути, это противостояние рассматривалось в качестве самоцели, никакой конструктивной составляющей у идеи «треугольника» не было (в этом плане она очень напоминала описанное в главе VIII «стратегическое партнерство» между РФ и КНР с российской точки зрения). Что касается аналитической записки банка *Goldman Sachs*, в ней речь шла лишь о том, что суммарный ВВП стран, объединенных аббревиатурой БРИК, к 2050 г. должен превысить суммарный ВВП «Большой семерки» (США, Великобритания, Франции, Германии, Италии, Канады, Японии). Естественно, никакого политического объединения Бразилии, России, Индии и Китая в записке не предполагалось.

При этом, однако, Москва на протяжении уже более чем 10 лет принимает значительные усилия по институционализации сначала «треугольника», а затем и БРИК (а теперь и БРИКС, с добавлением ЮАР). Удалось провести несколько саммитов в данных форматах (в т.ч. и на уровне глав государств), однако пока они никаких реальных результатов не дали, все мероприятия заканчиваются лишь принятием бессодержательных, никого ни к чему не обязывающих деклараций. Индийский профессор М. Моханти специально подчеркивает, что «треугольник» ни против кого не направлен, не является союзом и не препятствует любому из участников в укреплении партнерских отношений с другими странами [398]. Как отмечает старший научный сотрудник ИДВ С. Шарко, до реального хозяйственного взаимодействия всех столь экономически разных стран еще далеко. Формирование БРИКС ныне в большей степени способствует повышению политического авторитета пяти стран-участниц в их собственных глазах [399]. Чжоу Юншэн, представляющий Дипломатическую академию КНР, приветствуя развитие отношений между Россией, Китаем и Индией, подчеркивает, что они не нацелены «против кого-либо и не являются союзными отношениями. Это лишь инструмент обмена мнениями по глобальным проблемам» [203, с. 50].

Причинами этого являются искусственность обеих геополитических конструкций, отсутствие в них конструктивной составляющей, незаинтересованность Дели и Пекина в конфронтации с Западом ради самой конфронтации, серьезные противоречия между самими Дели и Пекином. В частности, предметом разногласий является практически вся китайско-индийская граница, площадь спорных территорий — 130 тыс. кв. км. Позиции сторон по этой проблеме остаются непримиримыми. Китай отказывается даже обсуждать полноправное членство Индии в ШОС, хотя Россия очень активно настаивает на приеме Дели в эту структуру [131].

Как было сказано выше, для Дели предельно актуальным является вопрос поиска союзников для сдерживания Пекина, а отнюдь не дружба с самим Пекином. Практически нет сомнений, что если бы Москва предложила такой союз, Индия бы отнеслась к нему весьма положительно. Навязываемый же Москвой «треугольник» никакого интереса для Дели не представляет, поскольку не отвечает его основным стратегическим целям. Нельзя также не отметить, что если бы Дели захотел установить «особые» отношения с Пекином, посредничество Москвы для этого было бы совершенно ни к чему, это можно было бы сделать напрямую (это подтверждает, например, статья Чжоу Гана, который выступает за улучшение китайско-индийских отношений совершенно безотносительно к России [400]). Кроме того, с Пекином Дели может общаться, например, внутри формата «Двадцатки».

Поскольку Москва не может (точнее — не хочет) быть потенциальным союзником Дели против Пекина, Индия автоматически начинает сближение с Западом. Тем более что ее отношения с ним всегда были достаточно ровными из-за отсутствия политического антагонизма (Индия подчеркнуто гордится статусом «крупнейшей демократии мира»). В последнее время очень заметно форсированное сближение Дели с Вашингтоном, особенно в военной области. В этих условиях реализация концепции «треугольника», основной (точнее, единственной) целью которого является противостояние Западу, становится совершенно нереальной.

Дополнительным фактором является ухудшение отношений между Дели и Москвой в области военно-технического сотрудничества. С одной стороны, руководство России готово продавать Индии либо создавать совместно с ней вооружения практически всех классов, включая истребители 5-го поколения, авианосцы и атомные подводные лодки. Индия, геополитические амбиции которой быстро растут, естественным образом также заинтересована в подобном сотрудничестве. С дру-

гой стороны, качество российских вооружений, их цена и скорость выполнения контрактов вызывают у Дели все больше нареканий, многие контракты приводят к конфликтам и скандалам. В условиях, когда на индийский оружейный рынок начинают активно выходить США (причем они тоже предлагают Индии практически любое вооружение), это может привести к дальнейшему ослаблению связей между Дели и Москвой в той единственной сфере, где эти связи пока позволяют говорить о стратегическом партнерстве между странами. В США «многие считают Индию очень ценным партнером в Азии, который может стать противовесом растущему влиянию Китая» [401, с. 90].

Нельзя не отметить, что, несмотря на это, военно-техническое сотрудничество между Индией и Россией вызывает крайнее недовольство Пекина (что является дополнительным подтверждением того, что никакой «треугольник» невозможен, если одна из его «сторон» так негативно относится к военным контактам между двумя другими «сторонами»). Особенно китайское руководство недоволено тем, что Россия продает Индии вооружения более высокого качества, чем Китаю. Например, Россия поставляет истребители-бомбардировщики Су-30МК как Индии, так и Китаю, однако модификация, предназначенная для Индии (Су-30МКИ), обладает более высокими ТТХ, чем модификация, предназначенная для Китая (Су-30МКК). Крайне недоволен Китай и тем, что Москва предложила Индии, но не КНР участвовать в разработке истребителя 5-го поколения [274; 336; 402].

При этом Китай совершенно не заинтересован в конфронтации с Западом в качестве самоцели. Ему чрезвычайно важен доступ к западным рынкам и технологиям, без этого невозможно не только проведение реформ, но практически гарантированы очень серьезные социальные потрясения внутри страны, о чем говорилось в предыдущих главах. Соответственно, конфронтация с Западом под руководством своего сырьевого придатка (в который, как было сказано выше, уже де-факто превратилась Россия) и в союзе с главным геополитическим соперником (Индией) для Пекина совершенно исключена. Тем более, надо учитывать тот факт, что Китай вообще отказывается участвовать в каких-либо международных коалициях, если это требует от него любых реальных политических, не говоря уж о военных, обязательств. Как пишет по поводу БРИКС проректор Института международных отношений, профессор Цинь Яцин, эти страны не настолько дружелюбны, чтобы создавать союзы, между ними имеют место конкуренция и противоречия: так, между Китаем и Индией иногда возникают конфликты. При этом их интересы во многом совпадают в международных де-

лах. Они не посягают на ведущую роль США и не создают союзы, направленные против третьих стран [403].

Таким образом, ни Дели, ни Пекин участвовать в создании «треугольника» в том формате и для тех целей, что предлагает Москва, не будут, потому что это противоречит их интересам. Максимум, на что они готовы идти, — ни к чему не обязывающие декларации или совместные заявления по вопросам, где общность позиций очевидна без всяких деклараций и институционализации (типа борьбы с терроризмом или с природными и техногенными катастрофами). Однако такого рода заявления могут делать любые три произвольно взятые страны. При этом Россия из-за принципиальных ошибок в целеполагании утрачивает важнейшего союзника.

Отчасти аналогичная ситуация складывается в отношениях России с другим важнейшим потенциальным союзником — Вьетнамом. С этой страной у СССР/России сложились даже еще более тесные отношения, чем с Индией (в первую очередь, также, в военной области), однако в постсоветский период интерес Москвы к Ханюю заметно снизился.

Отношения России с Вьетнамом следует рассматривать в контексте общей политики Китая в Юго-Восточной Азии. Данный регион, который в настоящее время эквивалентен понятию АСЕАН (поскольку все страны ЮВА сегодня входят в эту организацию), часто рассматривается в российской и в западной научной литературе и в СМИ как основное потенциальное направление экспансии КНР. Считается, что именно на этот регион ориентирована описанная в главе V китайская концепция «стратегических границ и жизненного пространства», которая, по сути, является обоснованием экспансии. В первую очередь, принято считать, что Китай стремится поставить под свой полный контроль акваторию и шельф Южно-Китайского моря с его биологическими и геологическими ресурсами [404].

Действительно, Пекин объявил, что считает своими всю акваторию Южно-Китайского моря и все острова этого моря. Имеет место конфликт между Китаем и Вьетнамом за Парасельские острова и многосторонний конфликт за обладание островами Спратли. На них, кроме Китая, контролирующего 7 островов, претендуют Вьетнам (занимает 27 островов), Филиппины (8), Малайзия (3), Тайвань (1). Парасельские острова являются объектом спора между Китаем и Вьетнамом. Имели место вооруженные столкновения между этими странами за контроль над некоторыми островами, в 1995 г. Китай занял один из островов, принадлежащих Филиппинам [28; 168; 405]. При этом, например, доктор исторических наук Е. Степанов, рассматривая правовую сто-

рону вопроса, считает, что Китай, претендующий на акваторию площадью более 3 млн кв. км, не имеет никаких прав на острова Спратли [221; 406; 407]. С другой стороны, Цзи Госин считает, что «Китай открыл острова Спратли более 2100 лет назад, во времена династии Хань, и непрерывно осуществлял управление островами с начала XV в.» [408]. Концепция Дэн Сяопина по поводу Южно-Китайского моря: «суверенитет сохраняется за Китаем, споры прекращаются, освоение ведется совместно» [409, с. 40].

Очевидно, что сами по себе острова, площадь которых крайне невелика, не представляют интереса с точки зрения экономического потенциала или как территория для проживания гражданского населения. Они интересны как место для размещения военно-воздушных и военно-морских баз, кроме того, принадлежность островов определяет и принадлежность прилегающего к ним шельфа, богатого нефтью. Можно сказать, что для Китая именно нефть является основным фактором, вызывающим его особый интерес к Южно-Китайскому морю [28]. Причем имеется в виду не только добыча нефти на шельфе самого этого моря, но и обеспечение безопасности проходящих через него коммуникаций, по которым в КНР поступает нефть из Африки и с Ближнего Востока.

При этом, разумеется, интересы Китая в ЮВА гораздо шире, чем контроль над нефтяными ресурсами морского шельфа. Этот регион рассматривается Пекином как чрезвычайно важный с точки зрения обеспечения безопасности страны и расширения ее сферы влияния. Китайские аналитики считают, что если бы США создали антикитайскую коалицию с участием Японии, Индии, Австралии и АСЕАН, «Китай был бы обречен на гибель» [350].

В отношениях со странами АСЕАН руководители Китая в настоящее время декларируют принципы «делать добро соседям, обращаться с соседями как с партнерами» и «поддерживать дружественные отношения с соседями, дать им возможность чувствовать себя в безопасности, помогать им становиться богаче». Китай активно пытается показать странам АСЕАН, что создает больше преимуществ, чем угроз, особенно в экономическом плане. Со своей стороны, руководство стран АСЕАН с большой тревогой относится к быстрому усилению Китая, однако усиливающаяся экономическая взаимозависимость ставит определенный предел возможному ухудшению отношений. На саммите Китай — АСЕАН в Брунее в ноябре 2001 г. принята идея создания зоны свободной торговли между КНР и АСЕАН. Начав действовать 1 января 2010 г., она стала третьей в мире по экономической мощи после ЕС

и НАФТА. Китай позиционирует себя в качестве стратегического партнера стран АСЕАН и важнейшего рынка для их товаров [24, с. 281-284; 409; 410]. Более того, известный китайский аналитик Ян Сюэтун предлагает «сделать среднесрочной стратегической целью военного строительства КНР предоставление гарантий безопасности соседним государствам» [4, с. 18]. В реальности, однако, он чаще оказывается основным конкурентом для стран АСЕАН на внешних рынках [22].

Можно предположить, что КНР стремится создать в ЮВА нечто вроде «Великой восточноазиатской сферы процветания» в новом варианте, хотя и примерно с теми же идеологическими обоснованиями (возможно, несколько менее жестко акцентированными). Если Япония в первой половине 40-х гг. XX в. пыталась создать ее с помощью военной силы, то Китай будет ориентироваться, в первую очередь, на экономическую и демографическую экспансию.

Применительно к данному региону подобный способ действий существенно облегчается для Пекина тем, что в странах Юго-Восточной Азии до 70% богатств находится в руках этнических китайцев, составляющих, при этом, всего 6% населения. Больше всего их в Индонезии (7,3 млн) и Таиланде (5,7 млн). Всего же в ЮВА проживает около 30 млн этнических китайцев. Доля китайцев в населении выше всего в Сингапуре (77%), Малайзии (до 30%) и Таиланде (10%) [141, с. 481-485; 323]. С начала XX в. Китай следовал «принципу крови», все китайцы, независимо от места рождения, считались китайскими подданными. КНР не отказалась от этого принципа. Из-за этого в странах ЮВА появилось множество лиц с двойным гражданством. Это вызвало обострение отношений, после чего Китай смягчил политику. В 1980 г. двойное гражданство было отменено [411]. Хотя сейчас Пекин отказался от политики предоставления им гражданства по «принципу крови», он все равно продолжает рассматривать «хуацяо» как проводников своих интересов в регионе. Наличие такой мощной экономико-демографической базы чрезвычайно существенно повышает влияние КНР в ЮВА и облегчает возможность экспансии, причем без применения военных средств.

Можно предположить, что Пекин рассматривает ЮВА как своеобразный тыл, обеспечивающий, во-первых, коммуникации с Ближним Востоком и Африкой, во-вторых, экспансию на север и запад, которая для КНР гораздо важнее (поскольку необходимые ему территории и ресурсы находятся именно в России и Центральной Азии), но и гораздо сложнее. В определенном смысле, здесь также повторяется образ действий Японии в 1941 г., когда она приняла решение сначала захва-

тить ресурсы на Юге, чтобы с их помощью вести экспансию на Север (против СССР). Нет особых сомнений, что в обозримом будущем КНР не рассматривает вариант прямого поглощения стран АСЕАН, Пекину достаточно того, чтобы эти страны находились от него в полной политической и экономической зависимости и не представляли бы для него даже локальной военной угрозы.

Как отмечает ведущий научный сотрудник ИДВ В. Балакин, в Пекине решили в полной мере воспользоваться благоприятно складывающейся международной ситуацией и фактически получили молчаливое одобрение со стороны США на запуск интеграционных процессов в восточноазиатском регионе. При этом на основе целенаправленного инвестиционного сотрудничества КНР фактически привязывает целые сектора экономик отдельных стран АСЕАН к потребностям своего внутреннего рынка. Китаю нужна высокая стратегическая стабильность, которая немыслима без настойчивого внедрения в сознание руководителей Японии, Индии и Республики Корея простого, но достаточно ясного факта, что «чужие» (игнорирующие китайскую модель сотрудничества) здесь вести свои дела вряд ли смогут [375].

При этом, как уже было сказано выше, применительно к ЮВА для Китая однозначно предпочтителен мирный вариант экспансии. Во-первых, для мирного варианта есть предпосылки в лице вышеупомянутых китайских общин в странах АСЕАН, имеющих, к тому же, очень серьезные экономические позиции в этих странах, а также из-за общей мощи китайской экономики. Во-вторых, военная экспансия очень сильно встревожит все остальные соседние с КНР страны, которые станут готовиться к сопротивлению. Кроме того, хотя почти все страны АСЕАН (по крайней мере, континентальные) НОАК сможет оккупировать достаточно быстро, потом ей придется столкнуться с партизанской войной в джунглях, крайне тяжелой и ресурсозатратной (несмотря даже на наличие у Китая почти неограниченных людских ресурсов), которой, безусловно, Пекин предпочел бы избежать.

Вполне очевидно, что Пекин в ходе «освоения» ЮВА будет демонстрировать дифференцированный подход к странам АСЕАН, поскольку они имеют достаточно существенные различия между собой.

Основным объектом экспансии Китая среди стран АСЕАН сейчас является Мьянма. Хотя доля этнических китайцев здесь невелика, страна весьма слаба в экономическом отношении, а главное, из-за особенностей своего режима является политическим «изгоем» для стран Запада. По сути, КНР оказывается для нее практически безальтернативным партнером и покровителем. Армия этой страны очень велика, но

чрезвычайно архаична, к тому же в последнее время Китай становится для нее основным поставщиком вооружений.

Пекин рассматривает Мьянму как «мост» к Индийскому океану. Здесь предполагается разместить ВМБ для ВМС КНР, а также построить нефтепровод от портов на побережье до Китая, что позволит танкерам, везущим нефть из Африки и с Ближнего Востока, не проходить через Малаккский пролив, опасный не только в военное, но и в мирное время (из-за действий пиратов). Кроме того, наличие такого нефтепровода вообще значительно сократит время доставки нефти в Китай. ВМБ будет использоваться ВМС КНР для обеспечения коммуникаций и для воздействия на Индию с востока.

Следующим объектом экспансии Китая будет Таиланд, который является одной из двух стран в мире (вторая — Пакистан), со времен холодной войны рассматривающихся в качестве стратегического союзника одновременно как Пекином, так и Вашингтоном. Эта страна обладает достаточно мощным военным и экономическим потенциалом, при этом имеет выход как к Тихому, так и к Индийскому океанам. Полномасштабное проникновение Китая в Таиланд до сих пор осложнялось тем, что здесь сильные позиции имеют США. Однако Китай приложит все усилия, чтобы постепенно вытеснить американцев из этой страны.

Огромное значение для Китая будет иметь Сингапур. Из-за очень высокой доли этнических китайцев в населении этой страны она рассматривается Пекином как часть «китайского мира» [412; 413; 414]. Сингапур обладает очень мощным экономическим потенциалом и чрезвычайно выгодным географическим положением на перекрестке торговых путей. При этом он является одним из важнейших союзников США в регионе. Можно предположить, что Пекин будет стремиться к понижению американского влияния в Сингапуре, которому в перспективе будет отведена роль своеобразного «внешнего Гонконга», т.е. квазине-зависимого финансового, экономического и логистического центра под китайским контролем.

Значительно сложнее для Пекина будет экспансия в островные государства АСЕАН — Индонезию, Малайзию и Филиппины. Их географическое положение снижает для КНР возможность военного давления на эти страны (несмотря на значительное усиление ВМС КНР, им все же пока не по силам проводить крупномасштабные десантные операции на значительном удалении от своих берегов), к тому же Индонезия и Малайзия обладают весьма мощным военным потенциалом. Кроме того, здесь преобладающей религией является ислам (а на Филиппинах — католицизм), что также ослабляет для Китая возможность уста-

новления контроля над этими странами. В случае с Индонезией это дополняется исторической памятью о событиях 1965 г. Наконец, эти страны являются союзниками США. Особенно это относится к Филиппинам, для которых союз с Вашингтоном отчасти компенсирует собственную военную слабость.

Наибольшую проблему среди стран АСЕАН для КНР представляет, безусловно, Вьетнам, который, по определению В. Балакина, сегодня постепенно становится самой актуальной точкой геополитического соперничества великих держав на карте Восточной Азии [375, с. 49]. Здесь менее значим фактор «хуацяо», сама по себе полусоциалистическая экономическая система Вьетнама затрудняет экономическую экспансию Китая, а авторитарный режим препятствует демографической экспансии. При этом Вьетнам обладает очень мощными (хотя и несколько архаичными) ВС, которые, как показали войны с Францией, США и тем же Китаем, обладают исключительно высокой боеспособностью (из-за этого Вьетнам имеет репутацию «Пруссии Юго-Восточной Азии»). Память о китайско-вьетнамской войне 1979 г. очень сильно влияет на отношения между странами, как и вышеупомянутые споры за Парасельские острова и острова Спратли.

В последнее время отношения между Пекином и Ханоем улучшились, проведена демаркация сухопутной границы, снизилась напряженность в акватории Южно-Китайского моря [128, с. 381–430]. Налаживаются экономические связи. При этом, однако, стороны продолжают считать друг друга потенциальными противниками (полностью аналогичная ситуация сегодня имеет место в отношениях между Пекином и Дели). Примечательно, что лишь три страны АСЕАН китайские аналитики рассматривают в качестве потенциальных противников. В порядке убывания степени угрозы это Вьетнам, Индонезия и Филиппины (главным же внешним противником в этом списке является Россия) [415].

В последнее время Китай приступил к строительству военных аэродромов на Парасельских островах. Благодаря этому (в сочетании с многочисленными авиабазами на острове Хайнань) ВВС Китая могут наносить удары практически по всей территории Вьетнама. Со своей стороны, Вьетнам активно укрепляет свои ВС, в первую очередь — авиацию, ПВО и флот. В России закупаются ЗРС С-300П, истребители Су-27 и Су-30, фрегаты пр. 1166, ракетные катера пр. 12411 и корветы пр. 12418 [177, с. 72; 271, с. 160–165]. Хотя сегодня Вьетнам не имеет подводного флота, в случае приобретения им 6 ПЛ пр. 636, которые уже заказаны в России (две первые уже спущены на воду и проходят испытания), он сразу станет обладателем самых мощных подводных сил среди стран

АСЕАН. В результате ВС Вьетнама становятся гораздо более современными и сбалансированными, чем в настоящее время. Хотя по своей мощи они в любом случае останутся в разы меньше НОАК, тем не менее, они будут обладать достаточным потенциалом, чтобы (с учетом высокой боевой выучки) считаться чрезвычайно серьезным противником, особенно для относительно слабых южных военных округов НОАК.

Можно предположить, что будет усиливаться борьба между Пекином и Ханоем за влияние на очень слабые в военном и экономическом отношении Лаос и Камбоджу. Установив свой контроль над этими странами, Пекин, по сути, полностью окружит Вьетнам, поставив его в крайне сложное положение. Однако влияние Ханоя на эти страны традиционно сильно еще с 70-х гг. XX в. и пока оно сохраняется (особенно в Лаосе). Кроме того, следует ожидать укрепления связей между Вьетнамом и Индией, причем потенциально к этому союзу, имеющему очевидную антикитайскую основу, могут примкнуть Индонезия и Малайзия. Вообще, Индия может попытаться усилить свои позиции в ЮВА, чтобы предотвратить полное стратегическое окружение Китаем [416].

Таким образом, возможное возникновение союза между Дели и Ханоем, который будет носить заведомо антикитайский характер, значительно облегчало бы Москве встраивание в этот союз. Треугольник «Москва — Дели — Ханой» представляется гораздо более естественной геополитической конструкцией, чем «Москва — Дели — Пекин». Его успешному функционированию чрезвычайно способствовало бы сохраняющееся военно-техническое сотрудничество России с Индией и Вьетнамом. Однако здесь необходимо четкое целеполагание в плане создания подобного союза с антикитайской направленностью и, естественно, осознанная координация действий участников в политической, военной и военно-технической сферах.

В этом плане значительный вред позициям России нанес ее уход из ВМБ Камрань (922-й ПМТО ВМФ РФ) во Вьетнаме в 2002 г., которая была крупнейшим российским зарубежным военным объектом. Ханой традиционно рассматривал эту базу на своей территории именно в плане сдерживания Китая, соглашение о ее создании было подписано сразу после китайской агрессии против Вьетнама в 1979 г. Утрата Ханоем интереса к сохранению этого объекта произошла не только и не столько из-за сокращения российского военного присутствия на нем, сколько из-за сближения Москвы и Пекина, т.е. утраты в глазах вьетнамского руководства Россией роли противовеса Китаю. При этом ВМБ Камрань представляла собой идеальную позицию для ведения радиоэлектронной разведки против Китая, для воздействия на его

коммуникации (в первую очередь — в аспекте поставок в Китай нефти с Ближнего Востока и из Африки) и просто в парадигме «fleet in being» в непосредственной близости от основных объектов «новой экономики» КНР на ее юго-востоке.

В результате, как и в случае с Индией, началось сближение Ханоя с Вашингтоном, несмотря на сложные исторические воспоминания о войне 1964–73 гг. [375]. В данном случае для обеих сторон необходимость поиска сильного союзника для сдерживания Китая оказалась важнее исторических проблем. В 2010 г. ВМС США и Вьетнама провели первые в истории совместные учения [405]. Чрезвычайно примечательна реакция Пекина на эти учения. Генерал-майор НОАК Ян И заявил, что Вьетнам «пожалеет» о своем решении провести совместные учения с ВМС США в спорных водах Южно-Китайского моря. Он расценил эти маневры как «вызов Пекину». *«Вьетнам затеял очень опасную игру, стравливая друг с другом две крупные державы. Боюсь, Ханой пожалеет об этом в будущем»*, — сказал генерал. Он напомнил, что КНР и Вьетнам имеют очень серьезный территориальный спор в Южно-Китайском море [417]. Тогда же гонконгская газета «South China Morning Post» опубликовала появившиеся на различных сайтах схемы якобы планируемого вторжения войск НОАК во Вьетнам с суши и моря. Комментируя эти «планы», приглашенный газетой «видный военный эксперт» Сун Сяоцзун назвал их просто «шуткой», но при этом заявил: *«Китай и Вьетнам имеют общий политический строй и должны были бы объединять усилия, чтобы противостоять США, которые являются их общим врагом. Ясно, что США пытаются разыграть вьетнамскую карту против поднимающегося Китая»* [318]. Впрочем, любую активность России в АСЕАН Китай воспринимает несколько не менее отрицательно, заранее видя в ней важнейшего конкурента и понимая, что страны ЮВА рассматривают Россию как противовес именно Китаю [375].

Таким образом, сам факт сближения с США Индии и, тем более, Вьетнама показывает, насколько большое значение для этих стран имеет поиск союзников для противостояния китайской экспансии. Соответственно, для России, с учетом значительного военного потенциала этих двух стран и традиционных глубоких связей с Россией, именно союз с ними представлялся бы идеальным сценарием.

Не менее важное значение для РФ имел бы союз с Монголией, с которой также существуют очень тесные исторические связи. Хотя демографический, экономический и, тем более, военные потенциалы Монголии крайне невелики, эта страна занимает очень важное стратегиче-

ское положение между Россией и Китаем. Оно таково, что в случае войны между РФ и КНР с применением только обычных вооружений можно сказать, что войну выигрывает та сторона, которая контролирует Монголию. Так, НОАК через территорию Монголии выходит к важнейшим центрам Восточной и даже Западной Сибири, обходя труднопреодолимый рубеж в виде озера Байкал. С другой стороны, ВС РФ с территории Монголии имеют прямой и короткий выход на Пекин в обход Маньчжурии.

При этом, хотя формально территориальные споры между КНР и Монголией урегулированы, в Китае продолжают писать о том, что само существование Монголии незаконно и вся она должна вернуться в состав Китая [128, с. 259–271]. Учитывая чисто символический размер ВС Монголии, они не способны оказать никакого реального сопротивления НОАК. Соответственно, эта страна крайне заинтересована в поиске союзников. Хотя Улан-Батор пытается устанавливать тесные отношения с Вашингтоном и Токио, совершенно очевидно, что эта политика бесперспективна по чисто географическим соображениям. Ни одна страна просто не может в случае военного конфликта Монголии и Китая оказывать Монголии какую-либо поддержку без согласия на то России. Таким образом, союз с Москвой для Улан-Батора безальтернативен. Однако политика России в отношении Монголии крайне непоследовательна и сводится к реализации отдельных экономических проектов. В итоге на Россию приходится 18,9% товарооборота Монголии, в то время как на Китай — 56% (в экспорте — 84,9%) [418]. Таким образом, происходит постепенное «втягивание» Монголии в Китай мирным экономическим путем.

Кроме того, РФ должна всячески способствовать процессу равноправного мирного объединения двух Корей. Объективно, только Россия заинтересована в таком объединении. Только она имеет нормальные, сбалансированные отношения с обеими Кореями. В. Балакин пишет, что Россия многим в Республике Корея видится как единственная держава мирового уровня, способная позитивно ответить в полном объеме на осуществление корейской национальной идеи, связанной с воссоединением страны, все южнокорейское общество ясно осознает, что кроме России рассчитывать на позитивное содействие в данном вопросе не на кого [375, с. 98].

Объединенная Корея стала бы очень мощным в военном, экономическом и демографическом отношении государством, естественным союзником РФ и естественным противовесом как Китаю, так и Японии. В связи с этим Россия, хотя и не афишируя этого, может достаточ-

но спокойно отнестись к наличию у Кореи ядерного оружия и средств его доставки.

Через объединенную Корею Россия могла бы продлить Транссиб и нефтепровод ВСТО, который будет строиться до Находки, с ориентацией на экспорт как в саму Корею, так и в Японию и страны ЮВА. Кроме того, что было бы особенно важно, корейская рабочая сила (в первую очередь, разумеется, из КНДР) могла бы заменить в восточных регионах РФ китайскую. Корейские рабочие отличаются теми же положительными качествами, что и китайские (трудолюбие и неприхотливость). При этом их пребывание в России не может стать основой для демографической экспансии. Корея не имеет ни возможностей, ни планов для нее, население даже объединенной Кореи будет вдвое меньше, чем население РФ.

Невозможно отрицать крайнюю специфичность северокорейского режима, однако она является внутренним делом КНДР. При этом руководство этой страны действительно стремится к объединению на конфедеративных принципах. Разумеется, такой вариант очень сложно реализовать политически, тем более, в нем не заинтересованы окружающие страны, поскольку ни США, ни Японии, ни Китаю не нужна мощная единая Корея со сбалансированным внутренним режимом.

Следует отдельно рассмотреть отношение КНР к данной проблеме. И в России, и в большинстве других стран принято считать, что Пхеньян является марионеткой Пекина [168]. При этом он заинтересован в сохранении статус-кво, поскольку объединение Кореи считает препятствием на пути к своему лидерству в Азии [22; 222], о чем некоторые китайские авторы пишут прямо: *«К счастью, полуостров разделен на две враждебные страны и у них недостаточно сил, чтобы противостоять Китаю... Как повлияет на Китай объединившаяся Корея?»* [415].

Коллапс режима в КНДР и/или война на Корейском полуострове, как минимум, приведет к серьезной дестабилизации ситуации на северо-востоке Китая в связи с наплывом беженцев из КНДР. Учитывая, что Китай связан с КНДР договором о взаимной военной помощи, то в случае войны между КНДР и США он вынужден будет либо вступить в войну на стороне Пхеньяна с самыми тяжелыми для себя экономическими и политическими последствиями, либо нарушить договор, подорвав свою международную репутацию. Поэтому Пекин чрезвычайно заинтересован в мирном разрешении корейского кризиса. Он отказался от прямой поддержки КНДР и добивается проведения в этой стране рыночных реформ. Поскольку такие действия приветствуются

Вашингтоном, Пекин стремится «обменять» свои действия на уступки в тайваньском вопросе [410; 419].

Юй Сяотун пишет, что Северная Корея «остаётся в сфере китайского влияния» [420, с. 41]. Однако некоторые китайские эксперты в корейском вопросе полностью солидаризируются с позицией США. В качестве примера можно привести работу Ван Чжунвэня, представляющего Тяньцзиньский университет внешней экономики. Он считает, что если КНДР приобретает ядерное оружие, это подрывает региональную стабильность и сказывается на интересах Республики Корея, Японии и Китая. Для США это неприемлемо. «Поэтому Китай должен твердо поддерживать внешнеполитическое предложение о денуклеаризации Корейского полуострова, помогать США и международному сообществу в мирном разрешении корейской проблемы». Ядерное оружие КНДР названо потенциальной угрозой для КНР, а присутствие американских войск в Корее названо стабилизирующим фактором, сдерживающим японский милитаризм, амбиции КНДР и поддерживающим равновесие между Россией и странами СВА. Ван Чжунвэнь считает, что в КНДР не испытывают ни малейшей благодарности Китаю за оказанную ранее политическую поддержку и экономическую помощь, в международных делах постоянно пренебрегается китайско-корейской дружбой, поэтому в решающие моменты Китай не может иметь полное понимание и полную поддержку со стороны КНДР. В отношении такого государства и Китай не имеет моральной ответственности оказывать вестороннюю поддержку [421].

Данная публикация свидетельствует о том, что отношения между Пекином и Пхеньяном отнюдь не являются однозначно дружественными, а также отношениями «хозяина и марионетки» (интересно, что автор также считает США сдерживающей силой по отношению к России). Это подтверждается также тем, что в начале сентября 2006 г. был опубликован доклад Китайской академии общественных наук, содержащий утверждение о том, что древние государства Чосон, Киджа, Пуе и Пархэ, на территории которых сегодня расположена Северная Корея, а также часть Южной Кореи, в древности входили в состав Китая [422], что является прямой «заявкой на экспансию». Л. Забровская пишет о том, что Китай был против назначения наследником Ким Чен Ира одного из его сыновей и выступал за коллективное руководство генералитета. В 2008 г. это привело к явному охлаждению отношений между Пекином и Пхеньяном и к смене Ким Чен Иром ряда генералов, слишком тесно связанных с Китаем [423]. Китайские военные считают, что

«если на Севере возникнет чрезвычайная ситуация, то мы сможем войти в Пхеньян в течение двух часов» [424].

Таким образом, даже КНДР, не говоря уже о Республике Корея, заинтересованы в сдерживании по отношению к Китаю и в поиске для этого стратегического союзника. Однако на эту роль не подойдет Япония в силу весьма непростых исторических отношений между Японией и Кореей и определенной ограниченности военного потенциала Японии. Также вряд ли можно рассматривать в таком качестве США в силу крайне сложного отношения к ним в КНДР. К тому же, как было сказано выше, ни одна из этих стран не заинтересована в существовании сильной единой Кореи.

К сожалению, Россия практически не использует свои возможности для содействия примирению и объединению корейских государств. Более того, иногда создается впечатление, что Москва в данном вопросе вообще не имеет никакой внятной политики и следует в фарватере политики Пекина.

Выводы

Практически все страны, окружающие Китай, находятся под его нарастающим экономическим и военно-политическим давлением. В связи с этим естественным является создание между ними союза с участием России. Эта задача могла бы потенциально быть значительно облегчена тем, что ключевые страны этого союза (Индия, Вьетнам, Монголия и, возможно, КНДР, либо объединенная Корея) имеют тесные исторические связи с СССР/Россией. К сожалению, Москва совершает грубейшую геополитическую ошибку, навязывая этим странам (особенно Индии) союз с Китаем, в то время как им необходим союз против Китая. Это очень существенно ослабляет позиции Москвы и ведет к потере (возможно, безвозвратной) важнейших потенциальных союзников.

ГЛАВА X.

ОТРИЦАНИЕ ФАКТА КИТАЙСКОЙ УГРОЗЫ КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯ. (Вместо заключения)

В главе VII уже говорилось о некоторых «странностях» российского китаеведения. Фактически, имеет место табуированность в отношении ряда принципиальных моментов развития Китая.

1. Так, проблемы, стоящие перед Китаем, обсуждаются по отдельности, но практически никогда и ничего не говорится о том, что эти проблемы связаны между собой весьма своеобразным образом — решение одних проблем усугубляет другие проблемы.

2. Почти не обсуждается масштаб проблем (в абсолютных величинах), особенно тот факт, что при дальнейшем росте ВВП КНР и благосостояния ее граждан для обеспечения этого процесса объективно не будет хватать ресурсов всей Земли.

3. Практически никак не комментируется тот факт, что военные возможности Китая уже сегодня значительно превысили его оборонительные потребности, однако быстрое наращивание военных расходов и потенциала НОАК продолжается. Практически полностью табуирована тема характера боевой подготовки НОАК.

Главной особенностью такого подхода является «запрет на выводы» и стремление априорно маргинализировать сам термин «китайская угроза» и людей, этим термином оперирующих. Можно отметить, что больше такого подхода не практикуется по отношению ни к одной из зарубежных стран.

В качестве примера можно привести работу заместителя директора ИМЭМО РАН В. Михеева «Общие оценки» [425], в которой рассматриваются антикитайские силы в России. Причинами существующих антикитайских представлений и их носителями названы:

«— старые представления о Китае как о враге, культивировавшие антикитайской пропагандой и активной критикой маоизма в советские времена, начиная с вооруженного конфликта на острове Даман-

ский. Такие представления остались в памяти простых людей, особенно жителей Сибири и Дальнего Востока;

— новое восприятие Китая как мощного экономического и политического конкурента России, стремящегося устанавливать свои правила игры на мировых рынках и в мировой политике. Такой подход характерен для молодой деловой и интеллектуальной элиты;

— антикоммунистические настроения либерального и делового сегментов российского общества, негативно относящихся к монополии Коммунистической партии Китая на политическую власть;

— антироссийские публикации и заявления китайских ученых и публицистов, выступающих с территориальными притязаниями на российский Дальний Восток, негативно рисующих современное развитие России и занимающих, по мнению части россиян, проамериканские позиции;

— тайваньская пропаганда — хотя и весьма пассивная, однако находящая адресата среди праволиберального крыла политической и интеллектуальной элиты России;

— отсутствие объективной информации о современных достижениях, проблемах и намерениях Китая. Это обстоятельство усиливает влияние перечисленных основных корней антикитаизма в России».

При этом говорится, что «в России практически нет устойчивых антикитайских сил. Существующий же антикитаизм ограничен в распространении, носит маргинальный характер, замешан на российском ультранационализме и не оказывает серьезного влияния на политику России по отношению к Китаю» (не поясняется, относятся ли к «ультранационалистам» «либеральный и деловой сегмент»).

В качестве основных лозунгов российского антикитаизма названы:

«— Китай остается недемократической, отстающей от Запада страной, менее полезной России в экономическом плане;

— в Китае нарушаются права человека и существует контроль над средствами массовой информации;

— Китай, располагая большим населением, представляет собой угрозу малонаселенным территориям российского Дальнего Востока. Китай намеренно проводит политику демографической экспансии на российский Дальний Восток;

— в Китае сохраняются устремления присоединить к себе восточную часть России. Стремясь к этому, Китай может применить военную силу и потому представляет военную угрозу России. Россия допускает ошибку, экспортируя в Китай современные военные технологии;

— новое поколение китайских руководителей будет проводить националистическую внешнюю политику, которая усилит связи Китая с США и ослабит связи с Россией. России надо самой улучшать отношения с США и осторожно подходить к Китаю;

— Китай стремится к захвату мировых рынков и выступает конкурентом России в вопросах привлечения иностранных инвестиций. Если Россия не сможет уменьшить инвестиционную привлекательность Китая для западного капитала, ей не удастся поднять свою экономику;

— Китай представляет угрозу международной безопасности, поскольку сохраняется вероятность того, что он может применить военную силу против Тайваня. Непризнание Пекином независимости Тайваня, жесткая политика по Тибету и Синьцзяну отражают недемократическую сущность китайского режима и его нежелание разделять общемировые гуманистические ценности;

— Китай представляет угрозу, поскольку в случае социально-экономического коллапса в этой стране демографическое давление на соседние государства, в том числе на Россию, катастрофически возрастет;

— Китай плохо сотрудничает с Россией в вопросах борьбы с незаконной миграцией, браконьерством, контрабандой;

— в XXI веке Китай по совокупной мощи обгонит США и при сохранении авторитарного коммунистического режима будет представлять реальную угрозу мировой рыночной демократии, в том числе и России» [425].

Далее в указанной работе обсуждаются возможности (в первую очередь — информационно-лоббистского характера) понижения уровня антикитаизма в российском обществе. При этом сущностная обоснованность антикитаизма (в частности — приведенных выше лозунгов) не обсуждается, он постулируется как заведомо отрицательное явление.

Практически никто из российских китаеведов не пытается аргументированно опровергнуть факт существования китайской угрозы для РФ. На тезис о наличии такой угрозы в каком-либо аспекте в подавляющем большинстве случаев дается один из четырех вариантов ответа.

1. Тезис априорно отрицается без попыток объяснения, часто в оскорбительной форме для автора тезиса.

2. Автор тезиса о китайской угрозе бездоказательно обвиняется в политической ангажированности и/или материальной заинтересованности (как правило — в пользу США), либо в национальной или расовой предвзятости в отношении китайцев.

3. Опровержение тезиса подменяется высказыванием идеологического характера о важности и необходимости российско-китайского экономического и/или политического сотрудничества без попыток объяснить, существует ли китайская угроза и не мешает ли она сотрудничеству.

4. Опровержение тезиса подменяется рекомендацией, как парировать угрозу в данном аспекте. Таким образом, тезис о наличии угрозы не только не опровергается, но подтверждается.

Достаточно часто в качестве опровержения тезиса о китайской угрозе приводится тот аргумент, что количество китайских мигрантов на территории РФ недостаточно для того, чтобы говорить о демографической экспансии. Однако, как уже было показано в главе III, количество китайских мигрантов на территории России неизвестно даже приблизительно, что делает бессмысленным заявление о «недостаточности» этого неизвестного. Кроме того, дело не в количестве мигрантов на данный момент как таковом, а о том, что ими уже сформированы замкнутые экономически и организационно самодостаточные общины, способные принимать практически неограниченное количество новых мигрантов. Наконец, миграция является отнюдь не единственным аспектом проявления китайской угрозы.

Ряд китаеведов считают опровержением тезиса о китайской угрозе то, что Китай даже в момент максимальной слабости России (сразу после краха СССР) не предпринял никаких действий, направленных на ее дальнейшее ослабление [426; 427, с. 45]. Между тем не очень ясно, о каких именно возможных действиях шла речь. КНР не совершила военной агрессии против России, однако по этому поводу можно отметить, что в начале 90-х гг. XX в. ВС РФ были гораздо сильнее, чем в настоящее время, а НОАК — значительно слабее, чем в настоящее время. Таким образом, Китай не имел реальных возможностей для совершения агрессии, а отнюдь не проявил «добрую волю». При этом он в полной мере воспользовался слабостью России, сформировав крайне выгодный для себя и невыгодный для России характер экономических отношений (см. главу VIII) и создал базу для демографической экспансии (см. главу III). Доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ИДВ А. Крушинский считает, что очень значительный вклад в «китайское чудо» внес крах СССР, обеспечивший доступ к ресурсам и технологиям, развитие приграничных регионов. Например, поставляемая в США китайская мебель сделана из почти дармовой сибирской древесины, цена которой уже в Китае утраивалась по сравнению с закупочной. Россия и страны СНГ обеспечивают Китаю безопасные пути им-

порта нефти. Весь китайский ВПК и вся космонавтика построены сначала на советской, затем на российской помощи. Таким образом, Китай в максимальной степени воспользовался слабостью России [428].

Кроме того, нельзя игнорировать оценки китайскими учеными возможностей России по выходу из кризиса [352–355]. По-видимому, китайское руководство на основе этих рекомендаций сделало вывод, что лучше медленно создавать базу для экспансии во всех ее формах, демонстрируя при этом дружбу с Россией, чем предпринять враждебные действия в ситуации, когда Китай к этому не готов, не добившись успеха и отпугнув Россию, которая в этом случае становится врагом, жестко блокирующим все формы экспансии.

Для опровержения тезиса о китайской угрозе также нередко используется утверждение, что Китай настолько занят решением внутренних проблем, что ему «не до экспансии». При этом полностью игнорируется соображение, что экспансия необходима именно для решения внутренних проблем Китая.

Весьма популярным полемическим приемом является заявление, что «раздувать миф» о китайской угрозе недопустимо, т.к. конфликт между Россией и Китаем выгоден США. По данному поводу можно отметить, что применительно к отношениям трех этих наиболее сильных стран мира для любой из них объективно выгоден конфликт между двумя другими. В частности, Китаю выгоден конфликт между Россией и США, чего многие китайские политологи не скрывают. Так, Юй Сяотун писала: *«Официальные американские лица неоднократно заявляли, что Россия не является врагом США и не представляет для них угрозы. На острие американской политики, таким образом, оказывается Китай. Роль России как сдерживающего фактора по отношению к американскому давлению на Китай постепенно ослабевает»* [420, с. 38]. Не менее откровенно высказывался уже цитировавшийся Ван Хайюнь: *«Рост мощи России благоприятствует смягчению гегемонистского давления на Китай»* [359, с. 67] (под «гегемонистским давлением» здесь подразумевается политика Вашингтона). Таким образом, Россия рассматривается в Китае как «громоотвод», принимающий на себя удары США и отводящий их от Китая. В главе VI были приведены сходные по смыслу высказывания авторов сборника «Китай недоволен!», в частности — рассуждения о «старых огурцах». Еще более откровенно подобная точка зрения выражена в работе ученых из Цзилиньского университета Лю Цинця и Ван Хайбиня. Давление США и НАТО на Россию и ответные меры России в равной степени рассматриваются ими как угроза Китаю, который в результате может серьезно отстать технологически и от За-

пада, и от России. В частности, *«Россия, исходя из необходимости защищать свой стратегический паритет, активно работает над стратегическими наступательными вооружениями нового типа и одновременно усиленно создает национальную систему ПВО, что обеспечивает ей возможность еще более укрепить превосходство в стратегической мощи относительно Китая»*. Положение Китая в Центральной Азии также оказывается под угрозой со стороны как США, так и России. Таким образом, хотя авторы исходят из факта прямого противостояния между НАТО и Россией, потенциальными противниками Китая считаются и НАТО, и Россия, ни о каком российско-китайском союзе нет и речи [429]. А Ли Чэнхун считает, что сейчас у США и Китая существуют взаимозависимые отношения в области экономики, торговли и обмена людьми. Торгово-экономические связи важны для обеих сторон, сложилась своего рода общность интересов. На нынешнем этапе определенная общность существует и в совместном обеспечении глобального экономического и валютно-финансового порядка, стабильности в Азии, нынешней глобальной системы, включая борьбу с терроризмом и т.д. На таком фоне стремление совместно с Россией к созданию глобального антиамериканского и антизападного военного союза не отвечало бы ни национальным интересам Китая, ни реальности [274, с. 105].

Вообще, большинство китайских ученых считают США силой, враждебной и Китаю, и России, однако никто из них не рассматривает возможность создания реального российско-китайского союза против США, что в высшей степени симптоматично. Наоборот, постоянно подчеркивается, что отношения между Москвой и Пекином не носят характера союза (см. главу VIII).

Однако наиболее принципиальным моментом в данном аспекте является то, что причиной китайской угрозы для России являются не интересы США, а тенденции развития самого Китая, на которые США не имеют хоть сколько-нибудь существенного влияния. То есть китайская угроза для России имеет место совершенно независимо от того, выгоден российско-китайский конфликт для США или нет.

Еще одним достаточно популярным «опровержением» тезиса о китайской угрозе является утверждение, что все соответствующие проблемы порождены слабостью и внутренними проблемами самой России. В частности, нелегальное пребывание китайских мигрантов на территории России и их незаконная экономическая деятельность объясняются высокой коррупцией в российских властных и правоохранительных органах, экономическое и демографическое проникновение Китая в восточные регионы РФ — выездом российского населения из этих

регионов и разрывом внутрirosсийских экономических связей и т.д. Сами по себе данные утверждения совершенно справедливы. Любое ослабление страны автоматически усиливает все внешние угрозы для нее. По-видимому, для любой крупной страны главными проблемами являются внутренние. Можно отметить, что в упомянутой работе «Десять больших врагов Китая» [415] Россия названа врагом Китая № 2, при том что в качестве его врага № 1 определен сам Китай, что, очевидно, вполне справедливо.

Тем не менее, нельзя не отметить, что никакое ослабление России не приводит к усилению угроз со стороны, например, Аргентины, Египта или Индонезии. Слабость России и ее внутренние проблемы усиливают внешние угрозы, но не порождают их. В первую очередь это относится к китайской угрозе. Ее причиной является не слабость России, а потребность Китая в экспансии. Слабость России лишь облегчает Китаю экспансию, но не порождает саму потребность в ней.

Наконец, очень часто тезис о существовании китайской угрозы «опровергается» заявлением, что Россия не может позволить себе конфронтацию с Китаем. Очевидно, это означает, что Россия должна подчиняться любым, даже прямо антироссийским действиям Китая и уступать ему всегда и во всем. Никак иначе высказывание о «недопустимости конфронтации» понять нельзя. Либо здесь имеет место очередная подмена понятий, если не прямое искажение позиции оппонента, поскольку предупреждение о наличии угрозы само по себе не является призывом к конфронтации.

В связи с этим нельзя не отметить важнейшего момента. Постоянное отрицание факта китайской угрозы (вопреки очевидным фактам) со стороны специалистов в данной области дезориентирует власть и общество и мешает выработать меры, направленные на парирование угрозы. В свете указанной слабости России это особенно губительно. Более того, можно, видимо, утверждать, что целенаправленное отрицание факта угрозы само по себе становится одним из ее факторов.

Китайская угроза, как было показано в данной работе, объясняется не «иррациональной агрессивностью» Китая, а имеет рациональную основу. Следовательно, она может быть парирована с помощью рациональных мер в том случае, если факт угрозы будет полностью осознан. Так, экономическая и демографическая экспансия Китая может быть остановлена с помощью различных мер внутреннего характера, а также диверсификацией внешнеэкономических связей в АТР. Угроза военной агрессии может быть парирована усилением военного потенциала самой России (в первую очередь — в восточной части стра-

ны) и созданием по-настоящему эффективных военно-политических союзов (в первую очередь — с Индией и Вьетнамом). В этом случае цена агрессии для КНР может оказаться настолько высокой, что не будет оправдана ни при каких обстоятельствах (даже в случае угрозы внутренней катастрофы).

По-видимому, попытка замолчать факт наличия угрозы вопреки очевидным фактам в некоторых случаях объясняется боязнью «разозлить» Китай. Подобные мотивы довольно явно просматриваются, например, в работах доктора военных наук А. Болятко [426] и директора ИДВ М. Титаренко [427]. В таком случае налицо практически полное повторение попытки «умиротворения агрессора», каковым занимались сначала Великобритания и Франция, а затем СССР по отношению к Германии в 1938–41 гг. Кроме того, здесь можно усмотреть ничем не обоснованное приписывание руководству Китая мотивов иррациональной агрессивности, способности совершить агрессию по мотивам обиды. На самом деле, до сих пор руководство КНР во всех случаях демонстрировало исключительно высокую степень прагматизма. Именно поэтому гораздо больше оснований предполагать, что, если вопрос о китайской угрозе и мерах ее парирования начнет обсуждаться в России не только на уровне отдельных авторов, а и на официальном уровне, это не повысит, а снизит угрозу агрессии, поскольку в руководстве КНР поймут, что «игра не стоит свеч» и надо искать другие направления экспансии.

Таким образом, дальнейшее умолчание по поводу данной проблемы способствует ее усугублению и все более затрудняет возможность ее парирования. Подобная ситуация по отношению к столь серьезному для безопасности страны вопросу является недопустимой.

Выводы

Проблема китайской угрозы рассмотрена в данной работе комплексно и в различных аспектах (экономическом, социальном, геополитическом, идеологическом, военном). На основе российских и китайских источников показано, что угроза экспансии Китая (в различных ее проявлениях) уже является объективной реальностью, проистекающей из тенденций развития современного Китая. Проблемы, стоящие перед этой страной, настолько масштабны, сложны и противоречивы, что единственной возможностью их решить одновременно и комплексно является внешняя экспансия с целью захва-

та ресурсов и территорий. По объективным же обстоятельствам наиболее оптимальными объектами подобной экспансии являются Россия и Казахстан.

В работе особо отмечено, что факт отрицания прокитайским лобби в России различных проявлений китайской угрозы является дополнительным серьезным фактором этой угрозы, поскольку дезориентирует население и власти Российской Федерации, мешая выработать адекватные меры парирования угрозы, тем самым ее существенно усугубляя.

Адекватное своевременное реагирование на фактор китайской угрозы в различных ее аспектах не только существенно повысит национальную безопасность РФ, но и, как это ни парадоксально прозвучит, будет способствовать улучшению российско-китайских отношений. Из них исчезнет все более лицемерная и бессодержательная имитация «стратегического партнерства», отношения примут прагматический характер. Гораздо важнее то, что руководство Китая, поняв, что цена экспансии в Россию оказывается слишком высокой, сможет начать поиск других вариантов разрешения фундаментальных внутренних проблем, что положительно скажется на развитии этой страны.

Самое главное — граждане России имеют право знать о том, что напрямую влияет на безопасность страны и, следовательно, каждого из нас. Поэтому проблема китайской угрозы должна не замалчиваться и, тем более, искусственно маргинализироваться, а обсуждаться широко и всерьез.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2009 г. и проекте плана на 2010 г. Документы 3-й сессии ВСНП и ВП НПКСК 11-го созыва. 16.3.10.

http://russian.china.org.cn/china/archive/lianghui-10/2010-03/16/content_19621292_3.htm

2. National Bureau of Statistic of China. National Economy Maintained Steady and Fast Development in the Year of 2011.

http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20120117_402779577.htm

3. *Островский А.* Китай обгонит Америку? // Политический журнал. № 37, 2004.

4. *Лузянин С., Мамонов М.* Китай в глобальных и региональных измерениях. Ресурсы и маршруты «возвышения». // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 5-31.

5. *Уянаев С.* Сотрудничество в формате БРИКС в контексте основных тенденций современного мира. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 44-74.

6. *Салицкий А., Томберг И.* Внешнеэкономические связи КНР: новые тенденции. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 4. С. 48-55.

7. *Коледенкова Н.* Машиностроительный комплекс КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 5. С. 42-49.

8. *Троекурова И., Пелевина К.* Перспективы Китая на рынке энергоресурсов. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 5. С. 32-42.

9. *Кузык Б. Н., Титаренко М. Л.* Китай — Россия 2050: стратегия развития. М., Институт экономических стратегий РАН, ИДВ РАН, 2006. 656 с.

10. *Уянаев С. В.* К вопросу о сотрудничестве России, Китая и Индии в области энергетики. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XI. М., ИДВ РАН, 2006. С. 128-161.

11. Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. ИМЭ-МО РАН. М., Наука, 2007. 327 с.

12. В 2007 году Китай вышел на новый рекордный уровень добычи и потребления нефти. // Жэньминь Жибао, 2.2.08. <http://russian.people.com.cn/31518/6350041.html>

13. *Присяжнюк С.* О перспективах обеспечения КНР углеводородным сырьем. // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 4. С. 56-63.

14. *Наумов Н. И.* Проблемы обеспечения природными ресурсами экономического развития КНР в XXI веке. // Проблемы Дальнего Востока. 1999, № 4. С. 99-108.

15. *Ли Син, Мартиросян А., Чжао Чжэнь.* Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 2. С. 33-41.

16. *Бергер Я. М.* Экологическая безопасность и ресурсообеспеченность. / Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 328-356.

17. Слово и дело: как привлечь деньги. // «Ведомости». http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/257873/kak_privlech_dengi#ixzz1lclL3jQtg

18. Рынок энергетических ресурсов Китая: интересы и возможности России. М., ИДВ РАН, 2011. 256 с.

19. *Давыдов А.* США-КНР-Россия: «треугольник» 35 лет спустя. // Проблемы Дальнего Востока. 2007, № 6. С. 22-38.

20. *Цзинь Цаньжун.* О познании важнейших международных тенденций. // Китайские политологи о «послеолимпийской эпохе» и российско-китайских отношениях. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 18-23.

21. *Ушаков И. В.* Экологическая политика: новые аспекты. / Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. Ежегодник. ИДВ РАН. М., 2007. С. 423-431.

22. *Бергстен Ф., Гилл Б., Ларди Н., Митчелл Д.* Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве. Пер. с англ. М., Институт комплексных стратегических исследований, 2007. 256 с.

23. *Кранина Е.* Инновационная модель обеспечения экологической безопасности в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 2. С. 71-80.

24. Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. Ежегодник. ИДВ РАН. М., 2007. 516 с.

25. *Бирюлин Е. В.* Борьба с опустыниванием и оскудением мира животных в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 2. С. 101-109.

26. *Кранина Е. И.* Проблемы охраны окружающей среды и природных ресурсов КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 4. С. 109-120.

27. *Наумов И. Н.* Экономический рост и реформы в КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 6. С. 45-59.
28. *Наварро П.* Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы. Пер. с англ. и науч. ред. А. В. Козуляева. М., Вершина, 2007. 272 с.
29. *Приходько Н., Черная В., Чан Янь.* Экологические проблемы КНР и международное сотрудничество в области охраны окружающей среды. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 1. С. 156-163.
30. *Кранина Е.* Роль аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 2. С. 78-88.
31. *Круглый стол в ПДВ. Основные особенности и итоги XVII съезда Компартии Китая (продолжение).* // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 2. С. 10-39.
32. *Состояние окружающей среды в Китае в 2008 г.* // Новое законодательство КНР. Проблемы экологии. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 55-67.
33. *Бирюлин Е.* 11-й пятилетний план охраны окружающей среды и тенденции энергопотребления в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 4. С. 112-120.
34. *Доклад о выполнении плана экономического и социального развития за 2010 год и проекте плана на 2011 год.* // 4-я сессия ВСНП 11-го созыва. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 2). С. 11-75.
35. *Бирюлин Е.* Станет ли «зеленой» Олимпиада в Пекине? // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 3. С. 107-116.
36. *О социальных аспектах экологической политики КНР.* // Новое законодательство КНР. Проблемы экологии. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 33-54.
37. *Шан Чжуншэн.* Дандай Чжунго шэхуэй вэньти тоуши (Просвещение социальных проблем современного Китая). Ухань, 2001.
38. *Титаренко М. Л.* Новый этап реформ. / Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. Ежегодник. ИДВ РАН. М., 2007. С. 3-17.
39. *Кранина Е.* Развитие животноводства Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 6. С. 32-37.
40. *Хоу Вэньчжу.* Политика Китая в отношении внешней миграции. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 6. С. 121-135.
41. *Чжан Го.* Битва нового века. // Проблемы «комплексной государственной мощи» и динамика устойчивого развития КНР. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 12). С. 61-71.

42. *Бони Л. Д.* Формирование рынка в китайской деревне. // Макроэкономическое регулирование аграрной сферы в КНР. / ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 6. М., 1999. С. 13-49.

43. Экономическое положение Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 4. С. 46-59.

44. Исследования и рекомендации по проведению политического курса. // КНР: научная разработка проблем развития. М., 2008 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 5). С. 30-74.

45. *Худяков Н.* Китайскому дракону нужно все больше «еды» // Мировая энергетика. № 5, 2006.

46. *Ганшин Г. А.* Экономика современного Китая: возможности и реальность. // ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 9. М., 1992.

47. *Бони Л. Д.* Итоги, проблемы, перспективы перехода к рынку китайской деревни. // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 1. С. 82-95.

48. *Коркунов И. Н., Волкова Л. А.* Продовольственная проблема в Китае в условиях перехода к рынку. // Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 1. С. 75-81.

49. *Бергер Я. М.* Социальная сфера и демографический фактор. / Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 287-327.

50. Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978-2005 гг. / Руководитель авторского коллектива Гудошников Л. М. М., «Русская панорама», 2007. 464 с.

51. *Бергер Я. М.* Некоторые тенденции социального развития современной китайской деревни. // Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 2. С. 37-46.

52. Прогнозы в сфере безопасности. Острые проблемы, стоящие перед Китаем. // Китай: экономика и безопасность. М., 2007 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 33-79.

53. *Бергер Я. М.* Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 3. С. 14-29. Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 4. С. 81-95.

54. «Кризис контроля власти» или издержки развития? // Китай: проблемы гармоничного и устойчивого развития. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 5-59.

55. *Баженова Е. С.* 1 300 000 000. Населения Китая: стратегия развития и демографической политики. М., ИД «ФОРУМ», 2010. 304 с.

56. *Чжу Цинфан.* Общая оценка и анализ системы критериев социальной гармонии (1978-2006 гг.). // КНР: социальная гармония как

гарантия успеха реформ. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 5). С. 34-58.

57. Натиск на города: разница в межрегиональном развитии и внутренней миграция в Китае. // Электронная библиотека ДВГУ, asiapacific.narod.ru/countries/china/natisk_na_goroda.htm.

58. Уравнение достатка. // Инновационный центр СПбГУ. <http://innov.spbu.ru/shownews.php?id=30130>

59. Ло Бин. Вэнь Цзябао заявляет, что в деревне сложилась обстановка для бунта. // Китай: внутривластные и социальные проблемы. М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 12). С. 52-55.

60. Бони Л. Д. Китайская деревня на пути к рынку (1978–2004). М., ИДВ РАН, 2005. 528 с.

61. Борох О. Н. Китайские ученые об угрозах, рисках и вызовах развитию Китая. // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 508-562.

62. Ху Аньган. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 1. С. 34-57.

63. Мамаева Н. Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М., «Русская панорама», 2007. 232 с.

64. Антипов К. События на арабском Востоке и позиция Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 6. С. 3-17.

65. Бергер Я. М. XVI съезд КПК и стратегия социально-экономического развития Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 2. С. 29-51.

66. Социальная и демографическая политика. // Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 4. С. 28-36.

67. Михеев В. В. Треугольник Россия — США — Китай после 11 сентября. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 1. С. 23-27.

68. «Взлет Китая в XXI веке» (анализ экономических разделов монографии). // ИДВ РАН. Информационные материалы. Серия: «Общество и государство в Китае в ходе реформ». Выпуск 5. М., 1999. С. 25-71.

69. Бергер Я. М. Антикризисные программы китайского руководства: оценка эффективности. / Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 563-599.

70. КНР: новая веха экономических реформ. М., 2004 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 9).

71. Ван Синьлин, Ван Кунсю, Ван Сижун. Народонаселение и устойчивое развитие. // ИДВ РАН. Информационные материалы. Серия: «Проблемы охраны окружающей среды в восточноазиатском регионе». Выпуск 2. М., 2001. С. 31-41.

72. Население, ресурсы, среда: «дамоклов меч» над Китаем. Тяжелые демографические проблемы. // ИДВ РАН. Информационные материалы. Серия: «Проблемы охраны окружающей среды в восточноазиатском регионе». Выпуск 3-4. М., 2003. С. 10-30.

73. Ли Цзяньминь, Юань Синь, Ван Цзиньин. Устойчивый вызов. Население Китая в XXI веке: состояние, проблемы, политика. // ИДВ РАН. Информационные материалы. Серия: «Проблемы охраны окружающей среды в восточноазиатском регионе». Выпуск 3-4. М., 2003. С. 31-64.

74. Бергер Я. М. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 1. С. 100-113. Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 2. С. 76-91.

75. Галенович Ю. М. Китайское чудо или китайский тупик? М., Муравей, 2002. 144 с.

76. Баженова Е. Население Китая в эпоху модернизации и экономических реформ. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 5. С. 121-129.

77. National Bureau of Statistic of China. China's Total Population and Structural Changes in 2011. http://www.stats.gov.cn/english/newsandcomingevents/t20120120_402780233.htm

78. Почагина О. В. Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения в КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 3. С. 65-78.

79. Бергер Я. М. Социальная поддержка пожилых людей в современном Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 1. С. 107-119. Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 2. С. 86-102.

80. Островский А. Экономика КНР на пороге 12-й пятилетки: итоги и перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 4. С. 23-32.

81. Почагина О. В. Глобально-локальные вызовы. // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 460-506.

82. Почагина О. В. Китайская молодежь: отношение к семье и браку. // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 6. С. 109-124.

83. Почагина О. Суррогатное материнство в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 3. С. 142-154.

84. Духовное и идеологическое состояние китайского общества. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 2).

85. Портяков В. Я. От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. Очерки. ИДВ РАН. М., 2006.

86. Баженова Е. Синьцзян в авангарде развития западных районов КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 2. С. 63-70.

87. *Тулохонов А., Рабогошвили А.* Национальный вопрос во внутренней политике КНР: уроки и выводы для России. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 2. С. 88-98.

88. *Бергер Я. М.* Экономика: макро- и микроуровни. // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 178-235.

89. *Ван Лолинъ, Пэй Чжанхун, Лу Шэнлянь.* Иностранные инвестиции в Китае: структура, динамика, тенденции развития. // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 1. С. 85-99.

90. *Кондрашова Л. И., Ма Вэньцзе.* КНР: выбор региональных приоритетов. // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 1. С. 81-94.

91. *Чэн Сяонун.* Социальный кризис в стране превосходит оценки Ху Аньгана и Ван Шаогуана. // КНР: итоги и перспективы экономического развития. М., 2002 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 8). С. 59-65.

92. *Портяков В. Я.* Китай: в поисках утраченного времени. // Проблемы Дальнего Востока. 1994, № 2. С. 40-52.

93. *Вардомский Л. Б., Самбурова Е. Н.* Россия и Китай: сравнительный анализ региональных процессов. // Проблемы Дальнего Востока. 1994, № 3. С. 18-28.

94. *Портяков В. Я.* Проблемы обеспечения социально-политической стабильности в КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 2. С. 17-28.

95. *Ван Шаохуэй.* Особенности экономического развития Северо-Западного Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 6. С. 68-79.

96. *Самбурова Е. Н.* Трансформация китайского экономического пространства и диспропорции регионального развития. // Россия и КНР: проблемы региональной политики. М., 2005 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 12). С. 21-34.

97. *Ганишин Г. А.* Экономика КНР: реформа и развитие. Эволюция социально-экономического эксперимента. // ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 3. М., 1997.

98. *Баженова Е. С.* Демографическая ситуация в западных районах КНР и стратегия реформ. // Стратегия освоения западных районов КНР: демографическая политика и политика открытости. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 10). С. 7-28.

99. *Кондрашова Л. И.* Китайская программа освоения западных регионов страны. // Стратегия развития западных регионов Китая. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 9). С. 7-24.

100. *Александрова М. В.* Стратегия экономического подъема центральных и западных регионов Китая. // Стратегия развития запад-

ных регионов Китая. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 9). С. 72-82.

101. Фэн Чжицзюнь. Некоторые комментарии к стратегии развития западных районов Китая. // Стратегия развития западных регионов Китая. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 9). С. 82-90.

102. Ян Цзюньцзе. Осуществить «три больших мероприятия», ускорить освоение западных районов. // Стратегия развития западных регионов Китая. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 9). С. 90-93.

103. Янь Кэхуа. Некоторые мысли относительно сокращения экономического разрыва с восточными регионами. // Россия и КНР: проблемы региональной политики. М., 2005 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 12). С. 50-55.

104. Москалев А. А., Жоголев Д. А., Пузицкий Е. В., Лазарева Т. В. Национальный вопрос в КНР (1949-1994 гг.). // ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 1, 2. М., 1996.

105. Кондрашова Л. Реформа административно-территориального устройства КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 1. С. 70-81.

106. Москалев А. А. Дискуссии о национализме в КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 3. С. 46-59.

107. Москалев А. А. Доктрина китайской нации. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 6. С. 141-157.

108. Первый год нового руководства КНР: итоги, проблемы, перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 3. С. 6-38. Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 4. С. 6-35.

109. Москалев А. А. Нация и национализм в Китае. Эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М., Памятники исторической мысли, 2005.

110. Синьхайская революция. Шанхай, 1972.

111. Дигочжуи цинь Хуа цзуйсинлу (Досье преступлений империалистической агрессии в Китае). Цзинань, 1986.

112. Сиболия ши (История Сибири). Под ред. Сюй Цзинсюе. Хэйлунцзян цзяююй чубаньше. 1991.

113. Сулянь цзикуан (Общие сведения о Советском Союзе). Под ред. Ли Минбина. Пекин, 1986.

114. Ша Э юй Дунбэ (Царская Россия и Северо-Восток). Под ред. Тун Дуна. Чанчунь, 1985.

115. Шицзе лиши (Всемирная история). Пекин, 1986.

116. Ли Фэнлинь. Китайско-российские отношения в новом периоде. // Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении по-

литологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 54-60.

117. Стратегическое значение мирного развития Китая для России. // Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении политологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 44-53.

118. Ша Э цинь Хуа ши (История агрессии царской России против Китая). Под ред. Мо Юнмина. Шанхай, 1986, Пекин, 1990.

119. *Киреев Г. В.* Россия — Китай. Неизвестные страницы пограничных переговоров. М., РОССПЭН, 2006. 416 с.

120. Чжунго цзюньши шилюэ (Военная история Китая). Пекин, 1992.

121. Правда, 2.8.64.

122. ИБАС. 9.10.69.

123. *Гончаров С. Н., Ли Даньхуэй.* О «территориальных претензиях» и «неравноправных договорах» в российско-китайских отношениях: мифы и реальность. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 4. С. 117-127.

124 История и действительность китайско-российских отношений — от трех союзов к Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 3. С. 74-84.

125. *Сюэ Сяньтянь, Луань Цзинхэ.* История и современное состояние китайско-российских отношений. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 5. С. 26-38.

126. *Дэн Сяопин.* Избранное. Пекин, 1994.

127. *Галенович Ю. М.* К вопросу о национальном самосознании китайцев в конце XX в. // ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 7. М., 1999.

128. Границы Китая: история формирования. Под ред. В. С. Мясникова и Е. Д. Степанова. М., Памятники исторической мысли, 2001. 470 с.

129. *Тен Н.* Освещение российской истории в современном Китае (на материалах учебников истории для средней школы и популярной литературы о России). // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 4. С. 126-140.

130. *Галенович Ю. М.* Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. М., Время, 2010. 304 с.

131. Меняющийся Китай в меняющемся мире. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 1. С. 46-123.

132. *Петухов И. А.* Основные тенденции развития телекоммуникационной инфраструктуры в Китае. // Развитие современных информационных технологий в КНР. М., 2002 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 73-96.

133. *Лизе К.* Тугой законодательный корсет для Интернета. // Развитие современных информационных технологий в КНР. М., 2002 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 44-59.

134. *Синь Янь, Яблоков Н. П.* Борьба с мафией в Китае. *Овчинский В. С.* Мафия XXI века: сделано в Китае. М., Норма, 2006. 192 с.

135. *Горягина Ю.* Специфика «внутреннего» и «внешнего» образа Китая в начале XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 2. С. 25-37.

136. Тайваньские аналитики об обстановке в Восточной Азии. М., 2008 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6-7).

137. *Попов И.* Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., «Астрель», АСТ, «Ермак», 2004. 511 с.

138. *Румянцев Е. Н.* Предисловие. // Китай: актуальные проблемы внешней политики в освещении политологов КНР, Тайваня и Сингапура. М., 2007 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 4-12.

139. Из истории китайско-советских отношений (1917–1991 гг.). // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 3. С. 164-173.

140. *Фэнь Юйцзюнь.* Национальные интересы Китая в китайско-российских отношениях. // Современное внутреннее и международное положение России в оценках политологов КНР. М., 2008 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 24-34.

141. *Ларин А. Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., Восточная книга, 2009.

142. *Садовская Е.* Современная китайская миграция в Казахстане: основные тенденции, проблемы и перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 5. С. 124-139.

143. *Гельбрас В. Г.* Китайская реальность России. М., «Муравей», 2001. 320 с.

144. *Бабаян Д.* Демографический компонент российско-китайских отношений: вызовы и выгоды. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 6. С. 118-125.

145. *Цай Кайфу.* Приграничная торговля в провинции Хэйлунцзян: состояние и перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 1994, № 5. С. 64-69.

146. Китайско-российское региональное сотрудничество. // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 6. С. 45-54.

147. *Сюй Чжимин.* Добрососедство, дружба, экономические и внешнеторговые связи между Китаем и Россией имеют широкие перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 6. С. 106-111.

148. *Ван Сюаньцзюй.* Углублять взаимопонимание, повышать взаимное доверие. // Некоторые аспекты китайско-российских отноше-

ний и перспективы СНГ в связи с «цветными революциями». М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 32-38.

149. Юй Сяоли. О разрешении демографической проблемы на российском Дальнем Востоке: возможности и реалии. // Некоторые аспекты китайско-российских отношений и перспективы СНГ в связи с «цветными революциями». М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 50-55.

150. Галенович Ю. М. Россия — Китай — Америка. От соперничества к гармонии интересов? М., «Русская панорама», 2006.

151. Ларин А. Китай и зарубежные китайцы. М., 2008 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 2).

152. Паин Э. Объектом ксенофобии становится даже правительство. // Независимая газета, 6.3.06.

153. Сафронова Е. И. Политика и международный имидж КНР в странах Африки и Латинской Америки: небеспольный опыт для России. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XII. М., ИДВ РАН, 2007. С. 105-144.

154. Александрова М. Внешнеэкономический комплекс провинции Ляонин: современное состояние и направления развития. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 172-213.

155. Попов В. Китай и США в XXI веке — о чем говорится и не говорится в книге американских экспертов. // Китай. Что следует знать о новой сверхдержаве. М., Институт комплексных стратегических исследований, 2007. С. 9-39.

156. Ганшин В. Прочность китайской «мягкой силы». // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 6. С. 34-44.

157. Горяина Ю. П. К вопросу о влиянии внешней политики КНР на международный имидж страны (начало XXI века). // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XII. М., ИДВ РАН, 2007. С. 159-170.

158. Юань Пэн. Война в Ираке и главные противоречия глобальной политики. // Китайские политологи о войне в Ираке и корейском ядерном кризисе. М., 2004 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 5). С. 20-25.

159. Е Цзычен. Для Китая назрела необходимость проводить великодержавную дипломатическую стратегию. Некоторые мысли о дипломатической стратегии Китая. // Китай и китайский фактор в Восточной Азии. М., 2000 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 11). С. 24-41.

160. *Болятко А.* Отношения КНР — США: переломный период? // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 85-95.

161. *Тимофеев О.* Эволюция американо-китайского диалога в начале XXI в. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 3. С. 33-41.

162. *Давыдов А.* Китайско-американские отношения на новом этапе: что впереди? // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 4. С. 86-103.

163. *У Чэндэ.* Перспективы китайско-американских отношений в основном благоприятны. // Китай: проблемы гармоничного и устойчивого развития. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 13-15.

164. *Ван Фэнь.* Принцип «достижение единства через разномыслие» в китайско-американских отношениях. // Китай: проблемы гармоничного и устойчивого развития. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 15-17.

165. *Тао Ваньчжао.* Активно отстаивать общие интересы Китая и США. // Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 94-100.

166. *Цзинь Цаньжун.* Новая ситуация во внешней политике Китая. // Китай и США: сотрудничество и соперничество. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 4). С. 69-74.

167. *Портяков В. Я.* Китайская Народная Республика в 2006 году. // Проблемы Дальнего Востока. 2007, № 2. С. 42-56.

168. *Менгес К.* Китай: нарастающая угроза. / Пер. с англ. Булычева А. Г. М., Издательство Независимая газета, 2006. 608 с.

169. *Нагиев А.* Влияние фактора энергетической безопасности на формирование и перспективу сотрудничества КНР со странами Африки. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 4. С. 15-21.

170. «Голубая книга» о международном положении и внешней политике Китая. // Китайские политологические оценки некоторых теоретических и практических аспектов современной ситуации в мире и межгосударственных отношений. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 110-116.

171. *Чжао Цзиньфу.* Роль Африки в подъеме Китая. // Китайские политологические оценки некоторых теоретических и практических аспектов современной ситуации в мире и межгосударственных отношений. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 117-124.

172. *Летунов С.* Экспорт китайского оружия в страны Азии и Африки. // Зарубежное военное обозрение, № 8, 1993. С. 12-15.

173. *Малевиц И. А.* Внимание, Китай! М., АСТ, Минск, Харвест, 2001. 320 с.

174. Чэнь Чжихао. Стратегические интересы Китая и Индии в Афганистане. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 6. С. 18-25.
175. Ильин В. Баллистические ракеты третьих стран. // Техника и вооружение. № 9, 2001. С. 12-14. Техника и вооружение. № 10, 2001. С. 19-22.
176. Русинов Р. Вооруженные силы Саудовской Аравии. // Зарубежное военное обозрение. № 1, 1994. С. 9-11.
177. Вооруженные силы зарубежных стран. // Зарубежное военное обозрение. № 7, 2011. С. 66-106.
178. Ядерные тайны. // Зарубежное военное обозрение. № 6, 2006. С. 80.
179. Языковая ситуация в Китае: 2006. // КНР: социальная гармония как гарантия успеха реформ. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 5). С. 7-34.
180. США проиграли борьбу за крупнейшее нефтяное месторождение в Ираке. // <http://korrespondent.net/business/886587-ssha-proigrali-borbu-za-krupnejshee-neftyanoie-mestorozhdenie-v-irake>
181. Китайская нефтяная компания приступила к реализации проекта в Ираке. // <http://sma-group.ru/news/655/>
182. Китай будет разрабатывать нефтяное месторождение в Ираке. // <http://asia-a.ru/content/view/481/73/>
183. Китай списывает Ираку почти 7 млрд долларов долга. // <http://www.mplace.ru/se/job/388/>
184. Китайская CNPC оказалась на переднем крае иракской нефтяной лихорадки. // <http://www.fin.org.ua/newws.php?i=703321>
185. Степень зависимости Китая от экспорта сырой нефти впервые превысила порог в 50%. // Бизнес в Китае, 12.4.10. http://www.asia-business.ru/lenta/china/2010/04/12/news_662.html
186. US Energy Information Administration. http://www.eia.gov/dnav/pet/pet_move_impcus_a2_nus_ep00_im0_mbb1_a.htm
187. Свистунова И. А. Об отношениях Турецкой Республики с Китаем. // Институт Ближнего Востока РАН. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/28-11-10.htm>
188. Литовкин В. Китай тренируется в Турции. // Независимое военное обозрение. 15.10.10. http://nvo.ng.ru/news/2010-10-15/2_china.html
189. По пути в Турцию и обратно китайские Су-27 дозаправлялись в Иране. <http://iranru.livejournal.com/40701.html>
190. Томберг Р. Компании КНР в нефтяной отрасли африканских стран. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 3. С. 101-109.

191. Вручение Нобелевской премии мира бойкотировали 19 стран. // РосБизнесКонсалтинг. 7.12.10. <http://top.rbc.ru/society/07/12/2010/510880.shtml>

192. *Новиков И.* «Тридцать шесть стратагем» Китая. // Красная Звезда. 27.10.10. http://www.redstar.ru/2010/10/27_10/4_04.html

193. *Замараева Н. А.* Пакистанский порт Гвадар — ключевой региональный перевалочный пункт. // Институт Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2006/10-07-06.htm>

194. *Замараева Н. А.* Пакистанский порт Гвадар в региональной стратегии Китая. <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1163919900>

195. *Каменев С. Н.* О пакистано-китайских отношениях. // Институт Ближнего Востока. <http://www.rondon.org/polit-100428130028>

196. *Дюшебаев А.* Конфликты и соперничество между Китаем и Индией. <http://www.easttime.ru/analytic/1/8/851.html>

197. *Бесстремьянная И.* Международные инфраструктурные проекты Китая. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 224-229.

198. *Лузянин С.* Китай и «ближнее окружение»: региональные и двусторонние аспекты отношений. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 3. С. 3-19.

199. *Шлындов А.* Военно-морские силы Китая на пути модернизации и развития. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 3. С. 42-64.

200. *Плотников А. Ю.* Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX века. Двести пятьдесят лет движения России на Восток. М., КомКнига, 2007. 240 с.

201. Под видом углубления дна и укрепления берегов Китай перекраивает государственную границу с Россией. // ТВ Центр. 20.6.10. <http://www.tvc.ru/AllNews.aspx?id=c48e7edd-8eee-43d6-ae0f-746d30764ee8>

202. *Гельбрас В. Г.* Перспективы китайской миграции в Россию. // Status Quo. № 3, 2005. С. 85-96.

203. *Чжоу Юншэн.* Новая азиатская политика России. // Китайские политологи о предвыборной ситуации в России и российско-китайских отношениях. М., 2007 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 48-55.

204. *Ли Цзинцзе.* Развитие китайско-российских отношений: от дружбы к стратегическому партнерству. // Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 3. С. 20-33.

205. *Максимова О.* Институт Председателя Китайской Народной Республики в политико-правовом развитии страны. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 3. С. 65-71.

206. *Каменнов П. Б.* Военная безопасность Китая: скрытые риски и вызовы. // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 133-176.

207. *Гудошников Л. М.* Конституция Китайской Народной Республики в процессе исторических перемен и реформ. // Проблемы Дальнего Востока. 2002, № 3. С. 12-21.

208. *Чуприн К. В.* Военная мощь Поднебесной. Вооруженные силы КНР (справочник). Мн., Харвест, 2006. 840 с.

209. *И Ли.* Вооруженные силы Китая в 2002 г. // Военно-политические проблемы и Вооруженные силы Китая. М., 2004 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 5-44.

210. *Каменнов П. Б.* КНР: проблемы обороны. // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 6. С. 52-66.

211. *Шамбо Д.* Армия Китая в переходный период: политика, профессионализм, приобретение вооружений и проецирование мощи. // Модернизация китайской армии в оценках западных специалистов (специальный выпуск журнала «The China Quarterly»). М., 1997 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 3-15.

212. Национальная оборона Китая в 2000 году: «Белая книга». Управление информации ГС КНР. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1).

213. *Годвин П.* С материка на периферию: доктрина, стратегия и потенциал НОАК к 2000 г. // Модернизация китайской армии в оценках западных специалистов (специальный выпуск журнала «The China Quarterly»). М., 1997 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 15-30.

214. *Стефашин В.* Военно-стратегические концепции Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 9, 1994. С. 2-7.

215. Военная мощь КНР. М., 2005 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 11).

216. *Нань Ли.* Эволюция военной доктрины, стратегии и тактики НОАК в 1985–95 гг.: китайский взгляд. // Модернизация китайской армии в оценках западных специалистов (специальный выпуск журнала «The China Quarterly»). М., 1997 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 31-39.

217. *Агафонов Г.* Потенциал флотов стран Азиатско-Тихоокеанского региона. // Морской сборник. № 2, 2003, с. 72-77.

218. *Агафонов Г. Д.* Азиатско-Тихоокеанский регион и морской потенциал России. // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 6. С. 31-44.

219. *Панов М., Маневич В.* Военные конфликты на рубеже 2030 года. // Зарубежное военное обозрение. 2008, № 1. С. 3-15.

220. *Мозговой А.* Куда плывет китайский флот? // Военный парад. 2007, № 2. С. 56-58. Военный парад. 2007, № 3. С. 54-57.

221. *Степанов Е. Д.* Китай на морских рубежах. // ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 4. М., 1994.

222. *Стефашин В. В.* Варианты развития военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. // Проблемы Дальнего Востока. 1992, № 1-3. С. 61-69.

223. *Балахонцев Н., Кондратьев А.* Зарубежные методы оценки потенциала стран. // Зарубежное военное обозрение. № 11, 2010. С. 101-104.

224. НОАК учится. // Красная звезда. 12.9.06. http://www.redstar.ru/2006/09/12_09/n.html

225. НОАК — это серьезно. // Красная звезда. 1.8.09. http://www.redstar.ru/2009/08/01_08/6_05.html

226. Военные маневры «Большой шаг-2009» обладают 6 акцентами. // Russian.China.Org.Cn. 13.8.09. http://russian.china.org.cn/china/txt/2009-08/13/content_18330659.htm

227. *Андреев И.* На Тайване пытаются отправить в отставку президента. // Коммерсантъ. 27.9.06

228. *Барабанов М.* Военно-морские силы Тайваня на современном этапе. // Экспорт вооружений. № 4, 2003. С. 43-47.

229. *Вадимов В.* Военно-морские силы Тайваня. // Зарубежное военное обозрение. № 2, 2004. С. 55-61.

230. *Викторов С.* Военно-воздушные силы Тайваня. // Зарубежное военное обозрение. № 12, 2003. С. 33-37.

231. *Габуев А.* Посол Китая в ООН попросил США «заткнуться». // Коммерсантъ. 18.8.06.

232. Зарубежные военные эксперты о возможном характере вооруженного конфликта между КНР и Тайванем. // Зарубежное военное обозрение. № 11, 2004. С. 79.

233. *Кашин В.* Тайваньский рынок В и ВТ и его влияние на экспорт российского оружия в КНР. // Экспорт вооружений. № 4, 2003. С. 48-55.

234. К месту базирования отправлены две ДЭПЛ, построенные для ВМС Китая. // Новости промышленности и машиностроения. 5.6.06.

235. *Чуприн К.* Десант по-китайски. // Независимое военное обозрение. № 19 (9-15.6), 2006.

236. *Шеповаленко М.* Морская пехота Китая. // Морской сборник. № 10, 1997. С. 76-78.

237. *Glosny Michael A.* Strangulation from the Sea? International Security. Vol. 28, № 4 (Spring 2004), pp. 125-160.

238. *Goldstein Lyle, Murray William*. Undersea Dragons. International Security, Vol. 28, № 4 (Spring 2004), pp. 161-196.

239. *Каменнов П. Б.* Проблемы оборонного строительства КНР на рубеже веков. // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 5. С. 76-88.

240. Китай увеличивает расходы. // Красная звезда. 5.3.11. http://www.redstar.ru/2011/03/05_03/n.html

241. Китай строит огромные подземные бункеры для эвакуации при землетрясениях. // РИА Новости Недвижимость. 16.2.10. <http://www.riarealty.ru/ru/article/73819.html>

242. В Китае ускоряется строительство убежищ на случай чрезвычайных ситуаций. // Международное радио Китая. 2.6.2008. <http://russian.cri.cn/81/2008/06/02/1@237684.htm>

243. В Пекине до 2010 г. в центральных районах планируется ежегодно строить 20–30 убежищ на случай чрезвычайных обстоятельств. // Жэньминь Жибао. 24.10.07. <http://russian.people.com.cn/31516/6289521.html>

244. В Китае построили подземный город-бункер. <http://www.yoki.ru/news/social/society/31-07-2006/27394-41-0/>

245. *Шэнь Вэйле, Лу Цзюньюань*. География национальной безопасности Китая. // География национальной безопасности Китая. М., 2007 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 12-108.

246. Оценка США ракетно-ядерных сил и обстановки в операционной зоне ВМС НОАК. // Морской сборник. № 9, 2005. С. 71.

247. *Стефашин В.* Ядерная стратегия Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 1, 1995. С. 2-8.

248. *Джонстон Э.* Перспективы модернизации китайских ядерных сил: ограниченное сдерживание против многостороннего контроля над вооружениями. // Модернизация китайской армии в оценках западных специалистов (специальный выпуск журнала «The China Quarterly»). М., 1997 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 52-59.

249. *Стефашин В. В.* Стратегия строительства ядерных сил Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 1993, № 2. С. 29-36.

250. Командно-политические кадры Вооруженных сил КНР. М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3).

251. Процесс перехода к производству собственного вооружения в Китае. // Военно-политические проблемы и Вооруженные силы Китая. М., 2004 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 45-51.

252. Тайваньские военные специалисты о 38 армии вооруженных сил КНР. // Военно-политические проблемы и Вооруженные силы Китая. М., 2004 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 52-59.

253. Аганов А. Бронетанковая техника сухопутных войск Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 11, 2000. С. 22-24.

254. Алексеев А. Перспективы повышения боевых возможностей ВВС Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 3, 2000. С. 29-32.

255. Военные самолеты Китая. // Новости зарубежной науки и техники. Авиационная и ракетная техника. ЦАГИ им. проф. Н. Е. Жуковского. № 22, 1991. С. 1-24.

256. Главы военных ведомств России и Китая проведут в Пекине заседание межправительственной комиссии по ВТС. // АРМС-ТАСС. 10.12.04.

257. Коротченко И. Москва и Пекин наращивают стратегические связи. // Независимое военное обозрение. 10.11.2000.

258. Макаров М., Величко Е. Система противовоздушной обороны Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 9, 1993. С. 37-42.

259. Макиенко К. Военно-техническое сотрудничество России и КНР в 1992–2002 годах: достижения, тенденции, перспективы. М., Гендальф, 2002. 66 с.

260. Марков М., Селиванов Л. Сухопутные войска Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 5, 1993. С. 22-28.

261. Моисеенков О., Смоловский А. Военно-морские силы Китайской Народной Республики. // Морской сборник. № 9, 2003. С. 62-68.

262. Семенов А. Китайский тактический истребитель J-10 «Вэнгард». // Зарубежное военное обозрение. № 10, 2004. С. 43-49.

263. Сысоев С. Состояние и перспективы строительства военноморских сил Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 3, 1999. С. 41-47. № 4, 1999. С. 37-46.

264. Цыкало В. В. Российско-китайские отношения в области торговли вооружениями и передачи технологий // Проблемы обеспечения безопасности в АТР. М., Научная книга, 1999.

265. FY04 Report to Congress on PRC Military Power // www.defenselink.mil/pubs/d20040528PRC.pdf

266. Издания Jane's Information Group (Jane's All the World's Aircraft, Jane's Amphibious and Special Forces, Jane's Armour and Artillery, Jane's Fighting Ships, Jane's Infantry Weapons, Jane's Land-Based Air Defense, Jane's Missiles and Rockets, Jane's Naval Weapon Systems, Jane's Strategic Weapon Systems, Jane's World Air Forces, Jane's World Armies).

267. Mulvenon James C., Yang Andrew N. D. The People's Liberation Army as Organization. http://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF182/index.html

268. The Military Balance, 2006/07. International Institute for Strategic Studies. London: Oxford University Press, 2006.

269. *Squires Nick*. China Tried to Poach Supergun Inventor. // The Daily Telegraph. 4.10.06.

270. The World Defence Almanac. 2005–06. // Military Technology. Vol. XXX, Issue 1, 2006.

271. *Никольский В. И., Новичков Н. Н.* Военные флоты мира, 2009–2010 гг. Справочник. М., АНО «Информационное агентство АРМС-ТАСС», 2009 г. 1097 с.

272. *Шлындов А.* Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах (окончание). // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 6. С. 17–41.

273. EU Could End China Arms Embargo in Early 2011. // Defense News. 3.1.11. <http://www.defensenews.com/story.php?i=5342402&c=ASI&s=TOP>

274. *Ли Чэнхун.* Военно-техническое сотрудничество между Китаем и Россией: состояние дел, проблемы и контрмеры. // Китай и США: сотрудничество и соперничество. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 4). С. 91–111.

275. *Мардашев А.* Китайская Народная Республика и Европейский Союз: процесс становления всестороннего стратегического партнерства и перспективы его дальнейшего развития. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 3. С. 7–15.

276. Китай остается основным заказчиком для ММПП «Салют». Armstass.su. 8.9.06.

277. Китай отказался от устаревших истребителей Сухого. // Defense express. Center for Army Conversion and Disarmament Studies. 2.11.04.

278. Китай отказывается от производства Су-27. // CNews. 4.11.04.

279. ММПП «Салют» планирует к середине года отгрузить Китаю последнюю партию двигателей АЛ-31ФН. // ИТАР-ТАСС. 12.4.06.

280. *Пухов Р.* Россия превратилась из старшего брата Китая в младшего партнера. // <http://www.kreml.org/interview/97015914>, 12.9.05.

281. *Кашин В.* Подробнее о новых БМП Китая. <http://periscope2.ru/2012/01/18/5421/>

282. Докладом по двусторонним отношениям. // Красная звезда. 19.8.10. http://www.redstar.ru/2010/08/19_08/3_02.html

283. Китай создал «смертельное» оружие для авианосцев США. // Оружие России. <http://www.arms-expo.ru/site.xp/049051124055052054050.html>

284. Красная звезда. 2.12.10. http://www.redstar.ru/2010/12/02_12/n.html

285. Зарубежное военное обозрение. № 9, 2010.

286. Концепция китайского танка нового поколения. // Военный паритет. 15.6.10. http://www.militaryparitet.com/perevodnie/data/ic_perevodnie/881/

287. «Абрамс», «Леопард», «Меркава»... // Красная звезда. 8.9.10. http://www.redstar.ru/2010/09/08_09/4_04.htm

288. Сотрудничество России и Китая в научно-технической, технологической и производственной сферах. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 5. С. 14-31.

289. Красная звезда. 7.12.10. http://www.redstar.ru/2010/12/07_12/n.html

290. Иностранные СМИ рекордно заинтересовались беспилотными самолетами на авиавыставке в Чжухае. // Russian.China.Org.Cn. 17.11.10. http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2010-11/17/content_21443732.htm

291. Китай представил боевые роботы. // PCWeek. 13.12.10. http://www.pcweek.ru/themes/detail.php?ID=127347&THEME_ID=106772

292. *Каменнов П.* Военно-промышленный комплекс КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 5. С. 50-60.

293. *Грумов А.* Части специального назначения Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 9, 1998, с. 57.

294. *Качан Г.* Боевые пловцы в ВМС Китая и Тайваня. // Зарубежное военное обозрение. № 2, 2000. С. 58.

295. *Смоловский А.* Факторы нестабильности и рисков в операционной зоне Тихоокеанского командования ВС США. // Морской сборник. № 2, 2005. С. 70-77.

296. *Снегов В.* Мобильные силы НОАК. // Зарубежное военное обозрение. № 7, 1996. С. 20-22.

297. *Терехов В.* Военный фактор в формировании ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе. // Экспорт вооружений. № 4, 2003. С. 36-42.

298. Финансирование ВС (ВМС) КНР. // Морской сборник. № 3, 2005. С. 72.

299. *Айтакаева Т.* КНР: концепции информационных операций. // Зарубежное военное обозрение. № 6, 2008. С. 30-31.

300. *Кин Р.* Средства массовой информации о кибершпионаже. // Зарубежное военное обозрение. № 4, 2009. С. 91.

301. *Кондратьев А.* Некоторые особенности реализации концепции «Сетевая война» в вооруженных силах КНР. // Зарубежное военное обозрение. № 3, 2010. С. 11-17.

302. *Габуев А.* Уго по-пекински. // Коммерсантъ. 24.8.06.

303. *Забелло Я., Мажаров И.* Китай решил посягнуть на традиционную зону американских интересов — Латинскую Америку. // Эксперт. № 14, 2001.
304. *Куртишвили Ш.* Эпоха династии Ли. // Компания. 28.3.2000.
305. *Сунь-Цзы, У-Цзы.* Трактаты о военном искусстве. М., АСТ, СПб., Terra Fantastica, 2002. 558 с.
306. *Авраменко А., Старунский А.* Психологические операции Народно-освободительной армии Китая. // Зарубежное военное обозрение. № 4, 2005. С. 14-19.
307. Анализ Вооруженных сил России. <http://www.warfare.ru/>
308. 60 лет Китайской Народной Республики: итоги и перспективы. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 5. С. 80-120.
309. *Плотников А. Н.* Структурно-экономические аспекты реформы военно-промышленного комплекса Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 5. С. 104-119.
310. *Ивановский А.* Авиационная промышленность Китая. // Зарубежное военное обозрение. 2009, № 6. С. 41-52.
311. *Певцов Д.* Современное состояние судостроительной промышленности Китая. // Зарубежное военное обозрение. 2011, № 6. С. 70-77.
312. *Иванов А.* Реформирование авиационной промышленности Китая. // Зарубежное военное обозрение. 2011, № 7. С. 39-45.
313. *Иванов А.* Основные направления развития военной промышленности КНР. // Зарубежное военное обозрение. 2013, № 2. С. 18-30.
314. *Балакин В. И.* Преемственность в современных российско-китайских отношениях. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XI. М., ИДВ РАН, 2006. С. 5-14.
315. *Галенович Ю.* О чем пишут авторы сборника «Китай недоволен!» М., Центр научной информации и документации ИДВ РАН., 2009.
316. *Габуев А.* Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 3. С. 78-95.
317. *Бергер Я.* Эволюция геополитических взглядов в Китае. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 4. С. 23-38.
318. *Локшин Г.* Международная конференция в Ханое: станет ли Южно-Китайское море зоной региональной безопасности и развития? // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 2. С. 152-161.
319. Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. 647 с.

320. Социально-политические и идеологические процессы в КНР накануне XVI съезда КПК. М., 2002 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3).

321. *Ананьев А.* Роль прямых иностранных инвестиций в экономике Китая (по оценкам экспертов ООН). // Проблемы Дальнего Востока. 2003, № 5. С. 51-60.

322. Открытая внешнеэкономическая политика КНР: экономико-статистический справочник. Ч. I. // ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 3. М., 1992.

323. *Борисова А.* КНР и зарубежные китайцы: некоторые аспекты отношений в последнее десятилетие. // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). / ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 13. М., 1997. С. 173-180.

324. *Борисова А.* Зарубежные китайцы во внешнеполитических и экономических интересах КНР. // Китай в мировой и региональной политике. / ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 3. М., 1995. С. 93-107.

325. *Титаренко М.* О роли и значении отношений между РФ и КНР в контексте основных особенностей современной международной обстановки. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 1. С. 4-16.

326. Проблемы Дальнего Востока. 1994, № 6.

327. *Ли Фэнлин.* Исторический выбор народов двух стран. // Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 2. С. 33-36.

328. *Ван Хайюнь.* Китайско-российские отношения стратегического партнерства и взаимодействия. // Современное внутреннее и международное положение России в оценках политологов КНР. М., 2008 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 17-23.

329. Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 3.

330. Совместное Российско-Китайское заявление. // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 1. С. 8-11.

331. Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 5. С. 5-8.

332. Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики по вопросам противоракетной обороны. // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 5. С. 9-10.

333. *Ларин А.* Американский фактор в российско-китайском стратегическом партнерстве. // Проблемы Дальнего Востока. 2000, № 6. С. 20-32.

334. *Галенович Ю.* О китайско-американских и китайско-российских отношениях в свете встреч Цзян Цзэминя с Б. Клинтон и Б. Ельциным. М., 1998 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6).

335. *Лузянин С., Сафронова Е., Свешников А.* Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 3. С. 56-70.

336. *Портяков В.* Российско-китайские отношения в 2008 году. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 1. С. 6-18.

337. *Цзи Чжиге.* Влияние российско-грузинского конфликта на международные отношения. // Китайские политологи о «послеолимпийской эпохе» и российско-китайских отношениях. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 84-90.

338. Актуальные проблемы безопасности в Северо-Восточной Азии (к 60-летию Сан-Францисского мирного договора). Материалы круглого стола. 19 октября 2011 г. // АНО «Центр общественно-политических исследований», Фонд Розы Люксембург (ФРГ), филиал в РФ. М., 2011. 130 с.

339. *Портяков В.* Китай и Россия в Шанхайской организации сотрудничества. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 6. С. 52-61.

340. *Янь Сюэтуан.* Китайская стратегия безопасности после холодной войны. // Некоторые актуальные вопросы внешней политики и стратегии безопасности Китая после холодной войны. М., 1995 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 8). С. 43-60.

341. *Ван Лань.* Стратегия азиатской безопасности России. // Некоторые актуальные вопросы отношений безопасности в АТР. М., 1995 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 4). С. 69-79.

342. *Хуан Цзунялян.* Политическая ситуация в России и развитие отношений России со странами Северо-Восточной Азии. // Китайские политологи о положении в России и о российско-китайских отношениях. М., 1996 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 2). С. 69-76.

343. *Би Хунъе.* Россия после холодной войны: концепции внешней политики и их оценки. // Китайские политологические оценки некоторых теоретических и практических аспектов современной ситуации в мире и межгосударственных отношений. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 24-33.

344. *Яо Вэньбинь.* Политика и интересы безопасности КНР и России в регионе АТР. // Китайские политологи о положении в России и о российско-китайских отношениях. М., 1996 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 2). С. 39-47.

345. *Чжоу Синьчэн.* Россия и безопасность в Северо-Восточной Азии. // Китайские политологи о региональной безопасности и региональном сотрудничестве. М., 1998 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 53-56.

346. *Ли Цзинцзе*. Китайско-российское стратегическое партнерство и его основы. // Отношения между великими державами в Восточной Азии после окончания холодной войны. М., 2000 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 13-19.

347. *Ся Ишань*. О китайско-российских отношениях в новой обстановке. // Проблемы Дальнего Востока. 1999, № 6. С. 13-18.

348. *Линь Жо Юй*. О конструктивных стратегических партнерских отношениях между Китаем и США. // Китайские политологи о перспективах развития китайско-американских отношений после обмена визитами между Цзян Цзэминем и Б. Клинтон. М., 1999 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 4). С. 90-94.

349. *Бергер Я. М.* Большая стратегия Китая в оценках американских и китайских исследователей. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 1. С. 34-51.

350. *Е Цзычен*. Большая стратегия Китая: главные проблемы на пути становления Китая как великой мировой державы и стратегический выбор. // «Мирное возвышение Китая»: проблемы и перспективы. М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 2). С. 11-55.

351. Обсуждение сборника статей «История и современное состояние китайско-российских отношений». // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 3. С. 8-43.

352. *Юй Сун*. Диалектика современной мировой ситуации. // Проблемы Дальнего Востока. 1994, № 5. С. 34-41.

353. Современная мировая политика, экономика и международные отношения. // Китайские политологи о положении в России и о российско-китайских отношениях. М., 1996 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 2). С. 15-34.

354. *Красильников А. С.* Внешнеполитические интересы России и Китая. // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). / ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 13. М., 1997. С. 76-126.

355. *Юэ Суй*. Россия и современный мир. // Поствыборная Россия глазами китайских политологов. М., 1997 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 61-72.

356. *Лю Цинцай*. КНР: геополитическая среда и внешняя политика добрососедства. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 2. С. 33-42.

357. *Волохова А. А.* Изменения во внешнеполитических концепциях КНР. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 3. С. 74-82.

358. *Чжан Ханьлинь, Юань Цзя*. О стратегии нового механизма диалога между Китаем и США в посткризисный период. // Китай и США:

сотрудничество и соперничество. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 4). С. 43-52.

359. Ван Хайюнь. Перспективы нового подъема России и его влияние на мир. // Современное внутреннее и международное положение России в оценках политологов КНР. М., 2008 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 59-67.

360. Ван Чэнцай. Серьезный крах планов Путина по возрождению России. // Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 55-61.

361. Янь Япин. Три противоречия в переходе России к возвышению. // Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 71-77.

362. Портяков В. Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 1. С. 136-150.

363. Трифонов В. Особенности внешнеполитического взаимодействия России и Китая на современном этапе. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 32-43.

364. Рогачев И. Взаимодействие России и Китая на международной арене. // Проблемы Дальнего Востока. 2007, № 6. С. 12-21.

365. Интересы России в Северо-Восточной Азии и перспективы использования многостороннего сотрудничества со странами региона для развития российского Дальнего Востока. // Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 3. С. 4-37.

366. Портяков В. Российско-китайские торгово-экономические связи в контексте интеграционных процессов в Северо-Восточной Азии. // От Цзян Цзэмина к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI века. Очерки. ИДВ РАН. М., 2006. С. 195-219.

367. Александрова М. Роль и значение приграничного и межрегионального российско-китайского экономического сотрудничества на современном этапе. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XI. М., ИДВ РАН, 2006. С. 105-127.

368. Тарасов А. П. Торговые связи Забайкалья с Китаем. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 3. С. 101-119.

369. Грибова С. Н. Экономические взаимосвязи Забайкалья со странами СВА. // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 2. С. 80-92.

370. Карасин Г. Б. Россия — Китай: партнерство, развернутое на стратегическую перспективу. // Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 2. С. 25-32.

371. Карлусов В. В. Внешнеэкономические связи России и Китая: баланс интересов и совершенствование механизма организации. // Проблемы Дальнего Востока. 1999, № 3. С. 50-55.

372. Красильников А. С. Национальные интересы России и Китая в зоне развивающихся стран и проблемы их реализации. // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). / ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 13. М., 1996. С. 29-71.

373. Павлятенко В. Н. Российский Дальний Восток в системе отношений России со странами СВА. // Проблемы Дальнего Востока. 1995, № 4. С. 11-20.

374. Нырова Н. Н. Китайские компании приграничной торговли и их место в международной преступной деятельности. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 1. С. 87-114.

375. Балакин В. И. Россия в формирующемся восточноазиатском общем рынке: возможности, проблемы, перспективы. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6).

376. Прохорова Н. Развитие российско-китайских отношений в свете освоения бассейна реки Амур. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 230-244.

377. Портяков В. Российско-китайская торговля: политико-экономический дискурс. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 155-171.

378. Чэнь Бэньцзай. Поиски новых путей сотрудничества между Россией и Китаем. Проблема трудовых услуг. // Перспективы регионального сотрудничества России и Китая в XXI веке. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 28-32.

379. Ли Чжуаньсюнь. Предложения по освоению товарного рынка российского Дальнего Востока. // Перспективы регионального сотрудничества России и Китая в XXI веке. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 33-41.

380. Сун Куй. Новые соображения относительно китайско-российского научно-технического сотрудничества. // Перспективы регионального сотрудничества России и Китая в XXI веке. М., 2001 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 6). С. 56-62.

381. Хань Фэн. Что должен сделать Китай для развития китайско-российской торговли в XXI веке. // Проблемы, состояние и перспективы российско-китайского сотрудничества. М., 2003 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 8). С. 40-44.

382. Жуань Цзунцзэ. Современная международная ситуация и отношения между Китаем, Россией и Индией. // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 5. С. 22-25.

383. Ефимов А. Туркмения намерена построить газопровод и поставлять газ в Китай. // РИА Новости. 3.4.06.

384. Китай и Туркмения договорились о строительстве газопровода. // Нефтегазэксперт. Ассоциация экспертов нефтяной и газовой промышленности. 4.4.06.

385. Туркменский газ на пути в Китай. «За» и «против» — немецкий эксперт Р. Гетц. // Международный евразийский институт экономических и политических исследований. 4.4.06.

386. «ЦЕРИХ Кэпитал Менеджмент»: Планы Туркмении по продажам газа в Китай будут сдерживать рост акций Газпрома. // Фондовый рынок — Комментарии и прогнозы — Финанс. № 37, 2006.

387. Фроленков В. Взаимодействие КНР и центральноазиатских стран-членов ШОС в энергетической сфере. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 2. С. 110-124.

388. Бояринцев И. Транспортная составляющая российских геополитических интересов в Северо-Восточной Азии. // Проблемы Дальнего Востока. 2008, № 4. С. 105-119.

389. Сазонов С. Реформа транспортной системы в КНР и мировой финансово-экономический кризис. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 1. С. 57-72.

390. У Сэчжи. Успехи и вызовы региональному сотрудничеству Китая в Центральной Азии. // Китайские политологи об отношениях КНР с Россией и США. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 3). С. 67-71.

391. Ван Хайюнь. Китайско-российские отношения: стратегическая база и тенденции развития. // Китайские политологические оценки некоторых теоретических и практических аспектов современной ситуации в мире и межгосударственных отношений. М., 2011 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 34-46.

392. Кулешов В., Атанов Н., Безруков Л., Коржубаев А., Малов В., Санев Б., Сысоева Н. О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества. // Проблемы Дальнего Востока. 2010, № 6. С. 62-69.

393. Аруначал-Прадеш. // Зарубежное военное обозрение. № 4, 2008.

394. Волохова А. А. Китайские политологи об отношениях между КНР и Пакистаном на современном этапе. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 4. С. 53-58.

395. Кузнецов В. С. Китай — Южная Азия: отношения складываются нестандартно. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 5. С. 26-34.

396. Ефремова К. А. Китай и Индия в XXI веке: прогнозы индийских политологов. // Проблемы Дальнего Востока. 2001, № 4. С. 36-49.

397. Уянаев С. Китай — Индия: отношения в начале нового столетия. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 1. С. 19-30.

398. Моханти М. Потенциальные возможности РИК в решении глобальных и региональных проблем. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 1. С. 17-19.

399. Шарко С. Геополитические аспекты БРИКС. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XVI. М., ИДВ РАН, 2011. С. 75-84.

400. Чжоу Ган. Китайско-индийские отношения в рамках трехстороннего китайско-российско-индийского сотрудничества. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 1. С. 20-25.

401. Стратегические отношения США и ситуация в области обороны в Азиатско-Тихоокеанском регионе. // Военно-политическая ситуация на Дальнем Востоке: история формирования и современное состояние. М., 2007 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 10). С. 49-101.

402. Ян Хуэй. Краткий обзор сотрудничества между Россией и Китаем в военной области. // Некоторые аспекты китайско-российских отношений и перспективы СНГ в связи с «цветными революциями». М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 43-45.

403. Цинь Яцин. Международная обстановка, государственный строй и глобальный порядок. // Современные международные отношения (по случаю 30-летней годовщины КАСМО). Пекин, 2010. Специальный юбилейный выпуск. М., 2010 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 7). С. 51-63.

404. Клименко А. Ф. К вопросу об эволюции военной политики и военной стратегии Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 2004, № 2. С. 55-65.

405. Лексютина Я. Обострение напряженности в Южно-Китайском море: взгляд из ЮВА, КНР и США. // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 5. С. 30-41.

406. Степанов Е. Д. Острова Спратли: проблемы и право. // Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 6. С. 42-52.

407. Степанов Е. Д. Южно-Китайское море: острова на материковой отмели. // Проблемы Дальнего Востока. 2006, № 2. С. 55-70.

408. *Цзи Госин*. Китай и безопасность Южно-Китайского моря. // Китайские политологи о геополитической борьбе в современном мире. М., 1998 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 12). С. 65-77.
409. *Чжай Кунь*. 1991–2020: подъем Китая и развитие отношений между Китаем и АСЕАН — исторический обзор и стратегия на будущее. // Проблемы Дальнего Востока. 2005, № 5. С. 32-43.
410. *Михеев В. В., Андреева Н. В., Винокуров П. С.* Новая роль Китая в мировой политике. // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 358-397.
411. *Борисова А. И.* Позиция КНР по вопросу о двойном гражданстве китайских эмигрантов (хуацяо). // Китай в мировой и региональной политике (история и современность). ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 13. М., 1996. С. 119-129.
412. *Мясников В. С.* Положение в сфере безопасности в Северо-Восточной Азии. // Проблемы Дальнего Востока. 1996, № 5. С. 15-37.
413. *Чжао Хун*. Формирование вокруг Китая экономического супер-региона. // Проблемы Дальнего Востока. 1998, № 5. С. 61-70.
414. *Андреанов В. Л.* Китайская политика открытости в контексте постиндустриальных изменений в мире. // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XI. М., ИДВ РАН, 2006. С. 49-63.
415. Десять больших врагов Китая. // Китай — Россия: отголоски прошлых противоречий. М., 2006 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 10). С. 102-105.
416. *Крайнов А.* О военном сотрудничестве Вьетнама и Индии. // За рубежом военное обозрение. № 12, 2010. С. 74-75
417. КНР обеспокоена учениями ВМС Вьетнама и США. // Голос России. 13.8.2010. <http://rus.ruvr.ru/2010/08/13/15560509.html>
418. http://polpred.ru/?ns=1&ns_id=280541&PHPSESSID=e2din7npuj3rf37bgjphr35de5
419. *Понамарев С.* Политика КНР в области нераспространения ядерного оружия: доктрина, теория и практика. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 6. С. 14-25.
420. *Юй Сяотун*. Стратегические подходы США к АТР и их влияние на китайско-американские отношения. // Проблемы Дальнего Востока. 2007, № 4. С. 35-42.
421. *Ван Чжунвэнь*. Корейский вопрос и ситуация в Северо-Восточной Азии под новым углом зрения. // Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях и развитии внутренней

обстановки в Российской Федерации. М., 2005 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 116-124.

422. *Кирьянов О.* Северная Корея входила в состав Поднебесной. // Российская газета. 9.9.06. <http://www.rg.ru/2006/09/09/koreya.html>

423. *Забровская Л.* Китай и КНДР: курс на сохранение регионально-го статус-кво. // Проблемы Дальнего Востока. 2009, № 6. С. 26-33.

424. О возможной реакции Китая на военный конфликт в Корее. // Зарубежное военное обозрение. № 2, 2012. С. 104.

425. *Михеев В. В.* Общие оценки. // Китай: угрозы, риски, вызовы развитию. Под ред. В. Михеева. Московский Центр Карнеги. М., 2005. С. 10-48.

426. *Болятко А. В.* Военно-техническое сотрудничество и перспективы стратегического взаимодействия России и Китая. // Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 3. С. 34-38.

427. *Титаренко М. Л.* Взаимовыгодное партнерство, обращенное в XXI век. // Проблемы Дальнего Востока. 1997, № 3. С. 45-49.

428. *Крушинский А.* Постсоветский фактор «китайского чуда». // Проблемы Дальнего Востока. 2011, № 4. С. 70-85.

429. *Лю Цинцай, Ван Хайбинь.* Стратегическая схватка между Россией и США и ее воздействие на Китай. // Китай: проблемы гармоничного и устойчивого развития. М., 2009 (Экспресс-информация / ИДВ РАН, № 1). С. 57-64.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АОН — Академия общественных наук
АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР — Азиатско-Тихоокеанский регион
БМП — боевая машина пехоты
БПЛА — беспилотный летательный аппарат
БРПЛ — баллистическая ракета подводного базирования
БРСД — баллистическая ракета средней дальности
БХИРВТ — база хранения и ремонта вооружения и техники
БЧ — боевая часть
ВВП — валовой внутренний продукт
ВВС — военно-воздушные силы
ВМБ — военно-морская база
ВМС — военно-морские силы (иностраные)
ВМФ — военно-морской флот (российский)
ВО — военный округ
ВПК — военно-промышленный комплекс
ВС — вооруженные силы
ВСТО — нефтепровод «Восточная Сибирь — Тихий Океан»
ГЭС — гидроэлектростанция
ДВКД — десантно-вертолетный корабль-док
ЕС — Европейский союз
ЗРК — зенитно-ракетный комплекс
ЗРС — зенитно-ракетная система
ИДВ — Институт Дальнего Востока
ИМЭМО — Институт мировой экономики и международных отношений
ИСАА — Институт стран Азии и Африки
ИСЗ — искусственный спутник Земли
ИТР — инженерно-технический работник
КНДР — Корейская Народно-Демократическая Республика
КНР — Китайская Народная Республика
КП — командный пункт
КПК — Коммунистическая партия Китая
КРВБ — крылатая ракета воздушного базирования
ЛЭП — линия электропередачи
МБР — межконтинентальная баллистическая ракета
МГБ — министерство государственной безопасности

Дракон проснулся?

МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

МИД — министерство иностранных дел

НАТО — Организация Северо-Атлантического договора

НИОКР — научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы

НОАК — Народно-освободительная армия Китая

ОПГ — организованная преступная группа

ПВО — противовоздушная оборона

ПКР — противокорабельная ракета

ПЛ — подводная лодка (неатомная)

ПЛА — атомная подводная лодка (многоцелевая)

ПЛАРБ — атомная подводная лодка с баллистическими ракетами

ПМТО — пункт материально-технического обеспечения

ПТУР — противотанковая управляемая ракета

РАН — Российская академия наук

РЛС — радиолокационная станция

РСЗО — реактивная система залпового огня

РСМД — ракеты средней и меньшей дальности

РФ — Российская Федерация

САУ — самоходная артиллерийская установка

СВА — Северо-Восточная Азия

СМИ — средства массовой информации

СНВ — стратегические наступательные вооружения

СНГ — Содружество Независимых Государств

СП — совместное предприятие

США — Соединенные Штаты Америки

СУАР — Синьцзян-Уйгурский автономный район

СЯС — стратегические ядерные силы

ТВД — театр военных действий

ТТХ — тактико-технические характеристики

ТЭС — тепловая электростанция

ЦВС — Центральный Военный Совет

ШОС — Шанхайская организация сотрудничества

ЮВА — Юго-Восточная Азия

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие редактора	5
Введение	13
I. Основные проблемы и противоречия современного Китая, ограничивающие возможность его устойчивого развития	15
II. Особенности китайских исторических концепций	35
III. Проблема китайской миграции на территорию России в аспекте расширения жизненного пространства Китая	43
IV. Геополитическая стратегия Китая в контексте его внутренних проблем.....	52
V. Военное строительство в Китае	61
VI. Идеологическая подготовка экспансии	86
VII. Некоторые «странности» российского китаеведения.....	97
VIII. Отношения между Китаем и постсоветской Россией	108
IX. Отношения России со странами Азии в аспекте сдерживания Китая	133
X. Отрицание факта китайской угрозы как один из аспектов ее проявления. (Вместо заключения).....	150
Литература	159
Список используемых сокращений	189

Научное издание

Храмчихин Александр Анатольевич

ДРАКОН ПРОСНУЛСЯ?

Редактор *В.И. Степанченко*

Корректор *Е.Е. Баландюк*

Компьютерная верстка *В.В. Короткий*

Подписано в печать 06.06.2013.

Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 12.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Издательский дом «Ключ-С»

127051, Москва, Малый Каретный переулок, д. 11

Тел./факс: (495) 660-66-21

www.kluch-s.ru

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6